

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС77-67071 от 15 сентября 2016 г.

Журнал распространяется только по подписке

Подписной индекс в Агентстве «Пресса России» 44090

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Том 8 № 5 (35)/2018

ISSN 2226-7867

Выходит 6 раз в год

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Е.В. Астахова**, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)
- Д. Байчунь**, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)
- Н.М. Долгополов**, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)
- Т.М. Кальво Мартинес**, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)
- Р. Крум**, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)
- Д. Кьеца**, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)
- В. Макбрайд**, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)
- И. Мамед-заде**, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)
- К. Мацузато**, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)
- А.Н. Нысанбаев**, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)
- Д.Е. Сорокин**, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, член-корреспондент РАН (Россия)
- Ж.-Л. Трюэль**, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странами СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)
- К. Уилкокс**, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL COUNCIL

- E.V. Astakhova**, Doctor of History, Professor, Rector of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy" (Ukraine)
- D. Baychun**, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University, director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China)
- N.M. Dolgoplov**, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers' organizations (Russia)
- T.M. Calvo Martinez**, Doctor, Professor, Director of the Paris International Institute of Philosophy (Spain)
- R. Krumm**, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia)
- D. Chiesa**, Italian journalist and politician, member of the European Parliament (2004–2009) (Italy)
- B. McBride**, Doctor, professor, president of the International Federation of Philosophical Societies (USA)
- I. Mamed-Zadeh**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)
- K. Matsuzato**, Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan)
- A.N. Nysanbaev**, Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)
- D.E. Sorokin**, Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- J.-L. Truelle**, Doctor, a consultant for the development of international relations between Russia and CIS countries, Vice-President of the Association of economists "Le Cercle Kondratieff", professor of the University of Paris-12 (France)
- C. Wilcox**, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ПИ № ФС77-67071 of September, 15, 2016

The journal is distributed only by subscription

Subscription index of "Russian press" agency 44090

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

VOLUME 8 ISSUE 5 2018

ISSN 2226-7867

6 issues per year

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета — **М.А. Эскиндаров**,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Финансового университета,
академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Московского
гуманитарного университета, председатель Историко-
просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор
Института федерализма и гражданского общества,
депутат Государственной Думы Федерального
собрания РФ первого (1993–1995) и второго
(1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор,
декан Международного финансового факультета
Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета
по внешней и оборонной политике (СВОП), главный
редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор,
исполняющий обязанности ректора Севастопольского
государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы
(1993–2014), заведующий кафедрой государственного
и муниципального управления Международного
университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель
Департамента экономической теории Финансового
университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института Дальнего Востока
Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономической политики
и проблем экономической безопасности Финансового
университета;

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор,
академик РАН, академик-секретарь секции философии,
политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук,
генеральный директор Всероссийского центра изучения
общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель
факультета «Социология и политология» Финансового
университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Институт философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат
Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член
комитета ГД по федеративному устройству и вопросам
местного самоуправления, член-корреспондент
Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **А.Б. Шатилов**,
кандидат политических наук, профессор,
декан Факультета социологии и политологии
Финансового университета

Заместитель главного редактора — **А.Г. Тюриков**,
доктор социологических наук, профессор, руководитель
Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора — **Я.А. Пляйс**, доктор
исторических наук, доктор политических наук, профессор
Департамента политологии и массовых коммуникаций
Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент,
руководитель Департамента политологии Финансового
университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор,
проректор по стратегическому развитию и практико-
ориентированному образованию Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор
Департамента политологии Финансового университета;

Н.И. Киселева, кандидат социологических наук, доцент,
заместитель руководителя Департамента социологии по
учебно-методической работе Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии Московского
государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель
декана Факультета социологии и политологии по учебной
работе и международным связям Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент
Департамента экономической теории Финансового
университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, старший
научный сотрудник Института проблем рынка РАН;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор
Департамента социологии Финансового университета;

С.В. Расторгуев, доктор политических наук, профессор,
заместитель руководителя по учебно-методической
работе Департамента политологии и массовых
коммуникаций Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор
Центра политологических исследований Финансового
университета;

П.С. Селезнев, заместитель директора по персоналу
Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор
Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, первый
проректор по внешним связям Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель
декана по магистратуре и профориентационной
деятельности Факультета социологии и политологии
Финансового университета

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, Professor, Head of the “History” Chair of Moscow University for the Humanities, the Chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”;

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999) convocations;

A.I. Il'inskij, Doctor of Engineering, Professor, Dean of the International Financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), Editor in chief of the magazine “Russia in Global Affairs”;

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor, Acting Rector of Sevastopol State University; **I.Y. Novitsky**, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of “State and Municipal Management” Chair, International University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Policy problems of economic security, Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the Section of philosophy, political science, sociology, psychology and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), the supervisor of the faculty “Sociology and Political Science”, Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State Duma of the VI convocation from the “United Russia”, a member of the State Duma committee on the Federal structure and Local Government, a member of the International Academy of Social Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**, Cand. Sci. in Political Science, Professor, Dean of the “Sociology and Political Science” Faculty, Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and mass media, Financial University;

S. Ju. Belokonev, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor, Head of Department of political science, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, the vice rector for a strategic development and the praktiko-oriented education, Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political Science, Financial University;

N.I. Kiseleva, Cand. Sci. in Social Science, Associate Professor, the deputy manager of Department of sociology on educational and methodical work, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor Head of the “Sociology” Chair of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor, “Sociology and Political Science” Faculty, Financial University;

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate professor, Deputy Head of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. in Economics, Assistant professor of Department of political science, Financial University, a Senior researcher at the Institute of Market Problems of Russian Academy of Science;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department of sociology, Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy head of educational and methodical work of the Department of Political Science and mass media, Financial University;

P.B. Salin, Cand. Sci. (Law), director of the Center for Political Studies, Financial University;

P.S. Seleznev, Deputy Director for Human Resources, Financial University;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor, the first vice-rector for external communications, Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean for master's degree and career guidance of the “Sociology and Political Science” Faculty, Financial University

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Бондаренко В.В., Заугаров В.В., Селезнев П.С., Юдина В.А.

Концепция совершенствования университетского обучения иностранных студентов
в Российской Федерации в рамках политики «мягкой силы» 6

Знаменский Д.Ю.

Научный потенциал высшей школы России: перспективные показатели оценки 19

Реброва В.В.

Формирование кадрового резерва в образовательных организациях
столичного мегаполиса (на примере Финансового университета) 24

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Тюриков А.Г., Чернышова Л.И.

«Славянская идея» в русской философской мысли 28

Воронцов С.А., Понеделков А.В., Данилов А.Г.

Об объективном характере ленинских принципов революционной ситуации 35

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Усманова З.Р.

Основные направления кристаллизации социально-политических
представлений российских граждан в интернет-сообществах. 42

Помигуев И.А.

Статус-кво в условиях революционной ситуации: в поисках оптимальных решений 52

Бестаева Е.В.

Автохтонные этноязыковые меньшинства как объект национальной политики
федеративного государства. Опыт ФРГ 58

Гагарина М.А., Власенкова Е.А.

Какие личностные черты определяют готовность россиян инвестировать в криптовалюты? 66

Морева Е.Л., Абдикеев Н.М.

Исследование опыта передовых индустриальных стран по стимулированию промышленного развития. ... 77

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Косевич Е.Ю.

Мексика и реформа Совета Безопасности ООН: традиции, преемственность и перспективы 84

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Булатов А.Г.

Региональные элиты как кадровый резерв для федеральных органов
государственной власти: механизмы и принципы рекрутирования 93

CONTENTS

COVER STORY: MODERN RUSSIAN EDUCATION: ACADEMIC, SCIENTIFIC AND POLITICAL POTENTIAL

Bondarenko V.V., Zaugarov V.V., Seleznyov P.S., Yudina V.A.

The Concept of Improving the University Education of Foreign Students
in the Russian Federation in the Framework of the Policy of "Soft Power" 6

Znamensky D. Yu.

The Scientific Potential of Higher School in Russia:
Prospective Evaluation Indicators. 19

Rebrova V.V.

The Formation of Staff Reserve in the Educational Institutions
of the Capital Megalopolis (On the Example of Financial University) 24

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Tyurikov A.G., Chernyshova L.I.

"The Slavic Idea" in the Russian Philosophical Thought. 28

Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V., Danilov A.G.

About the Objective Nature of the Leninist Principles
of the Revolutionary Situation. 35

URGENT APPLIED RESEARCHES

Usmanova Z.R.

The Main Directions of Crystallization of the Socio-Political Views
of the Russian Citizens in Internet-Communities. 42

Pomiguyev I.A.

Status Quo in a Revolutionary Situation: In the Search for Optimal Solution. 52

Bestaeva E.V.

Autochthonous Ethno-Linguistic Minorities as the Object of the Federal
State's National Policy. The Experience of Federal Republic of Germany. 58

Gagarina M.A., Vlasenkova E.A.

What Personality Traits Determine the Willingness
of Russians to Invest in Cryptocurrencies? 66

Moreva E.L., Abdikeyev N.M.

The Study of the Experience of Advanced Industrial Countries
in Stimulation of Industrial Development. 77

POLITICAL FORECASTING

Kosevich E. Yu.

Mexico and Reform of the United Nations Security Council:
Traditions, Continuity and Perspectives 84

STARTUP OF THE YOUNG SCIENTIST

Bulatov A.G.

The Regional Elite as a Talent Pool for the Federal Authorities:
Mechanisms and Principles of Recruitment 93

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 8, № 5 (35), 2018

Главный редактор —

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов —

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор —

Ю.М. Анютин

Корректор — **С.Ф. Михайлова**

Верстка — **С.М. Ветров**

Переводчик — **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: 8 (499) 943-98-02

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки в редакции

по тел.: (499) 943-94-59,
e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru;

Островская А.С.

Подписано в печать 16.10.2018

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 11,52 усл.п. л.

Заказ № 1001

Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief — **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department —

V.A. Shadrin

Managing editor —

Yu.M. Anyutina

Proofreader — **S.F. Mihaylova**

Design, make up — **S.M. Vetrov**

Translator — **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993

tel.: +7 (499) 943-98-02

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: +7 (499) 943-94-59

e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru

Signed for press on 16.10.2018

Format 60 x 84 1/8.

Size 11,52 printer sheets.

Order № 1001

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ТЕМА НОМЕРА: СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-6-18

УДК 378(045)

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»*

Бондаренко Владимир Викторович,

д-р экон. наук, профессор, директор, Пензенский филиал Финансового университета, Пенза, Россия

VVBondarenko@fa.ru

Заугаров Виктор Валерьевич,

советник при ректорате, Финансовый университет, Москва, Россия

VVZaugarov@fa.ru

Селезнев Павел Сергеевич,

д-р полит. наук, заместитель директора по персоналу ректората, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

sps@fa.ru

Юдина Вера Александровна,

канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Пензенский филиал Финансового университета, Пенза, Россия

VAYUdina@fa.ru

Аннотация. Целью научной статьи является разработка концептуальных подходов к развитию национальной программы по совершенствованию университетского обучения иностранных студентов в рамках политики «мягкой силы» с учетом актуальных тенденций в глобальном образовательном пространстве.

Анализ зарубежных стратегий интернационализации университетского образования, изучение опыта деятельности международных организаций позволил выявить наиболее характерные подходы к привлечению иностранных обучающихся в Российской Федерации, а также определить направления реализации политических и экономических мероприятий, осуществляемых органами власти в сфере расширения экспорта образовательных услуг.

В статье приводятся основные результаты исследования в виде обоснованных направлений поддержки экспорта образовательных услуг для федерального, регионального и университетского уровней управления образованием. Предложенная модель системы управления университетским обучением иностранных обучающихся в рамках политики «мягкой силы» отражает взаимосвязь нормативно-правовых, экономических, инфраструктурных, социально-психологических, информационно-коммуникативных,

* Публикация подготовлена в рамках Государственного задания Правительства Российской Федерации № 9980п-П17 по теме «Университетское обучение иностранных студентов как средство формирования внешнеполитического ресурса государства: отечественный и зарубежный опыт».

организационно-методических инструментов воздействия и результатов расширения экспорта образовательных услуг.

Ключевые слова: высшее образование; экспорт образовательных услуг; интернационализация университетского образования; академическая мобильность, совместные образовательные программы; миграционная политика; иностранные обучающиеся

THE CONCEPT OF IMPROVING THE UNIVERSITY EDUCATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FRAMEWORK OF THE POLICY OF “SOFT POWER”**

Vladimir V. Bondarenko,

*Dr. Sci. of Economics, Professor, Director of the Penza branch of the Financial, Penza, Russia
VVBondarenko@fa.ru*

Victor V. Zaugarov,

*Advisor at the Rector's office of the Financial University, Moscow, Russia
VVZaugarov@fa.ru*

Pavel S. Seleznyov,

*Dr. Sci. of Politics, Deputy Director for Personnel of the Rectorate, Associate Professor of the Department of Political Science of the Financial University, Moscow, Russia
sps@fa.ru*

Vera A. Yudina,

*Cand. Sci. of Economics, Associate Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities of the Penza branch of the Financial University, Penza, Russia
VAYUdina@fa.ru*

Abstract. *The purpose of the article is the development of conceptual approaches to the development of the national program for improvement of university training of foreign students within the policy of “soft power” taking into account current trends in global educational space. The analysis of foreign strategy of internationalization of university education, studying of experience of activity of the international organizations allowed us to reveal the most characteristic approaches to involvement of foreign students into the Russian Federation and also to define the directions of realization of the political and economic actions which are carried out by authorities in the sphere of expansion of export of educational services. We present the main results of our research in the form of the reasonable directions of support of export of educational services at federal, regional and university levels of management of education. The proposed model of a management system of university training of foreign students within the policy of “soft force” reflects interrelation of normative, legal, economic, infrastructure, social, socio-psychological, information and communicative, organizational and methodical instruments of influence and results of the expansion of export of educational services.*

Keywords: *high school; educational services export; internationalization of university education; academic mobility; joint educational programs; migration policy; foreign students*

** The publication was prepared in the framework of the state task of the Government of the Russian Federation No. 9980p-P17 “University education of foreign students as a means of formation of foreign policy resources of the state: domestic and foreign experience”.

Глобальные тренды показывают, что высшее образование становится все более интернациональным, при этом его экспорт является одной из важнейших статей формирования бюджета. Перед российскими организациями высшего образования стоит цель повышения своей глобальной конкурентоспособности, занятия лидирующих позиций, создания условий наиболее качественной подготовки для иностранных обучающихся.

Интернационализация высшего образования как феномен появилась в 80–90-е гг. XX в. и стала одним из важнейших факторов развития национальных систем образования и образовательных организаций стран мира. Университеты учли международное измерение в своих стратегиях — в качестве органической составляющей всех сфер университетской жизни, в формате отдельных принципов или как комплекс мер [1].

Анализ результатов научных исследований в данной сфере показывает, что основополагающий подход к реализации концепции совершенствования университетского обучения иностранных студентов заключается в формировании и развитии процесса объединения межнациональной, межкультурной и глобальной сфер деятельности со стратегией предоставления образовательных услуг [2]. Основные направления концепции совершенствования университетского обучения иностранных студентов в обобщенном виде представлены на рис. 1.

С целью реализации концепции совершенствования университетского обучения иностранных студентов основным механизмом интернационализации образования надгосударственного уровня следует считать создание консорциумов и ассоциаций международного уровня, деятельность которых направлена на создание комфортной среды для академической мобильности.

При этом среди многообразия национальных стратегий интернационализации в странах ОЭСР наиболее адаптивными, учитывающими политические воздействия в этой сфере являются следующие:

1. Согласованный подход (Mutual understanding approach).
2. Стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы (Skilled migration approach).

3. Стратегия получения дохода (Revenue generating approach).

4. Стратегия расширения возможностей (Capacity building approach).

В России реализуется ряд подходов к интернационализации высшего образования, одним из них является так называемый согласованный подход. В соответствии с данным подходом иностранным гражданам на период обучения в России назначаются материальные выплаты (стипендии) с целью расширения сотрудничества с зарубежными странами в рамках постановления от 08.10.2013 № 891 Правительства РФ «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (<http://bit.ly/ao92kr8>).

Стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы реализуется на основании Концепции государственной миграционной политики России от 13.06.2012 (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>), определяющей стратегическую задачу следующим образом: «создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе», а также прогнозирует активное развитие «стратегии привлечения квалифицированной рабочей силы» в связи с продолжительной негативной динамикой демографической ситуации.

Наименее представленной в России является стратегия получения дохода, так как возможность обучения иностранных граждан в российских образовательных организациях в большинстве случаев используется не в полной мере, потому что экспортный потенциал России в данной сфере, по крайней мере, на порядок превышает текущий уровень доходов от обучения иностранных граждан. Однако, по мнению авторов, комплекса мероприятий, проводимых на всех уровнях управления университетским обучением, пока недостаточно для реализации экспортного потенциала России в сфере высшего образования. По нашему мнению, системная работа по наращиванию потенциала экспорта образовательных услуг должна включать ряд важнейших элементов (рис. 2).

Следующее направление интернационализации высшего образования — стратегия расши-

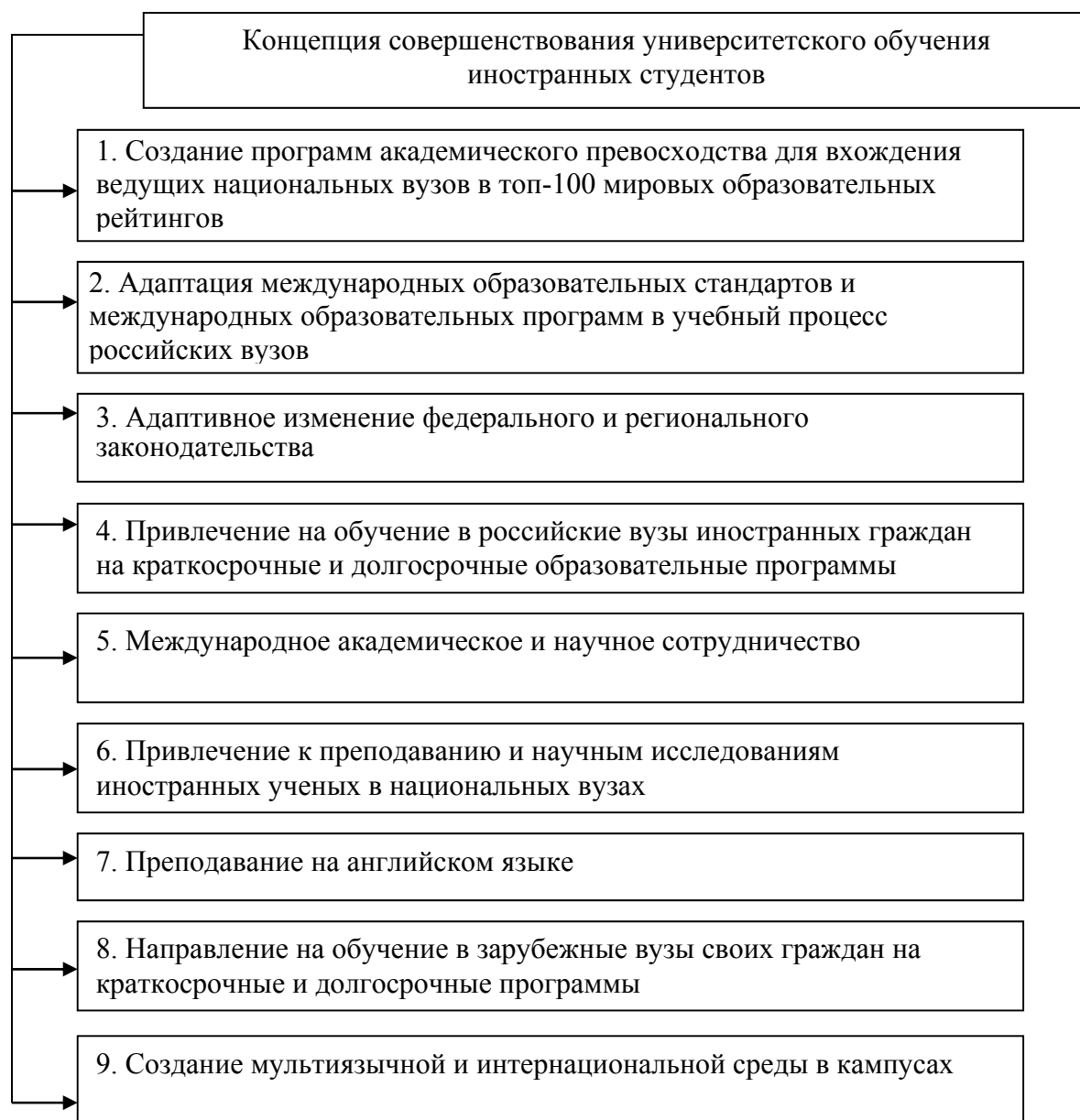

Рис. 1 / Fig. 1. Основные направления реализации концепции совершенствования университетского обучения иностранных студентов / The main directions of implementation of the concept of improving the university education of foreign students

рения возможностей, в соответствии с которой осуществляется господдержка обучения российских граждан за рубежом. Она реализуется в рамках Указа Президента РФ от 28.12.2013 № 967 «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации» и постановления Правительства РФ от 20.06.2014 № 568 «О мерах по социальной поддержке граждан Российской Федерации, самостоятельно поступивших в ведущие иностранные образовательные организации «...», качество обучения по которым соответствует лучшим мировым стандартам, и по обеспечению их трудоустройства в организации, зарегистриро-

ванные на территории Российской Федерации, в соответствии с полученной квалификацией» (<http://government.ru/docs/13277/>).

Стратегия расширения возможностей предполагает увеличение экспортного потенциала отечественного образования не только как одной из весомых статей дохода государственного бюджета за счет комплексного решения ряда задач административно-организационной, нормативно-правовой, финансово-экономической, учебно-методической направленности, а также применения технологии «мягкой силы».

Как показал проведенный анализ, в образовательной политике, реализуемой правитель-

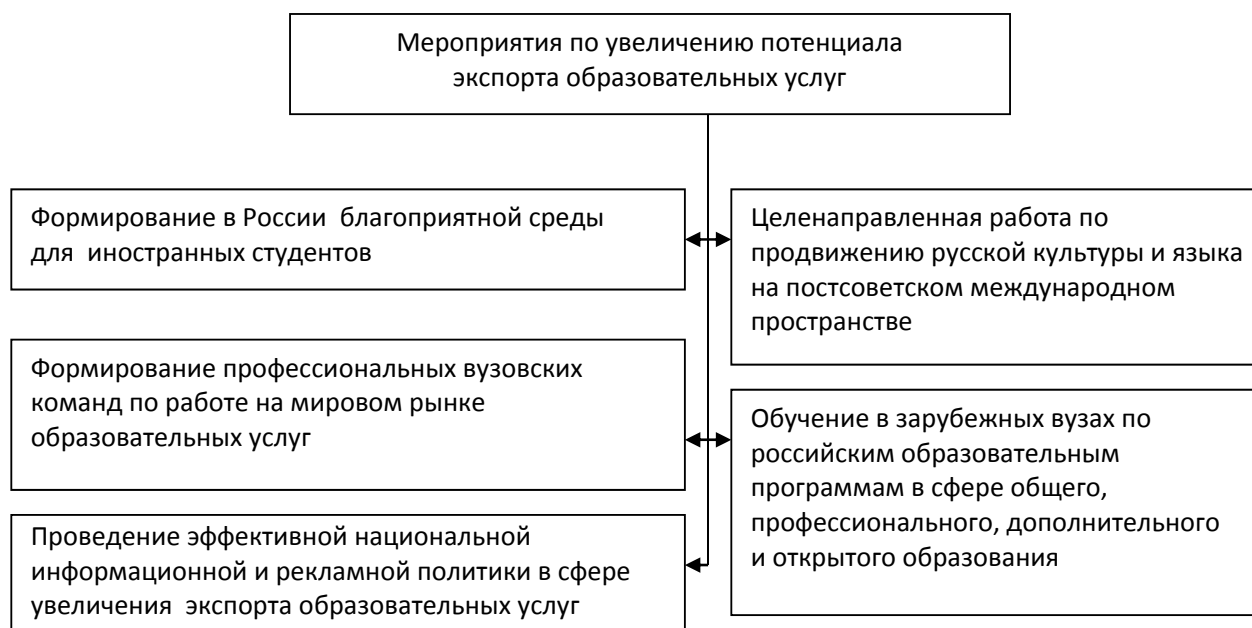

Рис. 2 / Fig. 2. Комплекс мероприятий по повышению потенциала экспорта образовательных услуг в России / The complex of measures increasing the export capacity of educational services in Russia

ством РФ, преобладает согласованный подход к процессам интернационализации высшего образования. В связи с этим представляется целесообразным в ближайшей перспективе параллельно развивать стратегию получения дохода. Развитие данной стратегии обусловлено снижением общего финансирования образовательной сферы и сокращением численности российских студентов вплоть до 2024 г. практически в два раза (по сравнению с 2008 г.). В связи со снижением числа трудоспособного населения России в возрасте 15–64 лет, по среднему варианту прогноза Росстата, к 2030 г. на 10% возрастет количество привлекаемой квалифицированной рабочей силы.

Стратегия расширения возможностей имеет наименьшие перспективы развития в Российской Федерации. Более того, опросы населения показывают снижение интереса к получению зарубежного образования. По данным «Интеграционного барометра ЕАБР», «...в 2015 году существенно уменьшилась ориентация на страны Евросоюза в качестве желанных для получения образования в России (с 46 до 25%)»*. Данная тенденция связана с ухудшением санкционной ситуации вокруг России.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует единая государственная по-

литика в сфере регулирования международной миграции студентов и специалистов, которая адаптировала бы передовой опыт зарубежных стран. В связи с этим нашей стране необходимо интегрироваться в международный конкурентный рынок образовательных услуг за привлечение отдельных категорий специалистов и обучающихся, в котором активно участвуют США, Канада, Великобритания и др. На рис. 3 представлены основные направления миграционной политики.

Необходимо отметить, что развитие стратегии интернационализации образования в Российской Федерации в целом реализуется с учетом мировых тенденций. Основные формы поддержки интернационализации российской высшей школы реализуются по программно-целевому принципу. Однако негативным моментом является то, что всем государственным программам по интернационализации не хватает «прозрачности». Более того, отсутствует единый методологический подход к оценке их эффективности.

На рис. 4 представлен комплекс мероприятий по развитию интернационализации образования в российских вузах.

С учетом выполненного анализа концепций обучения иностранных студентов, представляется необходимым разработать национальную программу по совершенствованию университетского обучения в рамках политики «мягкой

* Интеграционный барометр ЕАБР — 2015 (четвертая волна измерений). СПб.: ЦИИ ЕАБР; 2015.

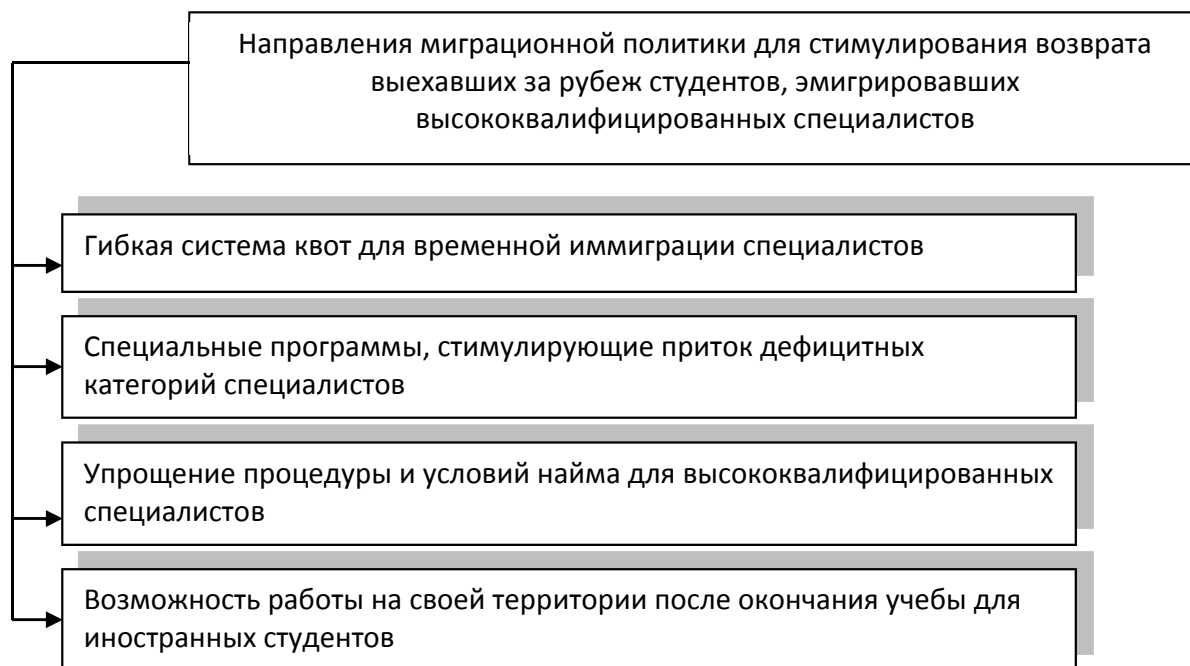

Рис. 3 / Fig. 3. Зарубежный опыт миграционной политики для стимулирования возврата выехавших за рубеж студентов и эмигрировавших высококвалифицированных специалистов / Foreign experience of migration policy to encourage the return of students and emigrated high-qualified specialists

Рис. 4 / Fig. 4. Мероприятия по интернационализации (международной деятельности) программ развития отечественных вузов / Measures for internationalization (international activity) of development programs of domestic universities

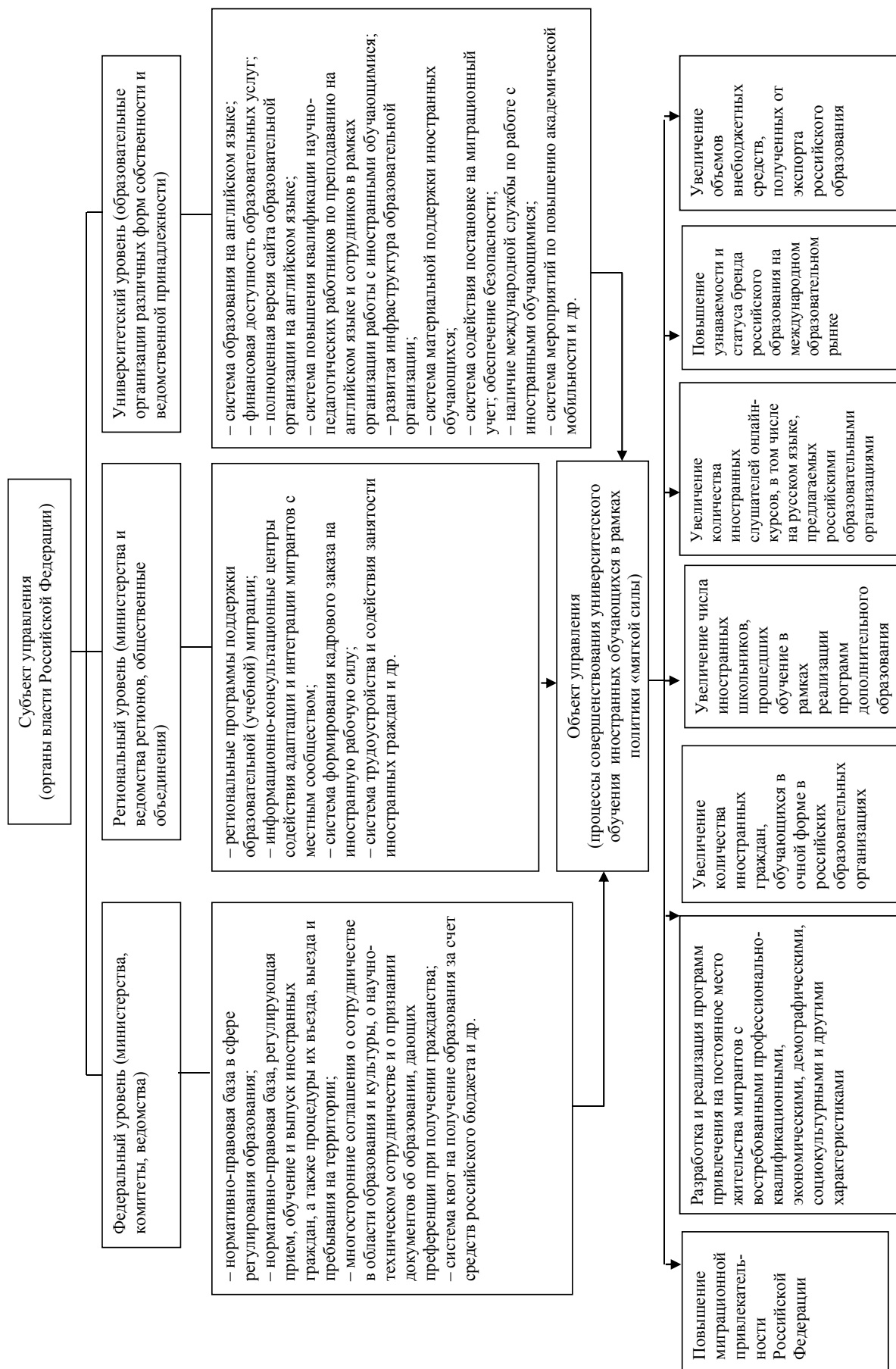

Рис. 5 / Fig. 5. Модель системы управления университетским обучением иностранных обучающихся в рамках политики «мягкой силы» / The model of management system of university training of foreign students under the policy of "soft power"

силы». В программе необходимо представить принципы и методы работы с иностранными обучающимися в РФ, а также унифицированную систему создания благоприятных условий для их обучения и пребывания.

На *рис. 5* представлена модель системы управления университетским обучением иностранных студентов в рамках политики «мягкой силы», предполагающая наличие трех уровней управления университетским обучением: федеральный, региональный и университетский.

Среди многообразия инструментов, используемых органами власти Российской Федерации для привлечения иностранных обучающихся, можно выделить политические, институциональные, экономические, информационные, маркетинговые, организационно-педагогические.

На федеральном уровне целесообразно создать комплекс регламентирующих документов по обучению и пребыванию иностранных обучающихся в российских вузах (правила приема; реализация совместных образовательных программ; обучение на иностранных языках; нормативно-правовые документы, регулирующие вопросы миграции и трудовой деятельности иностранных обучающихся).

На региональном уровне должны реализовываться комплексы мероприятий по созданию благоприятной среды, основанные на объединении усилий органов государственной власти, образовательных, общественных, некоммерческих организаций, бизнес-сообществ, расположенных на территории регионов.

На университетском уровне предполагается создание единой системы обучения и пребывания иностранных студентов в образовательной организации высшего образования, включающей предвузовский, адаптационный, интеграционный периоды, а также период пребывания и обучения в вузе.

В качестве основных ограничений при формировании концептуальных подходов по совершенствованию университетского обучения иностранных студентов в Российской Федерации могут рассматриваться следующие:

- законодательство Российской Федерации не содержит положения, регулирующие принципы финансирования (оплаты) обучения зачисленных в российскую образовательную организацию студентов в период их

учебы в иностранной организации в рамках образовательной программы, разработанной совместно с иностранным вузом-партнером;

- законодательство Российской Федерации не содержит отдельные положения, регулирующие порядок государственной аккредитации совместных образовательных программ, в том числе реализуемых с иностранными вузами-партнерами;

- отсутствуют соглашения с некоторыми странами о взаимном признании документов об образовании;

- продолжительность обучения в ординатуре не соответствует запросам некоторых стран (2 года вместо 3–4 лет);

- нечетко определен порядок прохождения практик в различных сферах трудовой деятельности в РФ и в родной стране;

- уровень владения русским языком у абитуриентов недостаточный; отсутствуют четко прописанные требования к уровню владения русским языком и к документам, подтверждающим этот уровень;

- не определены принципы формирования совместной с зарубежным вузом образовательной программы, по результатам освоения которой вуз-партнер выдает диплом об образовании по соответствующей совместной программе;

- не прописана возможность формирования программы двойных (совместных) дипломов, по результатам освоения которой выдается единый диплом об образовании от имени всех вузов-партнеров;

- отсутствует механизм продления срока временного пребывания до момента защиты кандидатской диссертации для закончивших аспирантуру;

- сложный порядок миграционного учета и контроля за сменой места пребывания на короткое время;

- узкий круг организаций, в которых могут осуществлять трудовую деятельность иностранные обучающиеся без получения разрешения на работу или патента;

- дифференцированные величины государственной пошлины за получение разрешения на работу;

- повышенная ставка подоходного налога для иностранных граждан;

- отсутствие единых требований к форме предоставления и содержания необходимой

документации для медицинского заключения об отсутствии противопоказаний у иностранного абитуриента для обучения в вузе на территории РФ;

- отсутствие системы грантовой и стипендиальной поддержки иностранных обучающихся.

При этом в качестве базовой основы реализации предлагаемой концепции по совершенствованию университетского обучения иностранных студентов в Российской Федерации следует применять политику «мягкой силы». Реализация политических и экономических мероприятий, осуществляемых органами власти Российской Федерации в сфере расширения экспорта образовательных услуг, должна быть направлена на усиление роли нашей страны как одного из крупнейших образовательных центров в соответствии с геополитическими и социально-экономическими интересами.

Потребность в формировании механизмов взаимодействия субъектов управления университетским обучением, представителей бизнес-сообществ и иных заинтересованных структур для продвижения образовательных услуг на внешнем рынке на основе приоритетов внешнеэкономического и геополитического развития обусловлена следующими причинами:

- 1) реализация модели развития сравнительных преимуществ образовательных организаций (при этом ключевыми параметрами для сравнения являются стоимость обучения и проживания, репутация и имидж вуза, наличие востребованных образовательных программ, развитая инфраструктура, наличие благоприятных условий для социально-психологической адаптации иностранных обучающихся и др.);

- 2) приведение показателей системы оценки деятельности образовательных организаций Российской Федерации в соответствие с критериями рейтинговой оценки высших учебных заведений, принятой в развитых странах (методологические различия в их трактовке и методах измерения затрудняют включение российских вузов в рейтинговые классификаторы);

- 3) диверсификация подготовки кадров для академической мобильности в рамках развития наукоемкого производства;

- 4) реализация геополитических интересов, усиление влияния на развитие событий в зарубежных регионах и странах за счет экс-

порта национальных ценностей и идеологии (позиции выпускников, участников программ академической мобильности, обмена в рамках обучения и т. п.).

В соответствии с основными направлениями Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (утвержден Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30.05.2017 № 6), дорожной карты по совершенствованию российской нормативно-правовой базы в части экспорта российского образования, постановлением Правительства РФ от 16.03.2013 № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» (<http://kremlin.ru/events/president/news/15635>, <http://docs.cntd.ru/document/902130343>, <http://legalacts.ru/doc/pasport-prioritetnogo-proekta-razvitie-eksportnogo-potentsiala-rossiiskoi-sistemy-obrazovaniya/>, http://fgosvo.ru/uploadfiles/PostPrav/PP_211_16032013_s_ism.pdf) указывается обязательное условие для привлечения в Россию иностранных студентов и преподавателей — формирование благоприятной социально-экономической среды.

Для федерального уровня управления системой университетского обучения в рамках реализации политики «мягкой силы» целесообразно выделить следующие рекомендации:

- совершенствование миграционного законодательства в части упрощения миграционного учета, механизма продления срока временного пребывания при переходе обучения от уровня бакалавриата к уровню магистратуры, от момента защиты кандидатской диссертации для закончивших аспирантуру;

- совершенствование нормативно-правовой и методической базы по вопросам налогообложения образовательной деятельности в рамках международного сотрудничества;

- цифровизация единой системы мониторинга показателей спроса и анализа предложения образовательных услуг, а также оценки

потребностей мировых, региональных и национальных рынков труда;

- совершенствование единой информационной системы в сети Интернет (<https://russia.study/ru>) для привлечения на обучение иностранных граждан и обеспечения их удобными средствами навигации по российским образовательным организациям и научным центрам; возможность обучения в этнических (межэтнических) группах; создание условий социально-психологической поддержки для адаптации иностранных обучающихся; уточнение наименований областей образования в соответствии с международными классификаторами и т.п.;

- создание международного центра поддержки иностранных обучающихся (в части вопросов миграционного учета, содействия по трудоустройству, стажировок на период обучения, жилищных проблем);

- внесение поправок в нормативно-правовые документы в части регулирования оплаты труда научно-педагогических работников путем введения надбавок за повышение уровня владения иностранными языками;

- участие в программах академической мобильности (в системе эффективного трудового контракта);

- формирование международной системы информационно-консультационных центров (или представительств) по образовательным услугам отечественных вузов в зарубежных странах, специализирующихся на продвижении достижений российской системы образования или наиболее востребованных за рубежом программ всех уровней подготовки;

- формирование реестра наиболее эффективных образовательных организаций с учетом их результативности и накопленного опыта работы с иностранными учащимися с целью аккумулирования данных и использования их в деятельности других российских образовательных учреждений;

- формирование единой системы оценки уровня спроса и предложения образовательных услуг, потребностей мировых, региональных и национальных рынков труда и системы распределения по регионам в зависимости от предпочтений иностранных абитуриентов и максимального соответствия по основным сравнительным параметрам образовательных организаций.

Для регионального уровня управления системой университетского обучения целесообразно выделить следующие рекомендации:

- продвижение бренда региональных вузов как части системы региональных институтов развития в зарубежных городах-побратимах, городах-партнерах в процессе реализации совместных образовательных, социально-экономических, инновационных и иных проектов;

- установление и развитие контактов с Всемирной ассоциацией выпускников высших учебных заведений, ассоциациями иностранных выпускников российских (в том числе советских) вузов в целях лоббирования интересов российских региональных вузов в странах проживания выпускников;

- разработка информационных сборников о преимуществах обучения в региональных образовательных организациях для иностранных абитуриентов (в виде бумажного каталога или размещения актуальной информации на официальном сайте для отбора иностранных граждан на обучение в России) (<https://russia.study/ru>);

- организация региональной «горячей линии» по вопросам оказания помощи иностранным студентам в адаптации в российских вузах и решению социально-психологических и других проблем.

В качестве рекомендаций образовательным организациям на университетском уровне необходимо реализовать следующие мероприятия:

- формирование системы академической мотивации иностранных обучающихся на продолжение карьеры в России;

- устранение дидактических и лингвистических барьеров между обучающимися и преподавателями;

- внедрение инновационных технологий и методов образовательной деятельности, соответствующих ожиданиям иностранных обучающихся;

- формирование инновационных предложений и форм образовательных услуг, конкурентоспособных и востребованных на рынке международного образования;

- развитие программ повышения квалификации в области языковой подготовки для научно-педагогических работников технических направлений;

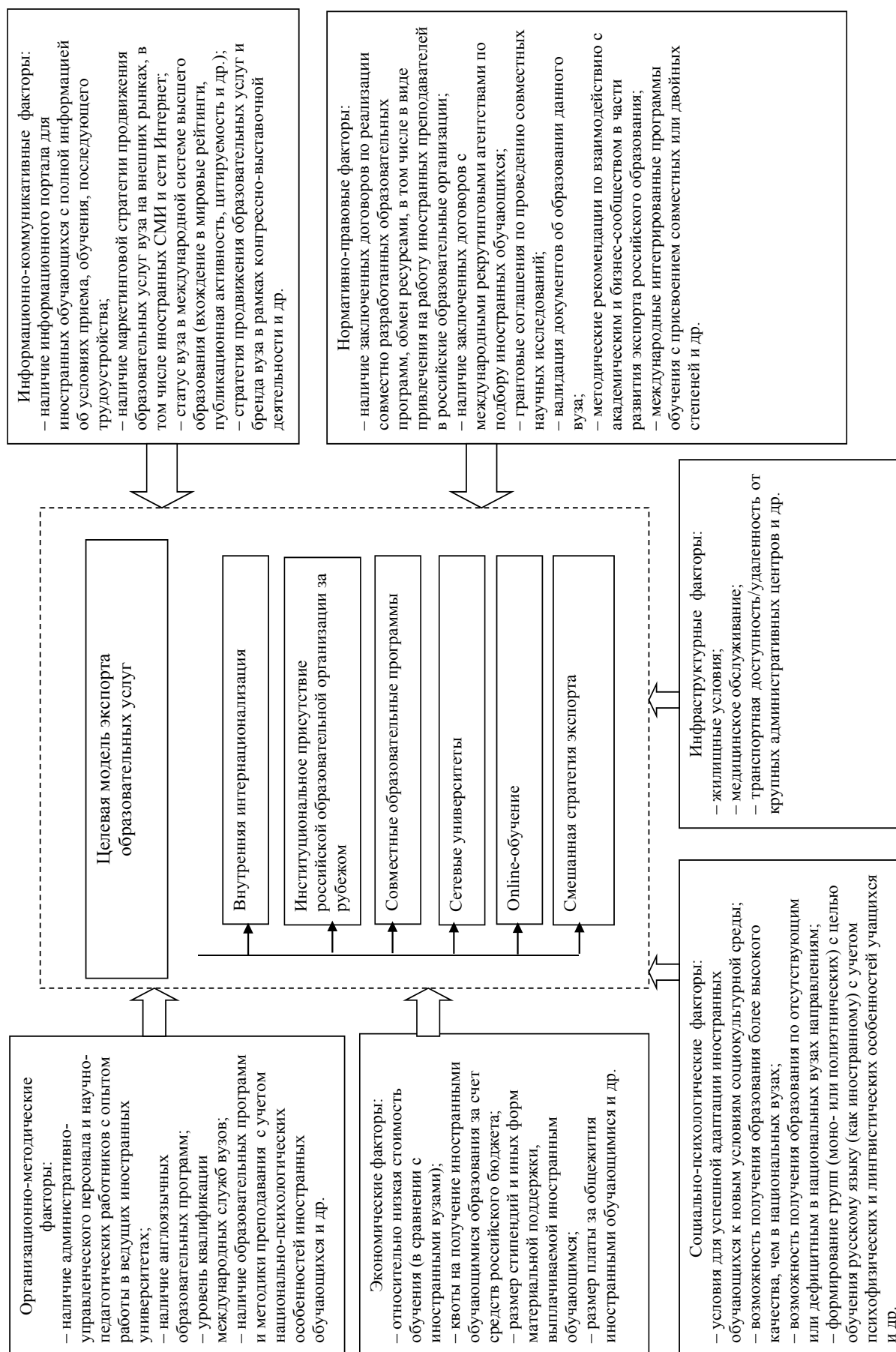

Рис. 6 / Fig. 6. Факторы, влияющие на выбор образовательной модели экспорта образовательных услуг / Factors influencing the choice of educational organization model of export of educational services

- установление и поддержание сотрудничества с известными или имеющими общественный, политический вес иностранными выпускниками российских образовательных организаций (в том числе окончивших советские вузы) в целях продвижения брендов российских региональных вузов в странах проживания выпускников;

- развитие инновационных форм совместных образовательных программ и программ на английском языке, в том числе развитие онлайн-образования для иностранцев;

- развитие образовательных и социально-культурных туристических маршрутов, сезонных программ обучения для иностранцев и др.

В целом выбор образовательной организацией целевой модели реализации экспорта образовательных услуг зависит от ряда системных факторов, среди которых можно выделить организационно-методические, экономические, социально-психологические, инфраструктурные, нормативно-правовые, информационно-коммуникативные (рис. 6).

К основным критериям оценки иностранными обучающимися привлекательности конкретного вуза можно отнести: стоимость обучения и проживания, качество образования, репутацию, имидж вуза. Стоимость обучения зависит от многих факторов: страны, ценовой политики самого учебного заведения, типа программы и продолжительности обучения [3].

Также представляется необходимым усилить формы работы с зарубежными вузами-партнерами по следующим направлениям:

1. Учебно-методическая работа в рамках разработки учебных планов образовательных программ бакалавриата и магистратуры, содержания учебных дисциплин, системы оценивания текущей и промежуточной успеваемости и пр. с учетом требований организации международной деятельности.

2. Совершенствование образовательных организаций в части содержания компетенций выпускников и их соответствия международным профессиональным стандартам.

3. Организация совместных научных исследований по наиболее актуальным направлениям фундаментальных наук на основе информационной системы поиска зарубежных коллективов со схожей тематикой.

4. Организация совместной деятельности по разработке систем формирования комплексного организационно-методического и программно-информационного обеспечения основных образовательных программ, программ дополнительного профессионального образования, разрабатываемых на основе выявления потребностей иностранных граждан.

5. Маркетинговая деятельность по участию российских вузов в тематических выставках и профориентационных мероприятиях в зарубежных странах.

Помимо изложенного, по нашему мнению, необходимо разработать стратегию продвижения бренда российского образования за рубежом через каналы российских загранпредставительств и ведущих СМИ, сеть Интернет; организовать консолидированное представление отечественных вузов на международных выставках; повышать привлекательность образовательных программ подготовки, переподготовки (в том числе в дистанционном формате) на иностранных языках для их последующего продвижения в мире.

Еще одним важным направлением поддержки экспорта образовательных услуг в рамках реализации приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» может стать опыт проектного управления, накопленный в других отраслях народного хозяйства. Так, кросс-функциональная команда, включающая ответственных представителей от каждой из заинтересованных сторон, будет способствовать реализации конкретного проекта по развитию экспорта образовательных услуг и осуществлять:

- разработку концепции интегрированного процесса предоставления информации об образовательных услугах, например конкретного региона или группы вузов, реализующих схожие образовательные программы;

- тактическое и оперативное управление созданием соответствующей части программно-аппаратного комплекса при реализации дистанционного обучения; разработкой образовательной программы с учетом национальных и социально-психологических особенностей иностранных обучающихся конкретной страны; формированием плана маркетинговых и коммуникационных мероприятий по популяризации результатов образовательной, научно-исследовательской,

воспитательной деятельности российских вузов, положительного опыта трудоустройства и др. Для формирования устойчивой лояльности иностранных потребителей образовательных услуг необходимо разработать программу накопительных скидок или иных материальных преференций в зависимости от количества выбранных образовательных программ, количества дополнительных образовательных услуг, зачисленных по персонализированным приглашениям к обучению соотечественников;

- реализацию и контроль результатов проекта по развитию экспорта образовательных услуг, включая разработку нормативно-правового и методического обеспечения основных процессов.

Таким образом, решение концептуальных задач государственной политики на мировом рынке образовательных услуг на любом уровне

не управления университетским обучением направлено на формирование и реализацию стратегии продвижения национальной системы образования, а также брендов отдельных российских вузов с целью повышения эффективности их позиционирования и создания для них благоприятных условий развития на мировых рынках образовательных услуг. При этом правительство может поддерживать университеты напрямую, через систему международных многосторонних соглашений, предоставления квот на обучение иностранным гражданам за счет бюджетных средств. Оно также может оказывать косвенную поддержку в виде рекомендательной регламентации их связей с бизнес-сообществом, общественностью (за счет маркетинговых коммуникаций вузов) и так называемого мягкого стимулирования выхода на мировой рынок (за счет развития маркетинговых коммуникаций государства как участника рынка).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краснова Г. А. Интернационализация образования в России и в мире. *Аккредитация в образовании*. 2016;8(92):68–70.
2. Джанин Грегерсен-Херманс. Организационные возможности университетов как слабое звено в развитии межкультурных компетенций. *Международное высшее образование*. 2015;(78):14.
3. Галямова Э. Ф., Кудимана Г. О. Привлекательность российских вузов на международном рынке образовательных услуг. *Вестник Удмуртского университета*. 2017;27(3):21–26.

REFERENCES

1. Krasnova G. A. Internationalization of education in Russia and in the world. *Akkreditatsiya v obrazovanii*. 2016;8(92):68–70. (In Russ.).
2. Janine Gregersen-Hermans. Organizational opportunities of the universities as a weak nexus in development of cross-cultural competencies. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie*. 2015;(78):14. (In Russ.).
3. Galyamova E. F., Kudimana G. O. The attractiveness of the Russian universities in the international market of educational services. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2017;27(3):21–26. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-19-23
УДК 323.21(045)

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ

Знаменский Дмитрий Юрьевич,

канд. полит. наук, доцент,

заместитель заведующего кафедрой государственного управления и политических технологий,

Государственный университет управления, Москва, Россия

belyferz@list.ru

Аннотация. В статье раскрывается актуальная проблема методологии оценки научного потенциала российских вузов. Автор подчеркивает значимость методологии оценки как составной части концепции государственной политики Российской Федерации по управлению научным потенциалом высшей школы. В качестве методологической и методической базы исследования автор использует комплекс общенаучных методов (анализ, синтез, метод аналогий и др.), а также активно опирается на результаты социологических и экспертных опросов. Особого внимания заслуживает проведенный автором глубокий анализ факторов формирования и развития научного потенциала вузов и показателей эффективности его реализации.

В качестве основных результатов исследования автор выделяет: во-первых, сформулированные в статье методологические принципы оценки научного потенциала высшей школы; во-вторых, систему показателей для проведения такой оценки на различных стадиях жизненного цикла научного потенциала высшей школы; в-третьих, принципиальный подход к апробации предлагаемой методики.

В качестве перспективных направлений исследований в данной области следует обратить внимание на проблематику взаимодействия государства с вузовским сообществом, различными группами интересов и экспертами в процессе формирования повестки дня политики в области развития научного потенциала высшей школы. Полученные результаты могут быть использованы при разработке новой концепции соответствующего направления государственной политики.

Ключевые слова: государственная политика; научный потенциал высшей школы; эффективность; оценка научного потенциала; факторы научного потенциала; реализация научного потенциала

THE SCIENTIFIC POTENTIAL OF HIGHER SCHOOL IN RUSSIA: PROSPECTIVE EVALUATION INDICATORS

Dmitry Yu. Znamensky,

Cand. Sci. in Politics, Associate Professor

Deputy Head of the Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management, Moscow, Russia

belyferz@list.ru

Abstract. The article reveals the actual problem of the methodology for assessing the scientific potential of Russian universities. At the beginning of the article, the author emphasizes the significance of the assessment methodology as an integral part of the concept of public policy of the Russian Federation in the area of managing the scientific potential of higher education. As a methodological and methodical base of research the author uses a set of general scientific methods (analysis, synthesis, a method of analogies, etc.), and also actively relies on the results of sociological and expert surveys. Special attention should be given to the author's in-depth analysis of the factors of formation and development of the scientific potential of universities and indicators of the effectiveness of its implementation. As the main results of the study, the author identifies: first, the methodological principles

formulated in the article for assessing the scientific potential of higher education; second, a system of indicators for such assessment at different stages of the life cycle of the scientific potential of higher education; third, a fundamental approach to the approbation of the proposed methodology. As perspective directions of research in this area, attention should be paid to the problems of interaction of the state with the university community, various interest groups and experts in the process of forming the agenda of policy in the development of the scientific potential of higher education. The results we obtained can be used in the development of a new concept of the corresponding direction of public policy.

Keywords: *public policy; the scientific potential of high school; efficiency; appreciation of high school scientific potential; factors of high school scientific potential; realization of scientific potential*

Значимость проблематики развития научного потенциала российских вузов, неоднократно подчеркиваемая в ряде публикаций отечественных ученых [1–5], делает актуальным вопрос о разработке концептуального обеспечения данного направления государственной политики. В первую очередь такое обеспечение предполагает создание документов стратегического характера, определяющих принципы, цели и методы государственной политики в области развития научного потенциала отечественной высшей школы [6, 7].

Как уже отмечалось автором в ряде публикаций, характеристика возможной концепции государственной политики Российской Федерации по управлению научным потенциалом высшей школы может строиться исходя из системно-динамического подхода [8]. Думается, что структура такой концепции должна включать: во-первых, пространственные аспекты данной политики (в том числе систему соответствующих целей и приоритетов, основные направления, нормативно-правовые и институциональные основы политики); во-вторых, ее временной компонент, предполагающий характеристику ключевых этапов ее осуществления; в-третьих, технологический компонент политики (последовательно раскрывающий технологии оценки научного потенциала высшей школы России и технологии взаимодействия государства с различными политическими институтами в процессе формирования политики, ее реализации и оценки ее результативности) [6].

В контексте настоящей статьи представляется необходимым детально остановиться на таком аспекте технологического компонента политики по управлению научным потенциалом высшей школы, как методы оценки научного потенциала на всех стадиях его жизненного цикла. Данная оценка должна базироваться на следующих методологических принципах: 1) недопустимость смешения оценки факторов формирования научного потенциала

высшей школы с оценкой форм его реализации, что предполагает разграничение первичной и вторичной оценок научного потенциала; 2) связь между конкретными показателями оценки, их группами и блоками, а также интегрированными оценками; 3) сведение разнокачественных и разноплановых показателей на базе 10-балльной шкалы, что позволяет сворачивать показатели в индексы, производить их сопоставление; 4) отказ от применения весовых коэффициентов в целях сохранения единой размерности; 5) ограничение временного горизонта показателей 1 годом без нарастающего итога; 6) сопоставимость любых показателей во времени с целью выявления их динамики [9, 10].

Логика жизненного цикла научного потенциала высшей школы (а именно, выделение трех основных его стадий — формирование научного потенциала, его наращивание и реализация) подсказывает, что речь в данном случае должна идти о трех типах оценки: первичной, вторичной и итоговой.

Думается, что тип проводимой оценки в значительной степени определяет методы ее осуществления. Так, первичная оценка во многом должна сводиться к характеристике материально-технических, информационных, организационных, кадровых, финансовых и иных ресурсов отечественной высшей школы [11]. Набор соответствующих показателей в настоящее время уже активно используется при комплексной оценке эффективности российских вузов [5]. Что же касается вторичной оценки, что в качестве объекта здесь выступают различные формы реализации имеющегося научного потенциала, т.е., по сути, измерению подлежит *результат научных исследований*, что, безусловно, должно найти отражение в применяемых показателях. Следует заметить, что в настоящее время практически все означенные показатели зачастую сводятся к показателям цитируемости. Итоговая оценка, в отличие от предыдущих двух, не предполагает широкого спектра методов, а осуществляется «в одно действие» путем сопоставления индексов первичной

и вторичной оценок. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся простоту, ее результаты могут служить важным материалом для анализа государственной политики по управлению научным потенциалом высшей школы.

Первичная оценка научного потенциала высшей школы, как представляется, должна осуществляться посредством, во-первых, заочной управляемой экспертизы (самым распространенным примером может послужить метод Дельфи) и, во-вторых, очного обсуждения сформированной повестки дня в рамках единого всероссийского мероприятия.

Главными целями первичной оценки научного потенциала высшей школы является определение его изначального уровня, а также разработка соответствующей целевой программы или иного основополагающего документа.

Исходя из означенных целей, а также из структуры самого научного потенциала высшей школы показатели первичной оценки предполагается объединить в следующие группы: 1) показатели институциональных факторов формирования научного потенциала высшей школы (в том числе показатели организационно-структурной оформленности научно-исследовательской подсистемы высшей школы, характеристика коммуникаций в системе управления научно-исследовательской деятельностью и т.д.); 2) показатели кадровых факторов [т.е. характеристика кадрового потенциала российских вузов, в том числе уровень острепенности научно-педагогических работников (НПР), доля молодых ученых и численность аспирантов, докторантов и соискателей в коллективах российских вузов]; 3) социальные факторы (в первую очередь — показатели эффективности материального и нематериального стимулирования НПР, а также уровень престижа научно-исследовательской деятельности в вузах); 4) показатели обеспеченности информационными ресурсами (прежде всего — доступ к электронным библиотечным системам); 5) показатели обеспеченности материально-техническими ресурсами (например, средняя обеспеченность НПР лабораторными помещениями и научным оборудованием); 6) показатели обеспеченности финансовыми ресурсами (в том числе характеристика запланированных расходов вузов на научно-исследовательскую деятельность); 7) показатели соответствия научно-исследовательской деятельности вузов приоритетам государственной политики (выполнение НИР по тематике, соответствующей приоритетным направлениям развития науки и техники РФ и критическим технологиям

РФ); 8) показатели соответствия научно-исследовательской деятельности вузов конъюнктуре рынка НИОКР; 9) показатели интеграции высшей школы в национальную научно-технологическую систему и международное научное сотрудничество (наличие интегрированных структур между вузами или совместно с организациями академического сектора науки, а также показатели академической мобильности обучающихся и НПР). Для оценки показателей 1-, 4-, 5-, 7-, 8- и отчасти 9-й групп предполагается задействовать экспертные оценки (в том числе с применением метода Дельфи). Выявление значений показателей 2-, 6- и отчасти 9-й групп предполагает анализ статистических данных. Значения показателей 3-й группы думается установить по результатам социологического исследования.

Что же касается вторичной оценки, то здесь речь идет о комплексе методов, включающих в себя статистические, библиометрические, экспертно-оценочные и иные методы, с помощью которых возможно, во-первых, оценить результаты деятельности по наращиванию научного потенциала вузов (т.е. по сути — осуществить еще одну первичную его оценку, которая впоследствии и будет положена в основу оценки итоговой) и, во-вторых, предварительно охарактеризовать формы его реализации.

Что касается вторичной оценки научного потенциала высшей школы, то ее цель и содержание состоит в определении результатов научно-исследовательской деятельности в вузах. Данные результаты (т.е. формы реализации научного потенциала высшей школы) могут быть сведены к следующим: а) институциональные формы реализации (формирование различных научно-исследовательских подразделений и внедренческих структур); б) научно-информационные формы, характеризующие публикацию результатов научных исследований; в) аттестационно-кадровые формы (выпуск научно-педагогических кадров и формы их признания в профессиональном сообществе); г) инновационные формы, предполагающие накопление оформленных в установленном порядке результатов интеллектуальной деятельности; д) финансовые формы, отражающие стоимостные результаты научно-исследовательской деятельности вузов.

Исходя из приведенной классификации форм реализации научного потенциала высшей школы, показатели его вторичной оценки должны быть объединены в соответствующие группы: 1) показатели институциональных результатов научно-исследовательской деятельности организаций высшей школы (в том числе развитие системы национальных

исследовательских университетов и иных вузов с особым статусом, уровень и масштабы организуемых в вузах научных конференций, симпозиумов и иных подобных мероприятий, а также функционирование при вузах малых инновационных предприятий и научно-образовательных центров); 2) аттестационно-статусные показатели реализации научного потенциала высшей школы (в том числе характеризующие наличие и статус научных школ в вузах, статистика защит кандидатских и докторских диссертаций и т.д.); 3) показатели реализации результатов интеллектуальной деятельности (так называемая патентная статистика); 4) научно-информационные (в том числе библиометрические) показатели; 5) финансовые показатели научно-исследовательской деятельности высшей школы (в первую очередь — средний объем средств, полученных в результате НИР). Для их оценки представляется необходимым задействовать главным образом методы анализа статистических данных, а также, отчасти, экспертные методы.

В соответствии с логикой жизненного цикла научного потенциала далее речь должна идти о методах его итоговой оценки (т.е. сопоставления результатов первичной и вторичной оценки). Примечательно, что результаты итоговой оценки научного потенциала дают возможность с достаточно высокой степенью вероятности спрогнозировать дальнейшую динамику его развития, что существенно облегчает процедуру корректировки государственной политики.

Применение первичной и вторичной оценок изолированно друг от друга, как показывают наработки различных авторов, в принципе возможно. В то же время представляется несомненной их недостаточная продуктивность, поскольку в первом случае акцент делается на исходных условиях и понесенных затратах, которые могут не привести к желаемому эффекту. Во втором же случае в фокусе оценки оказываются результаты научно-исследовательской деятельности в отрыве от стартовой базы, что, в свою очередь, затрудняет оценку реальных усилий коллектива вуза.

Обращение к классическому определению эффективности как соотношения между получаемыми результатами (продуктами, услугами), с одной стороны, и соответствующими затратами ресурсов, труда и т.д. — с другой, позволяет разрешить

вышеуказанное противоречие. Сопоставление результатов вторичной (т.е. числителя) и первичной (т.е. знаменателя) оценок представляет собой итоговую оценку эффективности использования научного потенциала негосударственного вуза, позволяющую, как будет показано ниже, с высокой степенью точности, во-первых, диагностировать реальное положение дел в сфере научно-исследовательской деятельности, а во-вторых, — определить пути дальнейшего развития научного потенциала негосударственного вуза [10].

Сформулированное методологическое положение определяет содержание авторской методики итоговой оценки научного потенциала высшей школы. В ней можно выделить две важнейшие части: во-первых, принципы итоговой оценки; во-вторых, подходы к трактовке полученных индексов итоговой оценки.

Таким образом, анализ результатов комплексной оценки научного потенциала высшей школы позволяет не только охарактеризовать его текущее состояние, но и сформулировать основные направления государственной политики по его развитию. В этой связи думается, что именно комплексная оценка призвана стать основой эффективной стратегии государства в соответствующей области.

Предлагаемая в настоящей статье методика оценки научного потенциала высшей школы сейчас проходит апробацию. Объектом оценки в ходе апробации выбран научный потенциал высшей школы в трех субъектах Российской Федерации (г. Москва, Новосибирская область и Ставропольский край). Целями исследования являются проверка релевантности системы показателей первичной и вторичной оценки научного потенциала высшей школы, отработка методики измерения данных показателей и их уточнение. При проведении данного исследования автором задействуются опросные методы (в первую очередь — для оценки социальных факторов формирования научного потенциала вузов), фокус-групповые экспертные оценки, а также методы анализа библиометрических данных и патентной статистики, в том числе ресурсы Российского индекса научного цитирования, данные Министерства образования и науки Российской Федерации и Росстата. Результаты апробации планируется осветить в следующих публикациях автора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галлямова Л.И. Интеграция академической науки и высшей школы как фактор интеллектуального потенциала Тихоокеанской России. *Россия и АТР*. 2017;1(95):35–48.

2. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В., Калинова К.В., Сергеев С.В. Государственная научно-техническая политика в модернизационной стратегии России. Монография. М.: Изд-во МосГУ; 2013.
3. Кирюшина О.Н. Научный потенциал высшей школы как фактор модернизации системы образования и основа развития общества. *Национальная ассоциация ученых*. 2016;(4):88–90.
4. Литвинова К.П. Развитие научно-образовательного потенциала высшей школы. *Совет ректоров*. 2015;(7):65–68.
5. Качак В.В., Масленников А.М., Ружанский П.А. Оценка научного потенциала вузов регионов России и эффективность его использования; Моск. гос. инженер.-физ. ин-т (техн. ун-т), Науч.-исслед. лаб. «Науч.-техн. потенциал высш. шк.». М.: МИФИ; 1998.
6. Знаменский Д.Ю. Государственная политика РФ по управлению научным потенциалом высшей школы: контуры концепции. В сборнике: Реформы в России и проблемы управления — 2017. Материалы 32-й Всероссийской научной конференции молодых ученых. Изд-во: Государственный университет управления (Москва); 2017.
7. Туровский А.А. Стратегия в системе управления. *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2007;3(3):227–235.
8. Знаменский Д.Ю. К вопросу о применении системно-динамического подхода к исследованию процессов формирования и реализации государственной научно-технической политики. *НВ: Проблемы общества и политики*. 2014;(7):50–63.
9. Знаменский Д.Ю., Сычев А.В. Научный потенциал негосударственного вуза: системный подход к исследованию. *Интернет-журнал Науковедение*. 2013;4(17):9.
10. Сычев А.В. К вопросу о принципах и методике оценки эффективности использования научного потенциала негосударственного вуза. *Вестник Университета (Государственный университет управления)*. 2014;(12):234–237.
11. Сычев А.В. Первичная оценка научного потенциала негосударственного вуза: варианты подходов. *Интернет-журнал «Науковедение»*. 2014;4(23):17.

REFERENCES

1. Gallyamova L.I. Integration of academic science and higher education as a factor of intellectual potential of Pacific Russia. *Rossiia i ATR*. 2017;1(95):35–48. (In Russ.).
2. Bodrova E. V., Gusarova M. N., Kalinov V. V., Kalinova K. V., Sergeev S. V. Public scientific and technical policy in Russian strategy of modernization. Monograph. Moscow: Moscow Humanitarian University press; 2013. (In Russ.).
3. Kiroushina O. N. High school's scientific potential as a factor of modernization of high school system and base of social development. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 2016;(4):88–90. (In Russ.).
4. Litvinova K. P. Development of high school's scientific and educational potential. *Sovet rektorov*. 2015;(7):65–68. (In Russ.).
5. Kachak V. V., Maslennikov A. M., Rujhanskiy P. A. Appreciation of the scientific potential of Russian regions' high school organizations and efficiency of its implementation. Moscow: MIFI; 1998. (In Russ.).
6. Znamenskiy D. Yu. Russian policy in governing of high school's scientific potential: contours of conception. In: Reforms in Russia and problems of management — 2017. Materials of the 32nd All-Russian Scientific Conference of Young Scientists. Moscow: Gosudarstvennyi universitet upravleniya; 2017 (In Russ.).
7. Turovskiy A. A. Strategy in the system of governance. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2007;3(3):227–235. (In Russ.).
8. Znamenskiy D. Yu. To the question of using system-dynamical approach to research of public scientific and technical policy's elaboration and realization processes. *NB: Problemy obshchestva i politiki*. 2014;7:50–63. (In Russ.).
9. Znamenskiy D. Yu., Sychev A. V. The scientific potential of non-governmental high school organization: a system approach to research. *Naukovedenie*. 2013;4(17):9. (In Russ.).
10. Sychev A. V. To the question about principles and methods of appreciation of efficiency of realization of the scientific potential of non-governmental high school organization. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2014;(12):234–237. (In Russ.).
11. Sychev A. V. Primary appreciation of the scientific potential of non-governmental high school organization: different approaches. *Naukovedenie*. 2014;4(23):17. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-24-27

УДК 331.1(045)

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА (НА ПРИМЕРЕ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Реброва Виктория Владимировна,

студентка 2-го курса магистратуры факультета «Социология и политология», заведующий учебной лабораторией кафедры «Управление научными организациями», Финансовый университет, Москва, Россия
vika.rebrova@mail.ru

Аннотация. Актуальность поднятой темы обусловлена процессом реформирования российской системы высшего образования и ее кадрового резерва в условиях рыночных преобразований и изменений на рынке образовательных услуг. Целью работы является изучение процесса формирования кадрового резерва образовательной бюджетной организации в столичном мегаполисе (на примере Финансового университета). Автор ставил перед собой следующие задачи: раскрыть сущность кадрового резерва социальной организации; определить факторы, обуславливающие процесс формирования кадрового резерва образовательной организации; изучить особенности Финансового университета как вида социальной организации образовательной сферы; эмпирически описать социальный портрет профессорско-преподавательского состава вуза и особенности работы в нем с кадровым резервом; провести авторское социологическое исследование и проанализировать его результаты. Несмотря на большое количество работ, посвященных исследованию кадрового резерва, вопросы совершенствования системы кадрового резерва в вузовской организации раскрыты недостаточно. Поэтому в работе предпринимается попытка рассмотреть этот процесс конкретно на примере Финансового университета, занимающего важное место в сфере подготовки кадров экономистов и финансистов, а также смежных с ними специалистов. В статье приведены результаты авторского исследования, проведенного среди профессорско-преподавательского состава Финансового университета в 2017 г. методом анкетного опроса, а также изучены программы реализации кадровой стратегии в вузе. Полученные в ходе исследования эмпирические данные позволили внести определенный вклад в дальнейший процесс работы с кадровым резервом для повышения его качественных характеристик в образовательной организации. Кадровая служба Финансового университета может воспользоваться полученными автором данными в своей дальнейшей работе с кадровым резервом.

Ключевые слова: кадры; кадровый резерв; кадровая стратегия; рынок труда; факторы; образовательная бюджетная организация

THE FORMATION OF STAFF RESERVE IN THE EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE CAPITAL MEGALOPOLIS (ON THE EXAMPLE OF FINANCIAL UNIVERSITY)

Victoria V. Rebrova,

2d-year student, Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University;
Head of the educational laboratory "Management of the Scientific Organizations", Moscow, Russia
vika.rebrova@mail.ru

Abstract. *The relevance of the topic discussed in this article is due to the process of reforming the Russian system of higher education and its staff reserve in the conditions of market reforms and changes in the market of educational services. The aim of the work is to study the process of formation of staff reserve in the educational institutions of the Moscow megalopolis on the example of Financial University. Research issues were as follows. 1. To reveal the essence of the staff reserve of the social organization. 2. To determine the factors conditioning the process of formation of staff reserve of an educational organization. 3. To study the peculiar properties of the Financial University as a type of social organization of the educational sphere. 4. To describe empirically the social portrait of the teaching staff of the University and the features of its work with the staff reserve. 5. To conduct the author's sociological research and analyze its results. Despite a large number of works devoted to the study of the staff reserve, the issues of improving the staff reserve system in the university organization are not sufficiently disclosed. Therefore, the author attempts to consider this process on the example of the Financial University, which occupies an important place in the training of economists and financiers, as well as related professionals. The article I present the results of my research conducted among the teaching staff of the Financial University in 2017 by the method of a questionnaire survey, as well as evaluation of the implementation of the programs of the staffing strategy at the University. The empirical data obtained in the course of the study made it possible to make a certain contribution to the further process of working with the staff reserve with the aim to improve its quality characteristics in the educational organization. The human resource service of the Financial University can use the data obtained by the author in his further work with the staff reserve.*

Keywords: *staff; staff reserve; staff strategy; labour market; factors; educational budget organization*

Качество кадрового резерва является важным фактором, определяющим успех деятельности образовательной социальной организации, ее места и престижности на рынке образовательных услуг, поэтому кадровые службы уделяют этой проблеме повышенное внимание. Деятельность по формированию кадрового резерва проходит поэтапно с целью отбора наиболее подходящего кандидата; это социальный процесс, поддающийся разностороннему изучению, и социологический подход позволяет исследовать отбор кадров и работу с резервом как целенаправленную деятельность соответствующих подразделений вуза.

Проблемная ситуация отражает социальное противоречие, которое сложилось между проводимым реформированием высшего образования, которое необходимо, с учетом запросов развития отечественной экономики, внедрения инновационных технологий, значения экономики знаний, повышающих требования к уровню подготовки кадров высшей квалификации и академической мобильности — с одной стороны, и отставанием от этих требований определенной части профессорско-преподавательских и научных кадров — с другой. Кроме того, в настоящее время в вузах (в том числе и в Финансовом университете) протекает сложный процесс поколенческого замещения постепенно уходящей по возрасту советской когорты вузовских кадров, обладающих большим научным, педагогическим, методическим и воспитательным

опытом. На смену им приходят молодые кадры, не обладающие пока социальным и профессиональным опытом работы в вузовской среде и методикой работы со студентами. Это повышает требования к своевременной подготовке кадрового резерва, которому предстоит в ближайшие годы достойно заместить тех, кто выходит из активной и напряженной вузовской деятельности.

В существующей специальной литературе нет унифицированного определения понятия «кадровый резерв». Так, например, ряд авторов (А.Я. Кибанов, Е.В. Маслов, Е.А. Лановенко и др.) считают, что кадровый резерв — это потенциально активная и подготовленная часть персонала организации, способная замещать вышестоящие должности, а также часть персонала, проходящая планомерную подготовку для занятия рабочих мест более высокой квалификации [1]. Другие авторы (Т.Ю. Базаров, Б.Л. Еремин, В.В. Травин, В.А. Дятлов, В.Р. Веснин) под кадровым резервом понимают специально сформированную группу работников, соответствующих по своим качествам требованиям, предъявляемым к руководителям определенного уровня, прошедших процедуру отбора, специальную управленческую и профессиональную подготовку и потенциально способных к управленческой деятельности [2].

Чрезмерный кадровый резерв может привести к серьезным конфликтам в организации, поскольку резервисты надеются на продвижение по службе и покидают организацию, если их надежды не

оправдываются. Цель управления кадровым резервом состоит в том, чтобы управленцам среднего и высшего звена с минимальным ущербом для дела удавалось в поспешности ликвидировать последствия, возникающие в структурных подразделениях компании из-за текучести кадров [3].

Факторы, которые обуславливают формирование кадрового резерва организации, могут быть объективными и субъективными, внешними и внутренними. К объективным факторам, прежде всего, следует отнести реформы в системе высшего образования: ведение единого государственного экзамена, развитие многоуровневого высшего образования в соответствии с Болонским процессом, в рамках которого высшее профессиональное образование разделяется на два цикла: бакалавриат и магистратура. Бакалавриат призван удовлетворять массовый спрос на высшее образование, магистратура — способствовать формированию профессиональной элиты и научно-образовательных кадров высшего уровня. Также наблюдается сокращение профессорско-преподавательского состава, сокращение числа вузов. Серьезным недостатком нового стандарта является слабая продуманность стоимости его введения, т.е. расходов на новые учебники, пособия, лабораторное оборудование, разработку программ, а также на повышение квалификации и переподготовку преподавателей. Цель проводимых реформ в системе высшего образования: восстановление эффективной и конкурентоспособной образовательной системы, воссоздание высококвалифицированных кадров. Что касается вузовской науки, то для ее развития необходимо создать три условия: вернуть престиж работы преподавателя в университете, существенно увеличить его заработную плату и снизить учебную нагрузку.

Увеличиваются требования к кадрам, которые работают в вузе, и к тем, кто должен составить кадровый резерв. С одной стороны, университет имеет достаточно сильную базу, а с другой стороны, резерв ко всему прочему предполагает повышение этой планки, прежде всего там, где имеются проблемы. Модернизация высшего образования, качественные преобразования в кадровом резерве должны привести в конечном итоге к тому, что вуз повысит свою конкурентоспособность и сможет претендовать на статус исследовательского университета.

Любая реформа высшего образования в России должна начинаться с решения следующих стратегических проблем. Во-первых, это кадровое обеспечение образовательного процесса, поскольку преподавательский корпус постарел и в целом престижность

преподавательской работы находится на низком уровне. Во-вторых, низкий уровень заработной платы, который принуждает преподавателей к поиску различных подработок. В-третьих, объем рабочей нагрузки преподавателя в России, превышающий все разумные пределы.

Еще одним объективным фактором являются преобразования в российской экономике — переход на инновационную экономику, сама парадигма экономики знаний, поскольку именно под эти реформы готовятся кадры в вузах. Стоит также выделить еще один фактор — направление на исследовательскую работу, потому что вуз ставит своей целью стать исследовательским университетом, попасть в рейтинг лучших вузов.

Субъективные факторы, обуславливающие формирование кадрового резерва образовательной организации, зависят от способностей человека, от его жизненных планов, мотиваций к деятельности, информированности, уровня компетентности [4].

К факторам внешней среды, которые организация не может изменить, но должна учитывать для правильного определения потребности в кадрах, относятся:

- ситуация на рынке труда (демографические факторы, политика в области образования);
- научно-технический прогресс (характер и содержание труда, который оказывает влияние на потребности в тех или иных специалистах, возможности переподготовки кадров);
- нормативно-правовая база (трудовое законодательство, законодательство в области охраны труда, занятости, социальные гарантии).

Факторы внутренней среды — это факторы, поддающиеся управляющему воздействию со стороны организации. К ним относятся: кадровый потенциал организации, кадровая политика, кадровая стратегия.

Далее подробнее рассмотрим формирование кадрового резерва на примере крупной образовательной социальной организации — Финансового университета. По данным начальника управления кадрового обеспечения, в настоящее время в состав профессорско-преподавательского состава входят 1343 человека, среди которых 304 — доктора наук, 836 — кандидаты наук, 195 — профессора и 560 — доценты.

Финансовый университет в кадровой работе руководствуется Стратегией и программой развития на 2013–2020 гг., которые определяют всю деятельность вуза. Так, в программе развития Финансового университета на период до 2020 г. поставлена задача

достичь мирового уровня преподавания и научных исследований в финансово-экономической сфере, стать интеллектуальным центром экономического и социального развития регионов России, способствовать повышению конкурентоспособности экономики и образования страны в целом (http://www.fa.ru/univer/Pages/strategy_13-20.aspx).

В процессе исследования методом анкетного опроса 120 членов профессорско-преподавательского состава в Финансовом университете был выявлен перевес в гендерной структуре в сторону женщин возрасте от 34 до 41 года, поэтому можно говорить о феминизации российского образования. Профессорско-преподавательский состав нацелен на продолжение работы, значительная доля респондентов считает, что соответствует в настоящее время той должности, на которой они находятся, при этом высоко оценивают систему кадрового продвижения в Финуниверситете, и это также является весомым плюсом в качестве преподавания.

Для работы с кадровым резервом в Финансовом университете принят ряд направляющих документов: проект «Кадровый резерв», социальная программа «Наша пятилетка: 2015–2020 годы», система «эффективного контракта», определяющие направления кадровой политики вуза (http://www.fa.ru/univer/Pages/strategy_13-20.aspx).

В университете реализуется кадровая стратегия, в рамках которой формируются наиболее благоприятные условия для раскрытия потенциала научно-педагогического состава. В целях омоложения кадрового состава Университета будет внедрена практика «постдоков» — привлечение аспирантов на преподавательскую работу на 1–2 года.

В трудовой процесс также постепенно будет внедряться система «Эффективный контракт». Эта система позволит решить вопросы совершенствования трудовых условий, внедрения критериев и показателей оценки эффективности деятельности работников, установления конкурентной оплаты труда, введения других видов социальной поддержки сотрудников. Финуниверситет будет еще более привлекательным для иностранных и российских профессиональных преподавателей (http://www.fa.ru/univer/Pages/strategy_13-20.aspx).

Таким образом, кадровый резерв — это всегда вопросы соответствия. Сложность и суть кадровой политики заключается в том, чтобы привести кадровый состав в соответствие с новыми характеристиками и требованиями, которые выдвигаются на уровне новых законов, новых требований самого рынка. С другой стороны, надо учитывать, что профессорско-преподавательский состав в вузе — не просто персонал: в образовательной организации другая система подбора, она изначально работает с высококвалифицированными кадрами. Сложность кадровой политики образовательной организации заключается в том, что существуют и без того высокие требования к профессорско-преподавательскому составу, но к кадровому резерву они повышаются еще больше. Возможность продвижения, заполнение должностных статусных единиц (заведующий кафедрой, руководитель департамента, декан факультета, проректор) — в этом и заключается скрытый подтекст кадровой политики образовательной организации. Стратегическая цель кадровой политики образовательной организации — повышение уровня готовности кадров к кадровым изменениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кибанов А.Я., Митрофанова Е.А., Эсаулова И.А. Экономика управления персоналом. Учебник. Кибанова А.Я., ред. М.: НИЦ ИНФРА-М; 2016. 427 с.
2. Резник С.Д., Емельянова Е.Р., Рыбалкина З.М. Формирование и развитие управленческого потенциала общеобразовательной организации. Монография. М.: НИЦ ИНФРА-М; 2015. 164 с.
3. Бухалков М.И. Управление персоналом: развитие трудового потенциала. Учебное пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М; 2016. 192 с.
4. Фокин К.Б. Управление кадровым резервом: теория и практика. Монография М.: ИНФРА-М; 2017. 277 с.

REFERENCES

1. Kibanov A. Ya., Mitrofanova E. A., Esaulova I. A. Economics of staff management. Moscow: INFRA-M; 2016. 427 p. (In Russ.).
2. Reznik S. D., Emelianova E. R., Rybalkina Z. M. Formation and development of management potential of educational organization. Monograph. Moscow: INFRA-M; 2015. 164 p. (In Russ.).
3. Bukhalkov M. I. Staff management: development of labour potential. Moscow: INFRA-M; 2016. 192 p. (In Russ.).
4. Fokin K. B. Staff reserve management: Theory and practice. Monograph. Moscow: INFRA-M; 2017. 277 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-28-34

УДК 1(091)(045)

«СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ» В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Тюриков Александр Георгиевич,

д-р социол. наук, профессор,

руководитель Департамента социологии, Финансовый
университет, Москва, Россия

AGTyurikov@fa.ru

Чернышова Лидия Ивановна,

канд. филос. наук, доцент Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

ChernyshovaL@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме единства славян в творчестве русских мыслителей славянофильского и консервативного направлений русской философской мысли. Славянофилы, как показано в статье, несмотря на данное им название, не рассматривали единство славян как определяющую идею своего творчества, однако именно их идеи инициировали разработку концепцию типов культур Н.Я. Данилевского, сделавшего попытку подойти к проблеме единства славян с научных позиций. Представлены взгляды Данилевского на возможность и необходимость политического объединения славян как условия формирования славянского типа культуры. Идея формирования славянского типа культуры обрела и своих сторонников, и критиков. Наиболее весомые аргументы, направленные против возможности формирования славянского типа культуры, были представлены в ряде статей мыслителя консервативного толка К.Н. Леонтьева, который считал, что культурное единство невозможно в силу того, что славянские народы не вписываются в культурный византийский код России, а политическое единство, хотя и возможно, но нежелательно, поскольку для российской государственности будет иметь разрушительные последствия. Аргументы Леонтьева, приведенные в разных статьях, представлены в систематизированном виде. Автор обосновывает историческую правоту К.Н. Леонтьева в его выводах об эфемерности славянской идеи.

Ключевые слова: славянское единство; славянская идея; славянский культурно-исторический тип; славизм; византизм

“THE SLAVIC IDEA” IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT

Alexander G. Tyurikov,

Dr. Sci. of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia

AGTyurikov@fa.ru

Lidiya I. Chernyshova,

Cand. Sci. of Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia

ChernyshovaL@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the problem of the unity of Slavs in the works of the Russian thinkers of Slavophile and conservative directions of the Russian philosophical thought. Slavophiles, as shown in the article, despite the name given to them, did not consider the unity of the Slavs as the defining idea of their art, but it was their ideas that initiated the development of the concept of types of cultures elaborated by N.I. Danilevsky, who made an attempt to approach the problem of the unity of the Slavs from a scientific point of view. We present Danilevsky's views on the possibility and necessity of political unification of the Slavs as a condition for the formation of the Slavic type of culture. The idea of forming a Slavic type of culture gained its supporters and critics. The most significant arguments against the possibility of formation of the Slavic type of culture were presented in a number of articles by the conservative thinker K.N. Leontief. He believed that cultural unity is impossible due to the fact that the Slavic peoples do not fit into the cultural Byzantine code of Russia, and political unity, although possible, is undesirable, because it will have the devastating consequences for the Russian state. We present in a systematic way Leontief's arguments given him in different articles. The authors substantiate the historical correctness of K.N. Leontief in his conclusions about the ephemerality of the Slavic idea.*

Keywords: *Slavic unity; Slavic idea; Slavic cultural and historical type; Slavism; Byzantism*

В стихотворении «Клеветникам России» А. С. Пушкин задавал далеко не риторический вопрос: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос». В современных условиях глобализации — мировой тенденции к единому экономическому, политическому и информационному пространству, грозящей народам потерей своей идентичности, тема славянства остается столь же острой, как и в пушкинские времена. Возможно, даже более острой, поскольку в славянском мире в последние годы наблюдается не просто тенденция к отходу от взаимности, как называли славянское единство в XIX в., а культивирование национальной розни и враждебности, как между славянскими народами, так и в их отношении к России.

По аналогии с понятием «русская идея», которое было введено В. С. Соловьевым, можно ввести понятие «славянская идея», содержание которой будет рассмотрено ниже.

Существование и развитие идеи славянской общности было обусловлено не просто исторической памятью о «племенном единстве», а опиралось на объективные основания, каковыми были языковая, географическая и религиозная общность.

Помимо этих факторов, развитие идеи славянского единства было связано с борьбой славянских народов за свою независимость.

В отличие от южных и западных славян, для которых единство носило политический характер и было залогом грядущего политического и культурного возрождения, на Руси чувство сла-

вянской общности проявлялось главным образом в сфере культурной жизни. Как отмечают исследователи, «идея объединения славян для совместных политических действий вышла не из пределов Московского государства, а появилась впервые у небольших народов Запада» [1].

В отечественной мысли тема единства славян была поднята в 30-х — 40-х гг. XIX в. в трудах представителей философии «московской школы», получивших, по словам одного из основоположников этого течения К. С. Аксакова, нелепое, данное журналами в насмешку название славянофилов. Он определял славянофилов как таких людей, которые «стоят за русскую национальность, любят русскую жизнь, не отвлеченную, в ее проявлениях, в быте, в языке, в одежде» [2]. Как видим, славянофилы не рассматривали единство славян как определяющую идею своего творчества. На это же обращал внимание историк и публицист П. Н. Милюков, отмечая, что самое имя славянофильство ничего не имеет общего с симпатиями к современным славянам, а тема славянства находится на периферии их учения.

С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Действительно, у ранних славянофилов в лице А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, И. В. Киреевского интересы были направлены не на проблемы современных им славянских народов, а на историческое развитие русского народа и русской культуры на основе собственных, а не заимствованных европейских духовных ценностей.

Однако если мы обратимся к незавершенной рукописи идейного лидера славянофилов А. С. Хомякова (1804–1860), которую Н. В. Гоголь

в шутку назвал «Семирамида», то увидим, что он затрагивает тему славян, опровергая писания историков западной школы, которые отказывали славянам в историческом бытии: «Не было-де в старину славян нигде, а как они появились и размножились — это великое таинство историческое, — впрочем, может быть, их и теперь нет на свете» [3, с. 59]. А те историки, которые все же признают у славян каких-то предков, утверждают, что эти предки «должны быть бездомники и безземельники». Он констатирует: «Не удалось уничтожить народы: стараются вынуть землю у них из-под ног» [3, с. 59]. На основе богатейшего материала, приводя многочисленные примеры ранней славянской основы многочисленных географических названий рек, городов, гор, местностей по всей Европе (Вена, Себра, Севра, Сава, Дунай, Двина, Днестр, Истер, Рона и т.д.), А. С. Хомяков показывает, что вся европейская топонимика свидетельствует о «славянской подпочве Европы».

Его отношение к славянам определялось принципом соборности: единство во множестве, основанное на свободе и любви. Основой славянского единства, по мысли А. С. Хомякова, должна быть братская любовь, которая означает признание индивидуальности каждого народа и его полной свободы. Поэтому он поддерживал борьбу славянских народов за политическую свободу, которая является гарантом сохранения и всех остальных свобод.

Философским завещанием А. С. Хомякова стало «К сербам. Послание из Москвы», написанное им в 1859 г. Обращаясь к сербам: «Сербь, вы земные братья по роду и духовные братья по Христу» [4], Хомяков подчеркивает, что славянское братство значимо не только как братство по крови, но и (это главное), как братство по духу. Славянофилы, в том числе и А. С. Хомяков, отдавали приоритет духовному: «Только духовная сила может быть надёжным источником даже сил вещественных» [4]. Славянское единство должно быть основано на братской любви, поскольку «лучшая из человеческих добродетелей, — братолюбие, — есть в то же время единственное спасение для Славян и единственная сила, могущая освободить их от врагов и утеснителей...» [4].

Идея славянского братства являлась в понимании славянофилов центром славянской идеи, причем славянское братство по сути своей носит оборонительный характер и связано с вопросами выживания славянских народов и сохранения

ими своей культурной идентичности: Западу может противостоять только славянство, объединившееся вокруг России. Славянофилы не стояли на узко националистических позициях: для них приоритетным было духовное, а не племенное единство.

Значение разработки славянофилами славянской темы заключается, на наш взгляд, в том, что именно славянофильская мысль способствовала появлению концепции типов культур Н. Я. Данилевского (1822–1885). Более того, сама концепция была им создана для обоснования возможности существования славянского типа культуры. Недаром его труд называется «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому». Данилевский рассматривал не просто отношения России и Европы, а отношения славянского мира (центром которого, по его мысли, была Россия) к европейскому германо-романскому миру.

В связи с тем, что его учение причисляется к категории славянофильских учений, возникает вопрос о том, какими общими со славянофильством чертами и какими особенностями оно обладает.

В исследовательской литературе часто приводится оценка книги Н. Я. Данилевского его другом и последователем Н. Н. Страховым (1828–1896), который считает, что, так как книга «глубоко и полно» обнимает вопрос о духовной самобытности славянского мира, то «ее можно назвать целым катехизисом или кодексом славянофильства [5, с. XXVIII]. Сходство учения Н. Я. Данилевского со славянофильством он усматривал в практических выводах: и Н. Я. Данилевский, и славянофилы утверждали возможность и необходимость развития России по самобытному пути. Н. Н. Страхов высказал предположение, что «со временем Н. Я. Данилевский будет считаться славянофилом по преимуществу, кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи» [5, с. XXVIII], и отметил, что по книге «Россия и Европа» можно изучать славянофильство каждому, кто его желает изучать. Главное же отличие Н. Я. Данилевского от славянофилов, как считал Страхов, заключается в том, что славянофилы верно поняли дух своего народа, а Н. Я. Данилевский представил строго научную теорию культурно-исторических типов для обоснования самобытного пути разви-

тия России, в чем и заключается оригинальность Н. Я. Данилевского как мыслителя, связанного со славянофильской традицией.

Н. Я. Данилевский не может рассматриваться в качестве ортодоксального последователя славянофилов.

Главная задача, которую поставил перед собой русский мыслитель — развеять сомнения относительно возможности создания самобытной славянской цивилизации, превратив мечту о создании такой цивилизации в научно обоснованную теорию.

Н. Я. Данилевского не удовлетворяло то обоснование самобытного пути развития России, которое разрабатывали славянофилы. Он считал, что славянофильская концепция не выдерживает научной критики, ибо содержит в себе такие спекулятивные фикции, как признание существования единого человечества и наличия единой общечеловеческой задачи. Славянофилы, разрабатывая свои специфические представления о самобытных началах русской культуры, оперировали такими понятиями, как «единое человечество» и верили в существование единой общечеловеческой исторической задачи, в разрешении которой особую роль призвана была сыграть русская культура. Исходя из своей теории культурно-исторических типов, Данилевский утверждал, что такой задачи не существует.

Действительная историческая задача славяно-русского культурно-исторического типа, по Н. Я. Данилевскому, заключается в создании необходимых условий для его дальнейшего саморазвития. Н. Я. Данилевский и предпринял попытку реформировать представление об исторической миссии России, отведя ей важнейшую роль в создании всеславянского союза и славянского культурно-исторического типа и не отказываясь от указания на религиозную миссию России.

Здесь же уместно сказать и о еще одном существенном отличии воззрений Н. Я. Данилевского от учения славянофилов. В воззрениях Н. Я. Данилевского на культурно-историческую судьбу России на первый план выходит общеславянский подход, который органично вытекает из его общих теоретических положений. У славянофилов отсутствовал панславизм, а на первом месте, скорее, находилась религиозная проблематика. В концепции Н. Я. Данилевского православной идее отводится важное место, однако эта идея не является доминантой концепции. Таковой

стала *славянская идея*, суть которой — утверждение не только *возможности*, но и *необходимости* формирования славянской цивилизации как особого типа культуры.

Теорию культурно-исторических типов он разрабатывал как альтернативную по отношению к западным концепциям исторического прогресса (согласно которым человечество движется по пути эволюции к единой общечеловеческой цивилизации), утверждая, что «общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота» [6, с. 104]. Содержание всемирной истории составляет развитие типов культур.

Разработав общие положения теории культурно-исторических типов, автор «России и Европы» обращается к всестороннему и детальному исследованию вопроса о культурных и политических взаимоотношениях славянского и германо-романского культурно-исторических типов. Он приходит к выводу, что «с общей культурно-исторической точки зрения, Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению, что ей предстоят только две возможности: либо вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, либо лишиться всякого культурно-исторического значения — быть ничем» [6, с. 337].

Н. Я. Данилевский выдвигал идею славянства как исторически сложившейся социокультурной общности, рассматривая само понятие «славянство» как однопорядковое по отношению к таким понятиям, как «эллинизм», «латинство», «европеизм». Можно сказать, что «апостол славянства», как его называл Н. Н. Страхов, пошел дальше и славянофилов, и деятелей славянского возрождения. Славянские народы должны не просто относиться друг к другу на условиях славянской взаимности, а развить славянский тип культуры, причем образование и развитие славянами культурно-исторического типа составляет условия их выживания в качестве народов.

Он предупреждал, что, если в силу тех или иных причин славяне не смогут выработать самобытный культурно-исторический тип, то «им ничего другого не остается, как распуститься, раствориться и обратиться в этнографический материал, в средство для достижения посторонних целей...» [6, с. 105].

И для России, и для славян в истории открываются только две возможности: или создать славянскую цивилизацию, политической формой которой будет всеславянская федерация во главе с Россией, или же уйти в историческое небытие.

Со времени написания «России и Европы» прошло полтора века. Славянские народы, не образовавшие своего особого культурно-исторического типа, живут по чужим правилам. Некоторые из них вполне вписались в европейскую цивилизацию, другие же пока только стремятся туда (Украина — цз Европа!). При этом и те и другие стремительно теряют свою самобытность и культуру. Возникает соблазн сказать, что историческая правота Н. Я. Данилевского доказана методом от противного.

Однако при анализе концепции Н. Я. Данилевского вполне приемлемо поставить вопросы: а было ли возможно создание особого славянского типа культуры в принципе? возможно ли объединение славян во всеславянскую федерацию во главе с Россией? какова была бы история славян, если бы реализовалась мечта многих славянских деятелей об их культурном и политическом единстве?

На эти вопросы дал свой ответ один из самых ярких представителей консервативной мысли России К. Н. Леонтьев (1831–1891). Он полностью солидарен с Н. Я. Данилевским и славянофилами в том, что Россия представляет собой особую цивилизацию, отличную от европейской, поэтому России нужно добиваться «умственной и бытовой самобытности и государственной крепости» [7, с. 684], а для этого по мере возможности остерегаться схождения с Западом.

Расхождения начинаются с понимания особенностей России в ее отношении к славянскому миру. К. Н. Леонтьев утверждал, что дилемма Данилевского — либо образование славянского типа культуры, либо уход славян в историческое небытие — для России вообще *не существует*. В отличие от Н. Я. Данилевского, он никаких особых «братских» чувств к славянам не испытывал, и трезво смотрел на славянский мир.

Отношение Леонтьева к проблеме единства славян выражено в афористично точном тезисе: «Славянство есть, и оно численностью очень сильно; славизма нет, или он еще очень слаб и неясен» [8, с. 117].

Название третьей главы работы «Византизм и славянство» звучит как вопрос: «Что такое славизм?» И в первой же строчке этой главы он

констатирует: «Ответа нет!» Ответа нет, так как идея славизма не представляет совокупность отличительных религиозных, юридических, художественных признаков, необходимых для его выделения как особого типа культуры. Поэтому «Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков» [8, с. 108].

Леонтьева недаром называли одиноким мыслителем. Он не боялся идти против общего умонастроения, связанного с идеями единства славян, оформившимися в концепцию панславизма, к которому Леонтьев относился крайне отрицательно, считая его подражанием европейскому унитарно-либеральному идеалу, который реализуется в стремлении быть как все. Он повторял многократно, что *Россия никогда не была и не будет чисто славянской страной*, и для нее, в силу византийских начал, важнее духовное, а не племенное единство. Если у Н. Я. Данилевского этническая (племенная) близость славянских народов возводилась в культ, то у Леонтьева она еще ни к чему не обязывает: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь?» [8, с. 108]. «Все великие нации, — отмечал Леонтьев, — были смешанной крови».

Сторонники славянского единства даже не задавались вопросом, что может послужить основой объединения славян, считая, что общность этнического происхождения и языковое сходство вполне достаточны для образования всеславянского союза. Леонтьев считал, что «общеплеменное сознание» лишено положительного содержания и не содержит какой-либо системы идей, характерных именно для славянских народов. Южные и западные славяне европеизированы, и то общее, что им реально присуще, — это европейские идеи свободы, равенства, демократии.

В отличие от Н. Я. Данилевского, который указывал на то, что единственная твердая почва, на которой может расти самобытная славянская культура, есть добровольный союз политически независимых славянских государств во главе с Россией, К. Н. Леонтьев задается вопросом: а нужен ли такой союз России? В письме к философу и публицисту П. Е. Астафьеву, с которым он тесно общался, Леонтьев пишет, что «нападал на идеал чисто политического всеславянства» [9, с. 633].

К. Н. Леонтьев был убежденным противником образования единого федеративного славянско-

го государства после обретения славянскими народами независимости: «Образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом падения царства Русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. „Русское море“ иссякло бы от слияния в нем „славянских ручьев“» [10, с. 45]. Более того, он не приветствовал и образование независимых славянских государств в результате борьбы с Турцией и Австро-Венгерской империей. В ряде статей и писем разбросаны замечания Леонтьева по этому вопросу, в которых он, с присущей ему манерой, предостерегал: «Бойтесь, чтобы не распалась Австрия и чтобы мы не оказались внезапно и без подготовки лицом к лицу с новыми миллионами эгалитарных и свободолюбивых братьев-славян. Это будет хуже самого жестокого поражения на поле брани!» [11, с. 524].

Основой исторического бытия России, по Леонтьеву, является византизм — единство самодержавной власти и православной веры. Столь желанное для Н. Я. Данилевского объединение с западными славянами, в которых «*истинно славянского так мало, а либерального и конституционного так много*» [12, с. 235], будет иметь для России разрушительные последствия, поскольку византийские начала в принципе несовместимы с идеями демократии и либерализма, воспринятыми западными славянами. К. Н. Леонтьев, исходя из противоположности культурных идеалов России и западных и южных славян, определяет их как неизбежное политическое зло, поскольку в силу своей европеизированности они будут подрывать авторитет византизма. А кто потрясает авторитет византизма, считал Леонтьев, тот подкапывается под основы русского государства. Отсюда следует, что «чем ближе к нам нации по крови и языку, тем более мы должны держать их в мудром отдалении, не разрывая связи с ними» [13, с. 116].

По глубокому убеждению К. Н. Леонтьева, славянская идея, понимаемая как образование славянского типа культуры, в основе которого лежит объединение политически независимых славянских государств, для России в принципе не приемлема. Культурное единство невозможно в силу того, что славянские народы не вписываются в культурный византийский код России, а политическое единство, если таковое и состоится, противоречит ее интересам и означает втягивание России в ненужные ей войны

за политические амбиции славянских народов с принесением в жертву эфемерной славянской идее своих государственных интересов. Излагая взгляды на роль национально-освободительных движений, в том числе и славянских народов, в становлении объединенной Европы на основах «смесительного упрощения», «одиноким мыслитель» Константин Леонтьев писал: «Боюсь, как бы история не оправдала меня...» [14, с. 512].

Как видим, история его оправдала, о чем наглядно свидетельствуют события конца XX — начала XXI в.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия, государственное объединение славянских народов, в результате войн 90-х гг. XX в. и при активной поддержке Запада оказалась насильственно раздробленной, а сербский народ, как и русский, стал разделенным народом. Большинство славянских государств в настоящее время интегрированы в ЕС и НАТО.

Геополитическая катастрофа XX в. — развал Советского Союза — привела к тому, что русский народ оказался разделенным, и начался исход русского населения из бывших советских республик, в которых русские стали либо гражданами второго сорта, либо вообще лицами без гражданства.

Что касается «братской» Украины, то всю историю отношений за годы, прошедшие после развала СССР (заметим, что ее роль в развале единого государства является предметом особой гордости ее первого президента Л. Кравчука, который прямо об этом сказал в интервью 22 августа 2016 г.), нужно рассматривать в контексте мировой геополитики. Логика дрейфа Украины от «братской республики» к противостоянию с Россией по всем направлениям с маниакальным стремлением во что бы то ни стало не походить на Россию, уничтожив даже память о былом культурном и государственном единстве, определяется не внутренними, а внешними факторами: «Цель того, что происходит на Украине, — внутриславянская война, окончательное решение русского вопроса» [15].

Казалось бы, нанесен последний удар по идее славянского единства, но мечта о нем жива. 26 мая — 3 июня 2017 г. в Москве прошел юбилейный Всеславянский съезд, на котором, по заветам Н. Я. Данилевского, обозначена всемирная задача славянства — создание содружества независимых славянских государств. Насколько это реально — покажет будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гольдберг А. А. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича. URL: http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/19_tom/Goldberg/Goldberg.pdf.
2. Аксаков К. С. Одежда. URL: <http://aksakov-k-s.lit-info.ru/aksakov-k-s/public/odezhda.htm>.
3. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Работы по историософии. М.: Московский философский фонд. Изд-во «Медиум»; 1994.
4. Хомяков А. С. К сербам. Послание из Москвы. URL: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/homakov/tom1/12>.
5. Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского. Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета «Глагол»; 1995.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 6-е изд. СПб.: Глагол; 1996.
7. Леонтьев К. Н. Славянофильство теории и славянофильство жизни. К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. М.: Республика; 1996.
8. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. М.: Республика; 1996.
9. Леонтьев К. Н. Кто правее? Письма г. Астафьеву. К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. М.: Республика; 1996.
10. Леонтьев К. Н. Панславизм и греки. К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. М.: Республика; 1996.
11. Леонтьев К. Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к О. И. Фуделю. К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. М.: Республика; 1996.
12. Леонтьев К. Н. Передовые статьи «Варшавского дневника». Панславизм. К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. М.: Республика; 1996.
13. Фурсов А. Запал внутриславянской войны. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/2574125>.

REFERENCES

1. Goldberg A. A. "The Idea of Slavic unity" in the works of Yuri Krizhanich. URL: http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/19_tom/Goldberg/Goldberg.pdf (accessed 13.02.2018). (In Russ.).
2. Aksakov K. S. Clothing. URL: <http://aksakov-k-s.lit-info.ru/aksakov-k-s/public/odezhda.htm> (accessed 13.02.2018). (In Russ.).
3. Khomyakov A. S. Works in two volumes. Vol. 1. Work on the philosophy of history. Moscow: Moscow Philosophical Foundation. Medium publishing house; 1994. (In Russ.).
4. Khomyakov A. S. To the Serbs. The message from Moscow. URL: <http://www.odinblago.ru/filosofiya/homakov/tom1/12> (accessed 13.02.2018). (In Russ.).
5. Strakhov N. N. The life and works of N. I. Danilevsky. In N. I. Danilevsky. Russia and Europe. St. Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg University "Glagol"; 1995. (In Russ.).
6. Danilevsky N. I. Russia and Europe. Look at cultural and political relations of the Slavic world to Germano-Romanic. Sixth edition. St. Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg University "Glagol"; 1996. (In Russ.).
7. Leontiev K. N. Slavophilism of theory and Slavophilism of life. In K. Leontiev. East, Russia and Slavdom. Philosophical and political publicism. Moscow: Respublika; 1996. (In Russ.).
8. Leontiev K. N. Vizantism and Slavdom. In K. Leontiev. East, Russia and Slavdom. Philosophical and political publicism. Moscow: Respublika; 1996. (In Russ.).
9. Leontiev K. N. Who is right? Letter G. Astafiev. In K. Leontiev. East, Russia and Slavdom. Philosophical and political publicism. Moscow: Respublika; 1996. (In Russ.).
10. Leontiev K. N. Pan-Slavism and the Greeks. In K. Leontiev. East, Russia and Slavdom. Philosophical and political publicism. Moscow: Respublika; 1996. (In Russ.).
11. Leontiev K. N. National politics as an instrument of the world revolution. Letters to O. I. Fadely. In K. Leontiev. East, Russia and Slavdom. Philosophical and political publicism. Moscow: Respublika; 1996. (In Russ.).
12. Leontiev K. N. Leading articles of "Warsaw diary". Pan-Slavism. In K. Leontiev. East, Russia and Slavdom. Philosophical and political publicism. Moscow: Respublika; 1996. (In Russ.).
13. Fursov A. The fuse of the intra-Slavic war. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/2574125>. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-35-41
УДК 323.272(045)

ОБ ОБЪЕКТИВНОМ ХАРАКТЕРЕ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Воронцов Сергей Алексеевич,

д-р юр. наук, профессор кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
raven_serg@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич,

д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
ponedelkov@skags.ru

Данилов Андрей Геннадьевич,

д-р ист. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
agd7@mail.ru

Аннотация. При подготовке статьи авторы ставили перед собой цель провести исследование состоятельности опубликованных доводов Б.Н. Миронова о том, что в условиях Первой мировой войны падение жизненного уровня населения Российской империи было незначительным, социально-экономическое положение на рубеже 1916–1917 гг. XX в. было стабильным, а несостоятельность «верхов» накануне февраля 1917 г. сильно преувеличена, и оснований свергнуть монархию, которая способствовала движению России вперед, в феврале 1917 года не было. Авторы статьи использовали политологический, историко-правовой, формально-юридический, структурно-функциональный и аналитический методы. Авторы вынуждены привести в статье значительный статистический и фактический материал и мнения не противников, а сторонников государства, о нарастании быстрыми темпами осенью 1916 – в начале 1917 г. кризиса и хаоса практически во всех сферах жизни общества, так как в последние годы стараниями монархистов и некомпетентных в данной проблеме журналистов и публицистов сформирована точка зрения, согласно которой ситуация в России была благополучной, оснований для революции не существовало, а крушение империи – якобы «козни врагов».

Ключевые слова: марксизм; революционная ситуация; признаки революционной ситуации; Февральская революция

ABOUT THE OBJECTIVE NATURE OF THE LENINIST PRINCIPLES OF THE REVOLUTIONARY SITUATION

Sergei A. Vorontsov,

Dr. Sci. of Jurisprudence, Professor, Department of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
raven_serg@mail.ru

Aleksandr V. Ponedelkov,

Dr. Sci. of Politics, Professor, Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ponedelkov@skags.ru

Andrei G. Danilov,

Dr. Sci. of History, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
agd7@mail.ru

Abstract. *In preparing the article, the authors set a goal to conduct a study of the validity of published by B.N. Mironov arguments that in the conditions of the first world war, the decline in the living standards of the population of the Russian Empire was insignificant, the socio-economic situation at the turn of 1916–1917 of XX century was stable, and the insolvency of the “tops” on the eve of February 1917 has been greatly exaggerated, and the grounds to overthrow the monarchy, which contributed to the movement of Russia forward, in February 1917 was absent. The authors used political, historical, legal, formal legal, structural, functional and analytical methods. The authors are forced to cite in the article a significant statistical and factual material and the opinions of not opponents, but supporters of the sovereign, about the rapid growth in the autumn of 1916 and in the beginning of 1917 of the crisis and chaos in almost all spheres of life of society, as in recent years, through the efforts of the monarchists and incompetent in this issue journalists and publicists formed point of view, according to which the situation in Russia was wealthy, the grounds for revolution did not exist, and the collapse of the Empire – the alleged “machinations of enemies”. The authors present the conclusions allowing us to assert that in 1916 and January-February 1917 the mass discontent of the population with the government increased. The reason for the collapse of the monarchy was the inability of the government to solve the problems facing the country.*

Keywords: *Marxism; revolutionary situation; signs of the revolutionary situation; February revolution*

В конце XX — начале XXI в. некоторые отечественные исследователи, становление которых как научных работников происходило в советский период, стали отказываться от марксизма. Наиболее последовательно это проявляется в трудах историка Б. Н. Миронова, в частности в его многочисленных работах, посвященных предпосылкам и истории Февральской революции.

Б. Н. Миронов отмечает, что «непосредственные причины революций, согласно ленинской концепции, сводились к кризису „верхов”, их неспособности управлять страной, обострению выше обычного нужды и бедствий широких народных масс — „низов”, на почве чего происходило значительное повышение их активности и обострение классовой борьбы». При этом Миронов утверждает, что как «показывают современные исследования, и недовольство „снизу”, и несостоятельность „верхов” до февраля 1917 г. сильно преувеличены». Во время любой войны происходит снижение уровня жизни. Однако во время Первой мировой войны, вплоть до февральских революционных событий 1917 г., понижение благосостояния можно считать умеренным. В 1914–1916 гг., по расчетам С. Прокоповича, реальная зарплата рабочих выросла на 9%, а согласно С. Струмилину, — понизилась на 9% [1, с. 76]. По мнению весьма компетентных санитарных врачей В. Бинштока и Л. Каминского, питание в городах во время войны «несколько ухудшилось, но потребление даже в 1916 г., по имеющимся сведениям (Москва, Тула, Оренбург, Саратов), нужно считать коли-

чественно достаточным... Питание в деревне, по-видимому, резким изменениям во время войны не подвергалось»... «Расчеты Н. Кондратьева также показывают: потребление хлеба крестьянами во время войны, по крайней мере в производящих хлеб губерниях, увеличилось по причине роста доходов, сокращения потребления алкоголя и уменьшения продажи хлеба на рынке» [1, с. 77]. Далее следует статистика, свидетельствующая о том, что в России положение было лучше, чем в других воюющих странах.

Таким образом, Б. Н. Миронов пытается опровергнуть сформулированные В. И. Лениным известные 3 признака революционной ситуации, которая предшествует революции: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов”, кризис политики господствующего класса... Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели”, а требуется еще, чтобы „верхи не могли” жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов, 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс...» [2, с. 218].

В данной статье мы проанализируем:

1. Действительно ли в условиях Первой мировой войны падение жизненного уровня было незначительным, а социально-экономическое положение на рубеже 1916–1917 гг. было стабильным? [3–5].

2. Действительно ли «Кризис самодержавия» — миф, придуманный большевиками,

несостоятельность «верхов» накануне февраля 1917 г. сильно преувеличена и оснований свергать монархию, которая способствовала движению России вперед, в феврале 1917 г. не было? [6].

Для ответа на эти вопросы обратимся к анализу документов того времени. Предварительно подчеркнем один важный момент. Анализ отечественной истории свидетельствует о том, что судьба страны в девяти случаях из десяти при всех политических режимах решалась в столице: дворцовые перевороты в XVIII в., восстание 14 декабря 1825 г. в Петербурге, Февральская и Октябрьская революции в 1917 г., смещение Н. С. Хрущева в 1964 г., события августа 1991 г. или октября 1993 г. в Москве и т. д. У провинции, т. е. у 99% населения страны, в феврале 1917 г., как и в другие исторические эпохи, не было механизма повлиять на исход борьбы за власть. Поэтому положение «в Туле, Оренбурге, Саратове» или «в производящих хлеб губерниях», о котором пишет Б. Н. Миров, никак не влияло на происходящее в стране. Ключ к пониманию возможного варианта развития событий в России во второй половине 1916 — начале 1917 г. — это ситуация в Петрограде, а не процессы в стране в целом.

В то же время в 1916 — начале 1917 г. выступления депутатов Государственной думы, материалы Земско-городского союза, Военно-промышленного комитета, различных общественных организаций, многочисленные статьи в газетах и журналах приводят множество фактов о надвигающейся катастрофе и о полном бездействии властей в течение многих месяцев перед крушением монархии.

Положение в стране и в столице в 1916 г. и в начале 1917 г. очень подробно проанализировано в докладах Петроградского охранного отделения, в многочисленных материалах, направляемых царю из различных источников, в переписке современников.

В письме императрицы Александры Федоровны императору Николаю II от 1 февраля 1916 г. читаем: «...в городе (Петрограде. — *Прим. авт.*) настоящий скандал, и цены стали невозможными... Наш Друг (Г. Е. Распутин. — *Прим. авт.*) встревожен мыслью, что если так протянется месяца два, то у нас будут неприятные столкновения и истории в городе. ...У нас всего очень много, только не желают привозить, а когда привозят, назначают цены, недо-

ступные ни для кого»¹. Необходимо обратить внимание, что дата документа — 1 февраля 1916 г. (!). Перебои с продовольствием начались в Петрограде не в феврале 1917 г. и не по инициативе «врагов царя», а имели место как минимум за год до падения монархии. «Цены, недоступные ни для кого», были уже в феврале 1916 г. Однако их фантастический и стремительный рост (по 50–100% в месяц) был еще впереди.

Накануне Февральской революции Департамент полиции и жандармский корпус получали острую информацию, свидетельствующую о нарастании социальной напряженности, неблагонадежности отдельных министров и даже угрозе смещения правительства².

В докладе за октябрь 1916 г. отмечалось, что «страна переживала исключительную серьезность исторического момента, неисчислимы катастрофические бедствия, кои могут угрожать всему жизненному укладу государства возможно в близком будущем...»³. «Постепенно назревавшее расстройство тыла, иными словами — всей страны, носившее хронический и все прогрессирующий характер, достигло к настоящему моменту (октябрь 1916 г. — *Прим. авт.*) того максимального и чудовищного развития, которое определено, и уже теперь начинает угрожать достигнутым на действующем фронте результатам и обещает в самом скором времени ввергнуть страну в разрушающий хаос катастрофической и стихийной анархии»⁴.

Экономическое положение населения ухудшалось с каждым месяцем. «В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50% и лишь у некоторых категорий (слесаря, токаря, монтеры) на 100–200%, цены на все продукты возросли на 100–500%»⁵. Кроме тяжелого экономического положения, рабочих не устраивали и многие другие моменты: отсутствие права свободного перехода с одного

¹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV. 1916 год. М. — Л.: Государственное изд-во; 1926. С. 70.

² Воронцов С. А. СПЕЦСЛУЖБЫ РОССИИ. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Ростов-на-Дону; 2008. Сер. Высшее образование (Изд. 2-е). С. 199.

³ Доклад Петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. Красный архив. Исторический журнал. Том четвертый (семнадцатый). 1926. М.-Л.; 1926. С. 4.

⁴ Там же. С. 5–6.

⁵ Там же. С. 11.

завода на другой, запрещение рабочих собраний, закрытие профессиональных организаций, преследование активных деятелей заводских больничных касс, приостановление рабочих органов печати и т.д. Как результат — усиление недовольства властью в рабочей среде⁶.

«Страна экономически совершенно разорена: у 3/4 населения нет возможности даже кое-как существовать; неорганизованность государственного хозяйства, злоупотребления агентов власти, отсутствие умения руководить общей экономикой страны и еще тысячи других причин привели страну к экономическому краху»⁷.

Осенью 1916 г. «оппозиционность настроений ...достигла таких исключительных размеров, каких она ...не имела в широких массах даже в период 1905–1906 гг.»⁸. В обществе «все без исключения выражают определенную уверенность в том, что «мы накануне крупных событий», в сравнении с коими «1905 год — игрушка»⁹. Авторы доклада делают важный вывод о том, что «по всей России наблюдается одно и то же: всюду понимают, что при старых порядках не победить немцев»¹⁰.

Петроградское охранное отделение предупреждало власть о том, что к октябрю 1916 г. в стране и в Петрограде сложилась взрывоопасная ситуация, разрешение которой требует решительных действий со стороны царя и правительства. За четыре месяца до 23 февраля 1917 г. жандармами был спрогнозирован сценарий будущей Февральской революции: а) беспорядки в столице начнутся стихийно; б) не вследствие «революционной пропаганды, а лишь от продовольственного кризиса»; в) «революционные организации не пропустят случая взять на себя руководство возникшим движением...»¹¹.

В докладе начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева от 5 февраля 1917 г. отмечено, что «...многие товары вновь поднялись в стоимости на 50–100 и даже боль-

ше процентов»¹². «Рост цен за время войны, достигающий 3000%, по мнению К.И. Глобачева, превосходит всякое человеческое понимание и ничем другим не может быть объяснен, как стремлением каждого мародера „не отстать от других“»¹³.

Вопреки документам рассматриваемой эпохи, Б.Н. Миронов в десятках своих работ утверждает сегодня, что «во время Первой мировой войны понижение благосостояния в России было очень умеренным». «Трудности военного времени были существенными, но их не следует преувеличивать... В Петрограде накануне февральских событий хлеба выдавалось в день на человека полтора фунта (615 г.), рабочим — 2 фунта (820 г.) [4]. Реальная зарплата российских рабочих начала снижаться только летом 1917 г.

Подобные оценки якобы относительно благополучной ситуации в стране накануне Февральской революции стали преобладающими в современной журналистике, публицистике, на телевидении, в интернете. Из тезиса о том, что у народа не было серьезных причин для выступления, следует вывод: у Февральской революции не было объективных причин. Ее искусственно, вопреки интересам России, организовали «враги» (внутренние или внешние). Важный и нужный анализ деятельности власти накануне Февральской или Октябрьской революций, накануне распада СССР в 1991 г. с целью осмысления — что было сделано или не сделано, с целью извлечения уроков — подменяется поиском врагов.

В январе 1917 г. ситуация с продовольствием в Петрограде по сравнению с декабрем 1916 г. значительно ухудшилась: «биржевики упорно твердят о необходимости повысить цены на керосин, растительное масло, муку, мясо, рыбу, сахар и пр.»¹⁴. Оптовики ...выражают уверенность, что к февралю (1917 г., т.е. за месяц. — *Прим. авт.*) цены на многие продукты поднимутся на 75–100%¹⁵. По мнению городских деятелей, ждать появления продуктов на столичном рынке — нечего; скорее возможно

⁶ Доклад Петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. Красный архив. Исторический журнал. Том четвертый (семнадцатый). 1926. М.-Л.; 1926. С. 11.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 5–6.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Доклад Петроградского охранного отделения. Октябрь 1916 г. С. 29.

¹² Глобачев К.И. Доклад начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева директору Департамента полиции 5 февраля 1917 г. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009:388–389.

¹³ Там же. С. 402.

¹⁴ Доклад начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева 5 февраля 1917 г. С. 389.

¹⁵ Там же. С. 390.

обратное явление — исчезновение того, что сейчас достается с таким трудом¹⁶.

По сведениям Петроградского охранного отделения, в сфере закупок продовольствия в провинции, транспортировке его в Петроград и распределении среди жителей столицы царит полный хаос, массовая спекуляция, злоупотребления чиновников, полное бездействие властей.

Значительно ухудшились санитарные условия работы и жизни рабочих. Как результат: к началу 1917 г., по сравнению с 1915 г., заболеваемость рабочих на Петроградских предприятиях выросла в 20 раз¹⁷.

К. И. Глобачев предупреждал власть о том, что в Петрограде в январе 1917 г. «озлобление достигло своего апогея...»¹⁸. Но не только в столице: «со всех сторон России поступают сведения, показывающие глубокое недовольство населения к Правительству и его мерам»¹⁹. В ближайшем будущем России грозит крах, какого еще не знала русская история²⁰.

Прогноз начальника Петроградского охранного отделения о возможном ходе событий оказался точным. Революция началась через 18 дней, 23 февраля, а еще через 7 дней, 2 марта 1917 г., император Николай II отрекся от престола.

Анализируемые документы и другие многочисленные свидетельства эпохи подтверждают наличие накануне Февральской революции 1917 г. одного из ленинских признаков революционной ситуации: «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов».

Анализ камер-фурьерских журналов²¹, опубликованных дневников и писем Николая II и императрицы Александры Федоровны, дневников, писем, воспоминаний великих князей, председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко, министров, генералов, политиков позволяет сегодня однозначно утверждать, что в предшествующие революции месяцы наблюдался и другой признак революционной

ситуации — кризис власти, который проявлялся в следующем:

1. Слабое знание ситуации в стране. Принятие стратегических ошибочных решений на основе неполной (неверной) информации.
2. Непонимание задач, стоящих перед страной.
3. Неспособность решать задачи, стоящие перед страной.
4. Несоответствие форм и методов деятельности власти качественно изменившейся ситуации осенью 1916 г.
5. Неумение прогнозировать ход событий.
6. Ошибки в кадровой политике: на ключевых должностях были преданные царю, но малокомпетентные люди.
7. Отказ от диалога с оппозицией.
8. Нежелание делиться частью властных полномочий с обществом.
9. Непонимание или недооценка роли настроений в обществе, в том числе — степени десакрализации власти.
10. Раскол:
 - а) внутри императорской фамилии;
 - б) между Правительством и Госдумой;
 - в) внутри Совета министров;
 - г) между Советом министров и Ставкой Верховного главнокомандования;
 - д) между властью (императором, правительством) и обществом в лице Государственной думы, Военно-промышленного комитета, Земско-городского союза, политических партий, общественных организаций.

О том, что именно власть ведет страну к катастрофе, Николая II в разное время в течение осени 1916 г. и в январе-феврале 1917 г. предупреждали великие князья Николай Михайлович, Михаил Михайлович, Николай Николаевич, Александр Михайлович, великая княгиня Елизавета Федоровна, Председатель IV Государственной думы М. Н. Родзянко, Председатель Совета министров Н. Д. Голицын, некоторые министры, генералы.

Из множества известных сегодня документальных свидетельств приведем только некоторые.

В октябре 1916 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в разговоре с императором указал, что именно «Ваше дряхлое, дряблое, неразумное и нечестное правительство ведет Россию к гибели...» [7].

¹⁶ Доклад начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева 5 февраля 1917 г. С. 387.

¹⁷ Там же. С. 398.

¹⁸ Там же. С. 382.

¹⁹ Там же. С. 395.

²⁰ Там же. С. 396.

²¹ Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг. СПб.: Д.А.Р.К., 2014. В них ежедневно и подробно по часам и даже минутам фиксировались занятия императора Николая II, что делал, с кем встречался.

8 ноября 1916 г. бывший Верховный главнокомандующий русской армией, великий князь Николай Николаевич, в разговоре с царем среди прочего сказал: «Положение катастрофическое. Неужели ты не видишь, что ты теряешь корону? Опомнись пока не поздно»... По итогам разговора с императором Николай Николаевич пишет: «Я понял, что все кончено, и потерял надежду на его спасение. Ясно было, что мы катимся быстро по наклонной плоскости и рано или поздно он корону потеряет»²².

10 февраля 1917 г. с императором и императрицей встречался наиболее близкий к ним великий князь Александр Михайлович. В письме, переданном Николаю II заранее, в частности, были такие строки: «События показывают, что Твои советники продолжают вести Россию и Тебя к верной гибели». Положение в стране Александр Михайлович определяет как «хаос». В этот тяжелый момент «не лучшие, а худшие силы правят Россией». Главный вывод письма: «Как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу»²³.

После беседы с императором и императрицей Александр Михайлович решает: «Ждать добра из Царского села нельзя, и вопрос стоит так: или сидеть, сложа руки, и ждать гибели и позора России, или спасти Россию, приняв героические меры. Положение безвыходное, такое, в котором Россия никогда не находилась»²⁴. Другими словами, надо спасти Россию от Николая II, который ведет страну к катастрофе.

Мы были вынуждены привести в статье большой статистический и фактический материал и мнения не противников, а сторонников государя о нарастании быстрыми темпами осенью 1916 — в начале 1917 г. кризиса и хаоса

во всех сферах жизни общества, так как сегодня стараниями монархистов и неграмотных журналистов и публицистов возобладала точка зрения, согласно которой ситуация в России была благополучной, и оснований для революции не было. Крушение империи — якобы «козни врагов».

На основе вышеизложенного можно заключить:

1. В течение всего 1916 г. и в январе-феврале 1917 г. в Петрограде и частично в провинции нарастал кризис «низов»: значительное ухудшение жизни всех социальных слоев и массовое недовольство властью.

2. Главной причиной краха монархии были не «козни» шпионов, масонов и других «врагов» России, а кризис «верхов»: нежелание и неспособность власти решать задачи, стоящие перед страной.

3. Одним из важнейших проявлений кризиса власти было несоответствие форм и методов ее деятельности качественно изменившейся ситуации осенью 1916 г. Несмотря на обилие тревожной информации, поступавшей из самых разных источников, о надвигающемся крахе монархии, Николай II не понял, что ситуация в стране и прежде всего в Петрограде осенью 1916 — в начале 1917 г. принципиально изменилась, поэтому надо было качественно менять политику, а не министров. Как менять политику? Или идти на диалог с обществом в лице Государственной думы, Земгора, Военно-промышленного комитета, делиться с обществом частью властных полномочий, дать право Государственной думе формировать «ответственное министерство», или вводить диктатуру, как советовали правые в декабре 1916 г. В условиях нарастающего хаоса власть продолжала политику, характерную для этапа стабильности. Несоответствие предпринимаемых шагов и усилий власти масштабу и сложности переживаемого момента делало революцию в России неизбежной.

4. Документы Петроградского охранного отделения подтверждают существование и третьего признака революционной ситуации — «значительного повышения активности масс».

5. Попытки Б. Н. Миронова и его единомышленников опровергнуть марксистское видение причин и предпосылок Февральской революции обречены на неудачу, так как игнорируют реалии и документы рассматриваемой эпохи.

²² Военный дневник великого князя Андрея Владимировича. М.; 2008.

²³ Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.-Л.: Государственное изд-во; 1925.

²⁴ Письмо в.кн. Александра Михайловича в.кн. Николаю Михайловичу от 14 февраля 1917 г. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. 1917–1918. в 2-х т. Хрусталев В.М., отв. ред., сост. М.: ПРОЗАиК; 2012.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов Б. Н. Русская революция 1917 г. в контексте теорий революции. *Общественные науки и современность*. 2013;(2):72–84.
2. Ленин В. И. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. М.; 1969.
3. Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в условиях экономического чуда: по классическому сценарию? *Отечественные записки*. 2012;(46):267–283.
4. Миронов Б. Н. По сравнению с 1913-м... *Родина*. 2016;(11):64–67.
5. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М.: Издательство «Весь мир»; 2012.
6. Миронов Б. Н. Униженные и оскорбленные. «Кризис самодержавия» — миф, придуманный большевиками. *Родина*. 2006;(1):12–17.
7. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова; 1954; II.

REFERENCES

1. Mironov B. N. Russian revolution of 1917 in the context of theories of revolution. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2013;(2):72–84. (In Russ.).
2. Lenin V. I. The collapse of the Second International. Complete works. 5th edition. Vol. 26. Moscow; 1969. (In Russ.).
3. Mironov B. N. The Russian revolution of 1917 in the conditions of the economic miracle: According to the classical scenario? *Otechestvennye zapiski*. 2012;(46):267–283. (In Russ.).
4. Mironov B. N. Compared to 1913... *Rodina*. 2016;(11):64–67. (In Russ.).
5. Mironov B. N. The welfare of the population and revolution in Imperial Russia: the XVIII — the beginning of XX century. 2d edition. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir»; 2012. (In Russ.).
6. Mironov B. N. Humiliated and humiliated. "The crisis of autocracy" — a myth invented by the Bolsheviks. *Rodina*. 2006;(1):12–17. (In Russ.).
7. Shavel'sky G. Memoirs of the last archpriest of the Russian army and Navy. New York: Chekhov Publishing house; 1954; II. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-42-51

УДК 32.019.5;159.9.316.6(045)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРИСТАЛЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В ИНТЕРНЕТ- СООБЩЕСТВАХ

Усманова Заира Романовна,

канд. полит. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ZRUsmanova@fa.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социально-психологического исследования влияния процессов возникновения и трансформации идейно-смысловых конструктов в социальных сетях на восприятие интернет-пользователями событий реальной действительности. Центральной проблемой исследования выступают механизмы восприятия и обработки информации, поступающей из Интернета в индивидуальное сознание активных пользователей. Исследуются возникающие при этом в сознании пользователей Интернета социальные и политические представления, степень их совпадения, поляризации и конфронтации с представлениями, формирующимися в результате объективного опыта. Выявлены социально конструктивные и деструктивные практики онлайн-коммуникации в социальных сетях Рунета с точки зрения их деформационного потенциала для индивидуального сознания. По результатам исследования можно констатировать, что смысловые конструкты в сознании потребителей онлайн-контента актуализируются в момент эмоционального накала, но сохраняют свое значение лишь на коротком промежутке времени. Находясь онлайн, индивиды считают свои действия реальной активностью, но оказавшись офлайн, возвращаются к устоявшимся шаблонам поведения. При этом возникающие и меняющиеся в момент нахождения онлайн социальные и политические представления могут вступить в противоречие с представлениями, сформированными в результате реального опыта. Такая ситуация приводит к искажению представлений, стимулированию эмоциональных выплесков, что может привести к реальному поведению в офлайн-пространстве, в том числе и в деструктивных формах.

Ключевые слова: Рунет; онлайн-коммуникация; сетевые интернет-сообщества; социальные представления; массовое сознание

THE MAIN DIRECTIONS OF CRYSTALLIZATION OF THE SOCIO-POLITICAL VIEWS OF THE RUSSIAN CITIZENS IN INTERNET-COMMUNITIES

Zaira R. Usmanova,

Cand. Sci. in Politics, Professor of Department of Political Science and Mass Communications of Financial University, Moscow, Russia

ZRUsmanova@fa.ru

Abstract. *In this article, the author presents the results of political and psychological research the influence of the emergence and transformation processes of ideological and semantic constructs in social networks on the Internet users' perception the events of reality. The focus problem of the research was the mechanisms of perception and processing of information coming from the Internet into the individual consciousness of active users. The author investigated the virtual social and political visions arising in the minds of Internet users, the degree of their coincidence, polarization and confrontation with the visions formed as a result of objective experience. The author identifies socially constructive and as well as destructive practices in the online communication in the social networks of the Russian Internet considering their distortion potential for the individual consciousness. According to the results of the research, the author concluded that the semantic constructs in the minds of consumers of online content are actualized at the moment of emotional heat but they retain their significance only for a short period. Being online, individuals consider their actions as a real activity but when they are offline, they return to established patterns of behaviour. At the same time, the social and political visions that arise and change during online communication can conflict with the visions formed as a result of real experience. This situation leads to distortion of visions, to stimulation of emotional splashes, which can lead to real behaviour in offline space, including destructive forms of behaviour.*

Keywords: *Russian Internet; online communication; Internet-communities; social visions; mass consciousness*

В условиях масштабных трансформаций российского информационного ландшафта в 2010-е гг. Рунет выступает одной из наиболее важных составляющих формирования социально-политических представлений граждан современной России. Сегодня социально-экономические и политические преобразования российского общества все более зависят от тех коммуникационных процессов, которые зарождаются и протекают в многоуровневом и структурно неоднородном пространстве Рунета. Однако воздействие Рунета на индивидуальное и массовое сознание не ограничивается выработкой собственной «виртуальной повестки дня». Рунет выступает и как социокультурное пространство, в котором кристаллизуются новые социальные и политические ценности и представления, модифицируются уже существующие и формируются новые дискурсы российского социально-политического процесса. В этих условиях изучение Рунета как сложного социально-политического феномена представляется крайне важным для понимания логики развития российского общества сегодня и в среднесрочной перспективе.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка проведения социально-психологического анализа специфики проецирования в интернет-сообществах массовых настроений неудовлетворенности, вызванных конкретными управленческими просчетами, на социальную и политическую сферы. При этом выявляется, каким образом

виртуальная коммуникативная среда Интернета влияет на формирование или изменение представлений индивидов о событиях реальной действительности. Рассмотрены механизмы возникновения, поддержания и видоизменения информационного контекста, в результате которого происходит переформатирование смысла определенного события, вызывающего чувство неудовлетворенности, в социально и политически значимое. Негативная оценка события экстраполируется на систему социальных и политических отношений в конкретном регионе или в государстве в целом. Подобная проекция смыслов в изучаемом кейсе становится реальным мотивом массовой протестной активности.

По данной проблеме автор концепта виртуальной реальности Джерон Ланир высказывает идею о том, что интернет-сообщества лишают людей свободы мысли и воли. Перечисляя причины, по которым автор рекомендует удалить аккаунты в социальных сетях, Д. Ланир обращается к тенденции подстрекания интернет-сообществами самых худших сторон личной и общественной жизни людей, аккумуляции их недовольства, обману, лишению чувства автономности. Указанные тенденции, по его мнению, постоянно поддерживаются алгоритмами, которыми управляют транснациональные корпорации с целью скорейшего обогащения [1]. Тем не менее Д. Ланир не исключает гуманистической природы интернет-сообществ (и с этим мы во многом согласны) и возможности использования их коммуникативного потен-

циала для развития гражданского общества нового типа, наиболее эффективного и социально ответственного.

МОДЕЛЬ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом нашего исследования был выбран кейс — событие 25 марта 2018 г. в торговом центре «Зимняя вишня» в городе Кемерово, Россия. Методологической базой послужили методы формализованного интервью и качественного контент-анализа новостей, размещаемых в социальных сетях, которым доверяют респонденты. Взаимодействие данных методов позволило изучить преобразование смысловой интерпретации события пользователями Интернета в режиме онлайн и проследить его влияние на социальные и политические оценки и поведенческие реакции в офлайн. Находясь онлайн, респонденты потребляют готовые парадигмы, имеющие текстовое, аудиальное и визуальное оформление, а результат влияния данного контента на формирующиеся социальные и политические представления и поведенческие практики пользователей Интернета можно зафиксировать только в режиме офлайн.

Модель исследования включает: выявление ряда наиболее востребованных респондентами источников информации; качественный контент-анализ конкретной информации, предоставленной в определенный промежуток времени этими источниками по поводу интересующего нас эпизода; анализ с помощью формализованного интервью динамики представлений респондентов о причинах происшедшего; сравнение ценностно-смыслового содержания представлений респондентов офлайн и фактического содержания информации, транслируемой в сети Интернет. Данная модель, на наш взгляд, позволяет проследить, как конкретная информация накладывается на систему стереотипов массового сознания, трансформируется в эмоционально окрашенные оценки, которые могут мотивировать различные варианты массового протестного поведения [2].

Исследование проводилось в 4 этапа в течение 20 дней с момента возникновения события и присутствия информации о нем в ядре общественно-политического дискурса в социальных сетях. Каждые 5 дней обрабатывались результаты интервьюирования 25 респондентов (всего 100 интервью), треть из которых была собрана в городе Кемерово. Параллельно осуществлял-

ся качественный контент-анализ сообщений об интересующем нас событии в источниках, которым доверяли респонденты.

Гипотеза исследования заключается в том, что идейно-смысловые конструкты, возникающие и изменяющиеся в сознании адепта интернет-сообществ, воспринимаемые им как нереальные, могут мотивировать реальные поведенческие реакции в минимальный промежуток времени с момента фокусирования эмоционального накала на проблеме, обсуждаемой в сети.

АНАЛИЗ СИМВОЛИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ СООБЩЕНИЙ ОБ ИССЛЕДУЕМОМ СОБЫТИИ В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ И ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В ОТВЕТАХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН – АКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА

Основные интернет-сообщества и аккаунты в социальных сетях, которым доверяют респонденты, размещены в мессенджере «Telegram» и социальной сети «ВКонтакте». Респонденты из города Кемерово в 30% ответов также указали региональные сайты «VSE 42.RU», «A42.RU», «novokuznetsk.ru». Среди причин доверия указанным источникам в целом респонденты называли «независимость», «беспристрастность», «нейтральность» и «оперативность донесения информации», «соответствие информации реальной действительности». Вывод о соответствии действительности респонденты делали на основании «наличия картинок с места происшествия». 98% респондентов не сомневались в достоверности изображений и видеоматериалов, распространяемых указанными источниками.

27% респондентов заявили, что не доверяют никому, считая достоверными только рассказы знакомых, коллег, родственников, а также «свидетельства очевидцев», с которыми они якобы косвенно знакомы и которые якобы «принимали личное участие в том событии». При этом большую часть сведений от подобных источников они получали тоже из социальных сетей в личной переписке. Как показало исследование, в коммуникационном пространстве Интернета обмен информацией протекает очень быстро, она не успевает рационализироваться, практически мгновенно подхватывается «инструментами тиражирования», такими как

лайки, репосты, комментирование, вирусные рассылки. Интернет-пользователь зачастую не успевая задуматься над тем, что именно он репостит, скорее рефлекторно дублирует любую информацию, транслируемую социальной сетью, которой он доверяет.

Степень доверия к социальной сети зависит не от рационального анализа объективности передаваемой в ней информации, а от популярности самой сети. В свою очередь, популярность социальной сети зависит от сегментации потребителей контента, так как аудитория каждого конкретного сообщества формируется на основе групповой идентичности и чувства приобщения к общим ценностям [3]. Постоянное обращение участника социальной сети к информации в ленте воспитывает в нем привыкание, снижает консуггестию, стимулирует желание потреблять знакомый контент.

В момент трагедии в Кемерово региональные власти, опасаясь давать ложную информацию, опоздали с реакцией, ожидая конкретных фактов с места происшествия, что умело использовали множество сетевых источников, которые мгновенно заполнили информационный вакуум. Эти источники давали в основном не факты, а высокоэмоциональную интерпретацию событий и личную морально-нравственную оценку происходящего.

Панические практики были реализованы и на стихийно состоявшемся митинге в городе Кемерово 27.03.2018 г. В глазах граждан, убитых горем, беда принимала гораздо большие масштабы, чем было на самом деле. Митингующие считали, что власть им лжет. На митинге запускались смысловые конструкты, стимулирующие актуализацию стереотипов, присущих российскому обществу: коррумпированность власти; сокрытие фактов от народа; замалчивание реальных последствий катастроф. Примерно через 11 дней после события эмоциональное напряжение стало спадать, сообщения о пожаре почти перестали носить политический оттенок, началось углубление в вопросы расследования причин и наказания виновных. Этот процесс не завершен до сих пор, но ни СМИ, ни интернет-сообщества уже не интересуются этой темой.

Как показало исследование, содержание контента имплицитно включает набор символов и значений, которые встраиваются в сложную систему представлений человека в соответствии с психологическим механизмом стереотипиза-

ции (табл. 1). Главной закономерностью данного процесса в рамках изучаемого кейса является стирание границ между идейно-смысловыми конструктами, существующими в онлайн- и офлайн-средах. Участникам социальных сетей, социальные и политические представления которых активно трансформируются при потреблении виртуального контента, становится все сложнее рационализировать свои суждения. Критериями объективации информации становится визуальный ряд, человеку достаточно видеть изображение или наблюдать видеоролик, чтобы считать его реальной действительностью на подсознательном уровне.

Несмотря на утверждения испытуемых, что они не верят источникам информации, фактически они постоянно обращаются и следят за контентом одних и тех же аккаунтов и с большой точностью воспроизводят именно те смысловые конструкты, которые транслируются последними. Происходит некритическое считывание образов, символов и знаков и воспроизведение их как собственных представлений о событиях реальной действительности.

Ускорение процесса передачи информации в связи с развитием Интернета и глобализации приводит к унификации виртуальной среды. Унифицированное индивидуальное сознание более не способно генерировать самостоятельные смыслы. Неуправляемые потоки информации сталкиваются, пересекаются, многократно дублируются, идеи сводятся к заимствованию. В виртуальных сообществах человек теряет способность дать самостоятельную оценку чему-либо и критически мыслить.

Интерес интернет-аудитории к любым событиям носит ситуативный характер. Дублирующиеся сообщения в скором времени теряют актуальность и забываются. Для того чтобы поддерживать интерес к ним, лидерам интернет-сообществ необходимо постоянно приращивать к ожиданиям своих аудиторий, они фактически вынуждены предугадывать настроения и мнения виртуальных масс. В результате этого парадигмы, сформированные лидерами виртуальных сообществ в Интернете для конкретной целевой аудитории, практически полностью совпадают с мнениями их же адептов.

Необходимо задаться вопросом: есть ли объективный контроль над информационными потоками в Интернете и возможен ли

Таблица 1 / Table 1

Сравнение ценностно-смысловых конструкторов, сформированных онлайн в интернет-сообществах и представлений, закрепившихся офлайн в сознании респондентов / Comparison of axiological-semantic constructs formed online in Internet-communities and visions entrenched offline in the consciousness of respondents

Источники информации в Рунете, вызывающие доверие у респондентов (по убыванию)			
Telegram каналы («НЕЗЫГАРЬ», «Методичка», «Сталингулаг», «МОРДОР»)			
1–5 дни	6–10 дни	11–15 дни	16–20 дни
Пожар, гибель детей, взятки, делают деньги на жизни и смерти, мрази, подонки, плюют в глаза убитых горем, звериное равнодушие власти, власть врет, Президент не обратился к нации, губернатор не вышел к народу, кремлевские каналы не меняли сетку вещания, говорили о чепухе, не хотели портить имидж Президента трауром, безответственность, непрофессионализм, Россия — это ад, безопасностью ТЦ занимался повар, МЧС не укомплектована оборудованием, сотрудники ТЦ закрыли детей в кинотеатре, не будет справедливого наказания, правды не узнают никогда, Президент говорит о трагедии как о статистике, губернатор извиняется перед президентом, слова поддержки Путину В.В., а не людям	Область отдана на откуп местным князькам, на выборах нарисовали 90% президенту, коррупция, не отправлен в отставку губернатор, плюют в заплаканные лица, опять посадят мелкого человека, безнаказанность власти, повсеместная халатность	Нам навязывают вину, внушают, что мы разгильдяи, взяточничество, отсутствие спецтехники, советско-православный халифат, духовный разрыв между властью и народом	А. Тулеева утвердили председателем парламента Кузбасса — это его так «наказали», операция в Сирии важна, а на гибель детей всем было плевать, омерзительно, ярость, злость, негодование
Сообщества в ВК («Лентач», «Медуза», «Телеканал Дождь», «The Village», «Игорь Востриков»)			
Пожар, погибли дети (4, 9, 41), пострадали (37, 54, 80), всего 64 погибших, сгорело 200 животных, поджог или возгорание проводки, пранкер вбросил фейковую информацию о 300 погибших, «кремлеботы» сдерживают политический дискурс в соцсетях, в Кемерово ад, центр города в дыму, ранее фигурировавший в скандалах ИЛ-96–300 без Путина В.В., сомнительные скрины и аудио в социальных сетях, призыв к чтению новостей только крупных информагентств, лживые свидетельства очевидцев, стихийные митинги, Путин В.В. не вышел к народу, говорил о демографии, ему выражали соболезнования и просили прощения чиновники, поклон царю, губернатор — «они бузотеряты», вице-губернатор — «вы пиаритесь на горе», публикация списка погибших — 63, акции памяти, федеральный траур, (В. Чернов — «спланированная акция», Е. Мизулина — «удар в спину»), прошлый президент подставил нынешнего, видеообращение А. Тулеева — извинился, обещал деньги, Путин В.В. — «идут вбросы из-за границы»	Извинения врача скорой помощи и блогеров за дезинформацию, задержанные не признали вину, винят прогнвшую систему, кемеровские активисты — награда за поимку пранкера Вольнова, Песков — «Путин серьезный человек и не говорит с толпой», И. Востриков — «виноват режим, проблема не в Путине В.В. и не в Тулееве А.Г.	Погибшие, пострадавшие, возгорание проводки, халатность сотрудников ТЦ, коррумпированность пожарной инспекции, 7 человек арестованы, пранкер объявлен в международный розыск, А. Тулеев ушел в отставку, дети Кемерово играют в небесный волейбол с детьми Беслана, размещение кинотеатров и детских комплексов на первых этажах, общественный контроль в местах скопления детей	7 человек арестованы, что делать, если возник пожар, как тушили пожар в Кемерово, причины пожара — недостатки административно-управленческой системы

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Источники информации в Рунете, вызывающие доверие у респондентов (по убыванию)			
Аккаунты федеральных СМИ в социальных сетях («РБК», «Ведомости», «Коммерсантъ»)			
Пожар, пропали без вести 40 детей, погибли (37, 56, 64), погиб 41 ребенок, 43 госпитализированы, Владимир Пучков срочно вылетел в Кемерово, задержаны управляющие ТЦ, надежда найти живых, 5 нашли живыми, дети принесли зажигалку, возгорание проводки, арендаторы ТЦ виновны, СК обнаружил серьезные нарушения – пожарные выходы заблокированы, оповещение отключил охранник, беспомощность надзорных органов, Путин В.В. все-таки прилетел, стихийный митинг, «преступная халатность», акции памяти жертв, Путин В.В. объявил федеральный траур, неспособность местной власти говорить с людьми, проверки ни к чему не приведут, 192 млн руб. для семей погибших от совладельца ТЦ	ТЦ ввели в эксплуатацию без согласования с МЧС, пропавших без вести нет, погибла 11-летняя родственница А. Тулеева, 7 задержаны, с трауром опоздали, А. Тулеева надо отправить в отставку, борьба со слухами и блокировка Телеграм, трагедия может повториться	Обвиняемые представляют коллективное государство, Тулеев назначен депутатом парламента Кемеровской области, пожар в ТЦ «Персей» в Москве, пожары в других местах по всей России	Тема не присутствует в новостях
Интернет-пользователи (результаты интервьюирования)			
Пожар, задымление, страшная трагедия, гибель людей, смерть детей, 300 жертв, не разрешили траур, наплевательское отношение властей, закрыты двери кинотеатра, детей не выпускали, долго не тушили пожар, ужас, печаль, сочувствие, безысходность, незащищенность, гнев, равнодушие власти, безнаказанность, виновность властей, хладнокровие чиновников, им плевать – мы в аду	Пожар, погибло больше детей, недочеты эвакуации, пожарную сигнализацию отключил охранник	Пожар, гибель 64 человек, из них 41 ребенок, не было пожарной сигнализации, халатность пожарной службы и руководства ТЦ, коррумпированность местной власти	Гибель 64 человек, нет сигнализации, везде начаты проверки, пранкер распустил слухи, ничего не произошло

он в принципе? На наш взгляд, виртуальное сообщество существует и действует по законам толпы, следовательно, выявленные многими учеными закономерности поведения человека в толпе и способы управления ею применимы и к данной среде. К закономерностям поведения мы относим: анонимность, отсутствие у участников коммуникации чувства ответственности, импульсивность, внушаемость, невосприимчивость к логическим аргументам, тяготение к крайностям, невозможность полностью контролировать собственное поведение. К способам управления мы относим: создание множества сообществ, продвигающих альтернативные идеи и привлекающих внимание; создание аккаунтов, производящих информационный шум и отвлекающих внимание; создание псевдосообществ, подхваты-

вающих магистральную тему и в дальнейшем снижающих эмоциональный накал в своей ленте, что приводит к забыванию основного сообщения.

Современная информационная революция позволила обеспечить беспрепятственный рост объема информации, развить механизмы, систематизирующие и упорядочивающие базы данных. Но это не означает, что каждая новая единица информации инновационна и качественно прогрессивна. Из данного наблюдения следует, что революция происходит в технологиях, но не в социально-психологических механизмах восприятия информации человеком. В перспективе, вероятно, станет возможным наблюдать полный распад коллективного измерения сознания на рассогласованные фрагменты.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-КОНСТРУКТИВНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРАКТИК ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ, АКТИВНО РЕАГИРУЮЩИХ НА ИССЛЕДУЕМОЕ СОБЫТИЕ

Стереотипы массового сознания относительно устойчивы, но в то же время имеют способность приспосабливаться к различному информационному контексту, что в конечном счете может искажать представление о событии вплоть до одновременного существования нескольких, даже противоречащих друг другу образов в сознании интернет-пользователя. Психологические механизмы, закрепляющие то или иное представление, а также эмоциональный полюс отношения к нему, опираются на присоединение нового события к множеству аналогичных, произошедших в прошлом и поддерживающих устоявшийся стереотип у конкретной группы внутри сообщества. Указанные социально-психологические механизмы атрибуции и стереотипизации способствуют восприятию трагического события, например пожара, не на основе рационального осмысления, а на основе эмоционального поиска причин произошедшего. Массовое сознание стремится к интуитивному поиску виновных в совершившемся и почти не склонно к предположению о том, что оно может произойти по не зависящим от людей причинам [4].

Высокий эмоциональный уровень обсуждения в социальных сетях способствует значительному искажению объективной информации, даже если ее источник первоначально размещает реальные факты. Чем выше интерес к событию и ощущение недостаточности транслируемых о нем фактов, тем больше домыслов и дополнений возникает в интернет-сообществах. С течением некоторого времени, при заполнении пробелов в знании о событии интерес к нему снижается и многие из домыслов забываются. Но, в зависимости от момента, когда субъект включился в потребление информации о событии, в его сознании остается лишь небольшой фрагмент. Так, нами были обнаружены два случая, когда респонденты заинтересовались пожаром в ТРЦ «Зимняя вишня» в тот момент, когда в сообществах в Интернете прошла информация о значительном количестве жертв, но почти сразу перестали интересоваться этим событием. В результате, когда их опрашивали

на 16–20 дни, они называли количество жертв, в несколько раз превышающее их реальное число. Аналогичные примеры были обнаружены и при выяснении причин и последствий пожара, а также виновных в этом.

В табл. 2 представлены средние результаты по показателю трансформации смыслового содержания исследуемого кейса в зависимости от времени и приписывания ему политического значения. В течение первых дней респонденты отмечали дефицит информации — это представление было подсажено в их сознание интернет-сообществами. При этом средний показатель размещения сообщений об исследуемом событии в Интернете в первые дни был равен 8–10 в сутки. В конце исследования респонденты отмечали, что событие очень широко освещалось, в то время как средний показатель размещения сообщений в этот период составил 0,5 в сутки. Очевидно, что респонденты просто повторяли мнение, транслируемое в сообществах, не успевая его рационализировать.

Анализ степени искажения информации о пожаре в ТРЦ «Зимняя вишня» в зависимости от периода исследования позволяет сделать следующие выводы. На первом этапе респонденты отмечали острый дефицит информации, слабое освещение события в СМИ, признавали его высокую актуальность для себя, принимали на веру любые сообщения. Происходило искажение фактов и приписывание информации о событии политического значения, формировались основные штампы. На втором и третьем этапах актуальность постепенно снижалась, интерес к событию пропадал, происходило закрепление штампов в сознании интернет-пользователей. На последнем этапе респонденты отмечали, что событие очень широко освещалось, демонстрировали устойчивые политизированные штампы, но уже не имеющие актуальности в настоящий момент. Многие факты, связанные с пожаром в ТРЦ «Зимняя вишня», стали забываться.

Под искажением информации мы признаем прямое несоответствие фактов, тиражируемых интернет-сообществами, данным, предоставленным официальными органами власти, занимающимися устранением последствий пожара, расследованием его причин и определением виновных. «Максимальная степень» — до 100% несовпадений, «очень высокая степень» — до 80% несовпадений, «высокая степень» — до 70% несовпадений, «средняя степень» — до 50% несовпадений.

Таблица 2 / Table 2

Искажение информации о пожаре в ТРЦ «Зимняя вишня» и приписывание ему политического значения в интернет-сообществах / Distortion of information about the fire in the shopping center “Winter cherry” and attribution to it of political importance in the Internet-communities

Степень искажения фактической информации и политизация дискурса				
	1–5 дни	6–10 дни	11–15 дни	16–20 дни
Актуальность информации о событии и интерес к нему	Очень высокая	Очень высокая	Высокая	Низкая
Дефицит информации о событии	Очень высокий	Средний	Низкий	Низкий
Искажение информации о событии	Максимальное искажение	Сильное искажение	Возникновение устойчивого штампа	Остаточный информационный след
Приписывание информации о событии политического значения	Высокое	Очень высокое	Очень высокое	Среднее

падений, «низкая степень» — до 30% несовпадений. Пример искажения информации в ответах респондентов: 20 апреля 2018 г. официальный представитель СКР Светлана Петренко заявила, что «при пожаре в ТРЦ „Зимняя вишня” погибли 60 человек» (<https://rg.ru/2018/04/20/reg-sibfo/sk-utochnil-chislo-pogibshih-v-kemerovskom-tc-zimniaia-vishnia.html>), а респонденты, отвечая на вопрос: что вы знаете о событии, произошедшем 25 марта 2018 г.? — среди прочих фактов указывали 80, 200, 300, 400 или 600 погибших. Аналогичные искажения фактов коснулись причин и последствий пожара, а также приписывания вины определенным чиновникам, бизнесменам или политикам.

Подвергнув анализу данные, полученные в результате интервьюирования, нами были выделены три компонента социальных и политических представлений.

Когнитивный компонент включал знание о фактах, касающихся пожара в ТРЦ «Зимняя вишня», и отражал рациональную сторону представлений. Кратко содержание когнитивного компонента представлено в табл. 1 в строке «интернет-пользователи».

Эмоционально-оценочный компонент включал измерение эмоционального полюса отношения респондентов к событию и эмо-

ций, которые актуализировались в связи с этим. Было выявлено, что диапазон эмоций простирается от агрессии и негодования, печали и скорби до безразличия. В частности, респонденты оценили событие как: ужасную трагедию — 16%, разочарование — 6%, жалость — 6%, сострадание, сочувствие, солидарность, скорбь, боль — 6%, шок — 4%, стыд — 2%, обиду — 2%, грусть — 2%, горе — 2%, раздражение — 2%, бешенство и злость, негодование по отношению к действующей системе — 2%, страх — 2%, безразличие — 12%. Ценности, которые актуализировались в сознании респондентов: ценность человеческой жизни; ценность доступа к достоверной информации; безопасность. При этом ценности, связанные с активизацией гражданского общества, выявлены не были. Мы считаем это закономерным, так как интернет-сообщества подавали факты, облекая их в максимально яркий эмоциональный контекст.

Поведенческий компонент включал измерение готовности к фактическим действиям и соотнесение данных с цифрой реального участия в митингах, прошедших по стране. Из 100 человек, принявших участие в интервьюировании, на митингах присутствовали только 2. По поводу конкретной цифры участников митингов по всей стране найти релевантные

данные не удалось, но в целом можно предположить, что большинство граждан, желающих выразить свое мнение о пожаре, сделали это в момент коммуникации в Интернете.

Готовность произвести какие-либо действия в поддержку своей гражданской позиции, например перестать посещать торговые центры в течение месяца или выходить на митинги против халатности властей, высказали 7 человек. При этом надо понимать, что, обсуждая эмоционально окрашенные темы в интернет-сообществах, их адепты гораздо чаще пишут о готовности к каким-либо действиям либо описывают, что уже что-то сделали, но в реальной жизни ничего не делают. Вероятно, прописывание своих действий и демонстрация своей активности в референтном сообществе на подсознательном уровне снижают готовность человека действовать в реальной жизни, позволяя выплеснуть эмоции в виртуальное пространство. Тем не менее определенная часть участников интернет-сообществ все же сохраняет эмоциональное возбуждение на короткий промежуток времени и нуждается в реальной реализации своих установок.

Исходя из этого, мы считаем, что практика активной коммуникации людей в интернет-сообществах может иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия. В развитом гражданском обществе умение организовывать конструктивную коммуникацию, способствующую выработке эффективных решений по различным темам социальной и политической повестки, играет колоссальную роль в достижении общественного согласия и стабильности. В то же время в ситуации чрезмерного негативного эмоционального накала любые события, хаотично обсуждаемые в сети, могут быстро радикализироваться и привести к массовидным явлениям разрушительного характера — погромам, насилию, терактам, революциям.

В результате анализа полученных качественных данных можно сделать **следующие выводы**, свидетельствующие о некоторых обнаруженных закономерностях.

Во-первых, хаотичное возникновение и возможное нецеленаправленное искажение идейно-смысловых конструкций путем их многократного тиражирования значительно влияет на представления интернет-пользователей в момент их нахождения онлайн, а также в течение небольшого отрезка времени, когда полученная

информация привлекает внимание, если имеет высокий эмоциональный градус. Как только эмоциональный накал вокруг информационного повода стихает, он исчезает из поля внимания и постепенно совсем забывается. В ситуации отсутствия значительных эмоционально привлекательных поводов идейно-смысловые конструкты, обсуждаемые в социальных сетях, нейтральны и запоминаются их адептами как непрерывный поток ожидаемой информации. В таком случае офлайн интернет-пользователи как бы переключаются с виртуального на реальный мир и делают это осознанно, понимая, что используют по отношению к этим двум мирам различные когнитивные конструкции.

Во-вторых, механизмы восприятия в момент нахождения индивида онлайн схожи с аналогичными механизмами в толпе. Подписчики интернет-сообществ подсознательно признают остальных участников членами «ин-группы», моделируют оценочные суждения и поведенческие реакции, на их взгляд, свойственные своей группе. Отождествляя себя с интернет-сообществом, иногда сразу с несколькими одновременно, адепт воспроизводит реакции других членов группы и считает все происходящее в момент онлайн-активности отражением реальной жизненной ситуации. Чем более эмоциональны обсуждения в группах, тем сильнее они привлекают внимание, и с помощью механизмов заражения и подражания усиливают радикальность высказываний, категоричность суждений и смысловое противоборство. Фактически онлайн-пользователи имеют возможность выплеснуть эмоциональное напряжение. Находясь онлайн, индивиды считают свои действия реальной активностью, подражая активности остальных членов группы, но оказавшись офлайн, возвращаются к устоявшимся шаблонам поведения.

В-третьих, возникающие и меняющиеся в момент нахождения онлайн социальные и политические представления могут вступить в противоречие с представлениями, сформированными в результате реального опыта. Такое противоречие на бессознательном уровне влечет рассогласование смыслов и фрустрацию, вследствие чего субъект восприятия изгоняет эти представления из сознания. Искривленные представления могут быть кратковременно актуальны и служить стимулом лишь сиюминутным эмоциональным выплескам и даже повлечь

реальное поведение в офлайн-пространстве. Но спустя короткий промежуток времени и при исчезновении влияния информационного раздражителя онлайн-субъект может возвратиться к более устойчивым представлениям, сформированным в результате объективного опыта. Это подтверждается четким и доминирующим высказыванием респондентов о том, что они не верят информации в Интернете, в то время как могут выполнять призывы интернет-сообществ, например принять участие в реальном митинге.

В-четвертых, нами выделены социально конструктивные и деструктивные практики он-

лайн-коммуникации в социальных сетях Рунета. К первым мы отнесли все практики, стимулирующие радикализацию, экстримизацию социальных и политических представлений и распространяемых интернет-сообществом идей, что может вылиться в реальные деструктивные действия его адептов, совершаемых по модели толпы. Ко вторым — возможность канализирования социально-политического недовольства людей в практику создания сообществ в сети, позволяющих мобильно и оперативно решать множество общественных проблем по модели активности развитого гражданского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Jaron Lanier Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now, Random House; 2018, 160 p.
2. Евгеньева Т.В., Губченко В.А. Психологические особенности формирования оппозиционной повестки дня в сети Интернет. *Политическая наука. Специальный выпуск* 2017:385–401.
3. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Издательство Московского университета «Проспект»; 2018. 420 с.
4. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России. *Информационные войны*. 2014; (4):22–27.

REFERENCES

1. Jaron Lanier Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. Random House; 2018. 160 p.
2. Evgenieva T. V., Gubchenko V. A. Psychological Nuances of Oppositional Political Agenda Formation on the Internet. *Politicheskaya nauka. Spetsial'nyi vypusk*. 2017:385–401. (In Russ.).
3. Volodenkov S. V. Internet-Communication in Global Political Control. Moscow: Publishing house of the Moscow University "Prospekt"; 2018. 420 p. (In Russ.).
4. Evgenieva T. V., Titov V. V. The Image of the Enemy as a Tool of Forming the Political Identity on the Internet: Modern Russia's Experience. *Informatsionnye voyny*. 2014;(4):22–27. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-52-57
УДК 323.27(045)

СТАТУС-КВО В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ: В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Помигуев Илья Александрович,

канд. полит. наук, старший преподаватель Департамента политологии, Финансовый университет, научный сотрудник отдела политической науки, ИНИОН РАН, Москва, Россия
pomilya@mail.ru

Аннотация. В работе представлен анализ условий и характеристик, которые влияют на действия и решения политических акторов в революционной ситуации. Рассматриваются важнейшие теоретические концепции, раскрывающие причины революций, и возможные направления выхода из кризиса. Автор отвечает на вопрос: способны ли политические акторы на основе имеющейся информации и представлений о рациональности принять оптимальные решения, которые помогут без резкого изменения политического режима выйти из революционной ситуации. Для поиска таких решений, способных не допустить или сгладить последствия революции, в работе применяется теоретический инструментарий неoinституциональной концепции вето-игроков, рассматриваются концепты стабильности политики — главной зависимой переменной в анализе, конфигурации вето-игроков — промежуточного теоретического понятия, объясняющего эту стабильность, и политического института — основной независимой переменной. В рамках предложенной концепции основное внимание уделяется правилам игры и акторам, позволяющим блокировать принятие того или иного решения. В итоге представлены три стратегических направления, которые могут выбрать формальные индивидуальные вето-игроки в условиях революционной ситуации. Автор приходит к выводу, что оптимальное решение стоит искать в намеренном создании политической нестабильности с помощью изменений политического статус-кво. Главным условием ненасильственного выхода из революционной ситуации является стремление развивать и использовать политическую нестабильность в конструктивном русле, а именно: инициировать существенное изменение политического статус-кво, сокращать влияние формальных вето-игроков на негативную повестку дня, перестраивать институциональную структуру с учетом неформальных практик и общественной поддержки.

Ключевые слова: революционная ситуация; политическая стабильность; статус-кво; вето-игроки; политические решения

STATUS QUO IN A REVOLUTIONARY SITUATION: IN THE SEARCH FOR OPTIMAL SOLUTION

Il'ya A. Pomiguyev,

Cand. Sci in Politics, Senior Lecturer at Department of Political Science, Financial University, A researcher at Department of Political Science, Institute of Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
pomilya@mail.ru

Abstract. The paper presents an analysis of the conditions and characteristics that affect the actions and decisions of political actors in a revolutionary situation. I considered the most important theoretical concepts that reveal the causes of revolutions, and possible ways out of the crisis. The author answers the question of whether political actors, on the basis of available information and ideas about rationality, can make optimal decisions that can exit the revolutionary situation without a sharp change in the political regime. To find solutions that cannot prevent or mitigate the consequences of the revolution, I used in the work the theoretical tools of the neo-institutional

concept of veto players, and consider the concepts of policy stability — the main dependent variable in analysis, the configuration of veto players — the intermediate theoretical concept explaining this stability and the political Institute — the main independent variable. Within the framework of the proposed concept, the focus is on the rules of the game and actors, which allows blocking the adoption of a decision. As a result, there are three strategic directions that formal individual veto players can choose in a revolutionary situation. The author comes to the conclusion that the optimal solution should be sought in the deliberate creation of political instability with the help of changes in the political status quo. The main condition for non-violent exit from the revolutionary situation is the desire to develop and use political instability in a constructive way, namely: to initiate a significant change in the political status quo, reduce the influence of formal veto players on a negative agenda, rebuild the institutional structure, taking into account informal practices and public support.

Keywords: revolutionary situation; political stability; status quo; veto players; configuration of the veto players; a political solution

Кардинальной смене политического режима предшествует целый ряд событий, факторов и условий, которые становятся причиной возникновения революционных ситуаций, и, как следствие, приводят к глубоким и масштабным изменениям во всех сферах жизни общества. Популярных теорий и концепций революций, способных объяснить природу или условия возникновения этого многогранного явления, предостаточно. Однако как должны себя вести непосредственные участники этого процесса, чтобы можно было избежать кардинальной смены политического режима? Где те силы, которые помогут выйти из кризисного состояния с наименьшими потерями для власти?

Так или иначе, на поставленные вопросы отвечают и другие теории. Например, наиболее известная в советское время марксистская теория предлагала искать ответ в урегулировании конфликтов между классами, основанном на экономическом факторе [1]. Поведенческие (П. Сорокин) и психологические теории (в частности, теория относительной депривации) искали решение в комплексных социальных и личностных мотивационных ориентациях и особенностях сознания за счет сужения различий в желаемом и действительном. П. Сорокин считал, что революции — это в первую очередь действия человека, который полностью разрывает с дисциплиной, порядком и нравственностью, что является реакцией на внешние условия их существования, в том числе на слабость государственных структур.

Т. Скокпол считала, что политический режим, испытывая серьезное давление снаружи и внутри, вынужден пасть, чтобы произошла реорганизация и реинтеграция государства

и правящих структур за счет новой политической элиты. Однако каковы шаги, препятствующие разрастанию политического и экономического кризиса режима?

Так, институциональные теории искали выход из кризиса в перестройке институтов власти. Основоположник теории Д. Норт определил институты как правила игры, имеющие как формальное, так и неформальное выражение [2]. Основной акцент делался именно на эволюционном развитии без резкой смены институтов, что подвергалось критике со стороны исследователей [3]. Однако предполагалось также, что формальные и неформальные правила и нормы меняются с разной скоростью. Первые, более подвижные, изменяются достаточно быстро, в то время как вторые могут формироваться в виде традиций и обычаев, сохраняться долгое время и не зависеть от желаний отдельных людей или групп, даже во время турбулентности политической системы. Следовательно, приведение их к максимальному соответствию — это путь выхода из кризиса.

Если исходить из экономической предпосылки институционального объяснения причин революций, предложенной И. В. Стародубровской и В. А. Мау, можно отметить, что кардинальные смены режимов не характерны обществам, где нет резкого роста экономического развития [3]. Рамки институтов в определенный момент начинают мешать процессу динамичных изменений, происходящих в обществе. Поскольку смена институциональных ограничений эволюционным путем — процесс не быстрый, то возник разрыв между запросами отдельных групп общества и правилами игры, которые перестали устраивать большинство политических акторов. Выход один — ускорить изменение институциональной

структуры, что очень сложно, если властные акторы удерживают статус-кво.

В целом институциональный подход к изучению революции имеет хороший потенциал для объяснения причин революции 1917 г. в России [4]. Однако стоит отметить, что положения современного институционализма могли бы открыть новые грани в изучении выбора подходящих организационных форм и поведения акторов в условиях институциональной среды [5]. Возникает вопрос: могут ли политические акторы на основе имеющейся информации и представлений о рациональности принять оптимальные решения, способные без резкого изменения политического режима выйти из революционной ситуации?

Для оценки возможностей принятия ключевыми участниками решений в условиях революционной ситуации предлагается применить концептуальный аппарат неинституциональной теории вето-игроков, в рамках которой основное внимание уделяется правилам и акторам, позволяющим блокировать принятие того или иного решения [6]. Несмотря на то что концепция концентрирует внимание в большей степени на формальных институтах, неформальные нормы, правила, способы взаимодействия также находятся в фокусе внимания исследователей.

Ключевыми понятиями, применяемыми в концепции вето-игроков, являются стабильность политики — главная зависимая переменная в анализе, конфигурация вето-игроков — промежуточное теоретическое понятие, объясняющее эту стабильность, и политический институт — основная независимая переменная. Стабильность политики (политическая стабильность) — это невозможность существенного изменения статус-кво. Собственно говоря, чем меньше возможностей для изменений, тем выше стабильность. В такой трактовке стремление сохранять политическую стабильность — это не всегда оптимальное решение для представителей власти. Под *вето-игроками* понимаются «индивидуальные и коллективные акторы, согласие которых необходимо для изменения законодательного статус-кво» [7]. Изначально предполагалось, что вето-игроки формально определены, а их деятельность подчиняется общим правилам игры, установленным законодательно (конституционно). Однако это понятие намного шире и включает в себя любых акторов, — людей и группы — обладающих пол-

номочиями участвовать в принятии решений по определенному кругу вопросов, их блокировании или даже просто в затягивании рассмотрения (veto gate) [8].

Исходными параметрами определения конфигурации вето-игроков, на основании которых оценивают влияние независимых переменных на стабильность политики относительно статус-кво, являются: число вето-игроков, идеологическое расстояние (соответствие) между ними и внутреннее единство коллективных вето-игроков. Однако в процессе принятия политических решений стоит также учитывать факторы и условия, оказывающие влияние на расстановку вето-игроков и принятие конечных решений [9].

Условия революционной ситуации отличаются рядом особенностей, которые затрудняют исследователям определение стратегии поведения вето-игроков, поскольку наблюдается заметное ослабление политических институтов в государствах [10].

Революционной ситуации свойственны размытие формальных политических институтов, снижение/утрата легитимности власти, возникновение новых неформальных лидеров и групп, повышение роли народных масс и силовых структур, применяющих насильственные методы.

В теории вето-игроков политическая стабильность — это минимальный набор результатов изменения статус-кво. Так, например, в президентской системе невозможность решить проблему может привести к замене ее на военный режим [11], а в парламентской — к слабости и неэффективности правительства [12]. Хотя в то же время относительно мирный переход от одной формы правления к другой возможен, и в этом немаловажную роль играет парламент. Политическое и экономическое развитие может создать возможности для взаимовыгодного перераспределения властных ресурсов, приводя к ситуации парламентского баланса [13].

Для примера, в Российской империи в 1917 г. сложилась ситуация, когда объем фактических властных полномочий у индивидуального вето-игрока (императора) был невысок, при этом он имел неограниченные полномочия блокировать решения. И, наоборот — Государственная Дума имела крайне мало возможностей влиять на принятие решений, часто Кабинет министров пытался делать все в обход Думы, и к тому же Госсовет мог блокировать решения последней. К этому можно добавить отсутствие дисципли-

ны в рядах депутатов [14], а также серьезные идеологические противоречия (притом были представлены не все партии, пользовавшиеся народной поддержкой) и аморфность депутатского корпуса [15]. В итоге парламент не мог взять на себя миссию выхода из кризиса.

Таким образом, можно было наблюдать следующие контекстуальные особенности политической системы: монархия с одним ключевым вето-игроком, практически полное отсутствие разделения властей, унитарное государство с отдельными автономными субъектами и сильное расхождение формальных и неформальных институтов. Все это наслось на условия, присущие революционной ситуации, что свело к минимуму возможность найти такие косметические решения, которые способны были вывести политический режим из состояния глубокого кризиса.

В свою очередь, использование теории вето-игроков для поиска оптимальных решений в сложившихся условиях стоит начать с ответа на два важных вопроса:

- Возможна ли ситуация, когда фактически отсутствуют вето-игроки и, как следствие, полностью отсутствует политическая стабильность?
- Как много у формальных вето-игроков вариантов решений, способных сохранить статус-кво?

На первый вопрос можно ответить однозначно — ситуация, когда отсутствуют вето-игроки, невозможна. В революционной ситуации на «свободном от институтов поле» все равно присутствуют силы, мешающие принятию решений и исполнению существующих.

Кто же тогда является неформальным вето-игроком, не позволяющим действовать? Это общество, олицетворяющее «суверенитет народа» [16]. Сдерживающий фактор — это граждане страны, апеллируя к которым можно заполучить политическое признание. В мирное время преградой для многих политических решений является возможность проведения референдума, на котором все граждане страны способны выразить свою волю [17], а в ситуации падения легитимности политических институтов начинается борьба различных общественных структур и партий за народную поддержку.

Потеря формальных легитимных институтов ведет к ломке всей политической системы, когда политические акторы ищут возможности заручиться общественной поддержкой и искать

формы легального участия граждан в процессе обсуждения вариантов решений [18] и вовлечения заинтересованных групп населения.

Ответ на второй вопрос вытекает из первого: формальные индивидуальные вето-игроки в условиях революционной ситуации могут выбрать три стратегических направления: подавить народное недовольство силой, введя военный режим; предоставить коллективному вето-игроку (парламенту) максимальные полномочия для консолидации общества с помощью народного представительства [19], или же провести референдум, на котором можно заручиться поддержкой общества [17]. Николай II в 1917 г., в условиях войны, первую стратегию реализовать не мог, третья была для него заведомо проигрышная и сложно реализуемая, поэтому он выбрал вторую, тоже оказавшуюся неоптимальной, неспособной сохранить статус-кво в структуре власти.

В условиях революционной ситуации и дальнейшей борьбы за властный ресурс (в том числе в форме гражданской войны) вето-игроками становятся те, кто в состоянии прекратить насильственные действия по отношению друг к другу. Чем таких групп больше, тем дольше будет период неопределенности и нестабильности [20]. Любые решения политических акторов должны соразмеряться с протестным потенциалом в обществе.

Революционная ситуация абсолютно меняет значение политической стабильности. Для стратегического выхода из сложных условий сильные институциональные акторы, наоборот, должны быть заинтересованы в максимально возможном изменении статус-кво. Это подразумевает изменение конфигурации вето-игроков, их «тактический» отказ от части формальных полномочий в сторону перераспределения властного ресурса, перестройку формальных политических институтов с учетом новых условий.

Таким образом, оптимальное решение институциональных вето-игроков в условиях революционной ситуации стоит искать в стремлении развивать и использовать политическую нестабильность в конструктивном русле, а именно: инициировать существенное изменение политического статус-кво, сокращать влияние формальных вето-игроков на негативную повестку дня, перестраивать институциональную структуру с учетом неформальных практик и общественной поддержки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС; 2005.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997.
3. Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. М.: Вагриус; 2004.
4. Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 2. *Общественные науки и современность*. 2013;(3):106–115.
5. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. Патрушева С.В., ред. М.: ИСП РАН; 2006.
6. Помигуев И.А. Концепция вето-игроков: новый подход в изучении форм правления. *Политическая наука*. 2014(1):199–210.
7. Tsebelis G. Veto players: how political institution work. Princeton, NJ: Princeton univ. press; 2002. 344 p.
8. McCubbins M.D. Legislative process and the mirroring principle. *Handbook of new institutional economics*. Springer US; 2005:123–147.
9. Помигуев И.А. Роль вето-игроков в федеральном законодательном процессе в современной России. Дис. ... канд. полит. наук. М.: Московский государственный университет; 2016. 228 с.
10. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: Внешние и внутренние факторы консолидации. *Полис: Политические исследования*. 2010;(3):26–39.
11. LeVan C.A. Dictators and democracy in African development: The political economy of good governance in Nigeria. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 308 p.
12. Cheibub J., Limongi F. Democratic institutions and regime survival: parliamentary and presidential democracies reconsidered. *Annual Review Political Science*. Palo Alto. 2002;(5):151–179.
13. Congleton R.D. From Royal to Parliamentary Rule without Revolution, Credible Commitments and the Market for Power within Divided Governments. 2006. 36 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=902401.
14. Соловьев К.А. Государственная дума Российской империи: проблема депутатской дисциплины и законотворчество. *Вестник РУДН, сер. История России*. 2011;(4):16–27.
15. Алескерев Ф.Т., Кравченко А.С. Распределение влияния в Государственных думах Российской империи. *Полития*. 2008;3(50):154–173.
16. Соловьев А.И. Государственные решения: Концептуальный простор и тупики теоретизации. *Полис: Политические исследования*. 2015;(3):127–146.
17. Hug S., Tsebelis G. Veto players and referendums around the world. *Journal of theoretical politics*. 2002;14(4):466–486.
18. Сосунов Д.В. Некоторые формы участия граждан в процессе обсуждения политических решений. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2017;(1):113–116.
19. Frantz E. Breaking down the residual category: policy stability among dictatorships from a veto players perspective. April, 2003. 39 p. URL: <http://ssrn.com/abstract=904263> (дата обращения: 15.09.2017).
20. Fearon J.D. Why do some civil wars last so much longer than others? *Journal of peace research*. 2004;41(3):275–301.

REFERENCES

1. Giddens E. Sociology. Moscow: Editorial URSS; 2005. (In Russ.).
2. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Fund of the economic book “Nachala”; 1997. (In Russ.).
3. Starodubrovskaya I.V., May V.A. Great revolutions. Moscow: Vagrius; 2004. (In Russ.).
4. Mironov B.N. The Russian Revolution of 1917 in the context of theories of revolution. Article 2. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2013;3:106–115. (In Russ.).
5. Patrushev S.V. Institutionalism in Political Science. In *Institutional Political Science: Modern Institutionalism and Political Transformation of Russia*. Patrushev S.V., ed. Moscow: ISP RAS; 2006:12–13. (In Russ.).

6. Pomiguyev I. A. The concept of veto players: A new approach to the study of forms of government. *Politicheskaya nauka*. 2014;(1):199–210. (In Russ.).
7. Tsebelis G. Veto players: how political institution work. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2002. 344 p.
8. McCubbins M. D. Legislative process and the mirroring principle. *Handbook of new institutional economics*. Springer; 2005:123–147.
9. Pomiguyev I. A. The role of veto players in the federal legislative process in modern Russia. Dis. ... cand. polit. sciences. Moscow: MSU; 2016. 228 p. (In Russ.).
10. Ilyin M. V., Meleshkina E. Yu., Melville A. Yu. Formation of New States: External and Internal Factors of Consolidation. *Polis: Politicheskie issledovaniya*. 2010;3:26–39. (In Russ.).
11. LeVan C. A. Dictators and democracy in African development: The political economy of good governance in Nigeria. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 308 p.
12. Cheibub J., Limongi F. Democratic institutions and regime survival: parliamentary and presidential democracies reconsidered. *Annual Review Political Science*. 2002;5:151–179.
13. Congleton R. D. From Royal to the Parliamentary Rule without Revolution, Credible Commitments and the Market for Power within Divided Governments; 2006. 36 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=902401.
14. Soloviev K. A. State Duma of the Russian Empire: the problem of parliamentary discipline and lawmaking. *Vestnik RUDN, ser. Istoriya Rossii*. 2011;(4):16–27. (In Russ.).
15. Aleskerov F. T., Kravchenko A. S. Distribution of influence in the State Duma of the Russian Empire. *Politiya*. 2008;3(50):154–173. (In Russ.).
16. Soloviev A. I. State Decisions: Conceptual Space and Deadlocks of Theorization. *Polis: Politicheskie issledovaniya*. 2015;3:127–146. (In Russ.).
17. Hug S., Tsebelis G. Veto players and referendums around the world. *Journal of theoretical politics*. 2002;14(4):466–486.
18. Sosunov D. V. Some forms of citizens' participation in the process of discussing political decisions. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2017;(1):113–116. (In Russ.).
19. Frantz E. Breaking down the residual category: Policy stability among dictatorships from a veto players perspective. April, 2003. 39 p. URL: <http://ssrn.com/abstract=904263>.
20. Fearon J. D. Why do some civil wars last so much longer than others? *Journal of peace research*. 2004;41(3):275–301.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-58-65
УДК 323.1(045)

АВТОХТОННЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА КАК ОБЪЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ФЕДЕРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА. ОПЫТ ФРГ

Бестаева Елена Викторовна,

старший преподаватель кафедры «Лингводидактика» Гуманитарного института,
Российский университет транспорта, Москва, Россия
Elena.bestaeva.mt@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрен системный, во многом неформальный государственный подход к проблеме сохранения и развития этноязыковой идентичности автохтонных меньшинств, реализуемый со стороны федеральных, региональных и местных властей ФРГ в тесном сотрудничестве с общественными организациями. В его основе — прочная законодательная база, не только прямо, но и косвенно (к примеру, через выборное законодательство или регулирование деятельности политических партий) регламентирующая данную сферу и включающая широкий спектр ратифицированных международных правовых актов. Подход отличает скоординированная деятельность ответственных структур всех уровней, а также максимальная вовлеченность гражданского общества. Особенностью языковой политики в данной области является официальное признание группы, говорящей на нижненемецком — региональном языке северных земель Германии — в качестве не этнического, но языкового меньшинства; с предоставлением всесторонней государственной поддержки. Многочисленные научно-исследовательские и образовательные проекты, имеющие своей целью сохранение самобытности автохтонных меньшинств, в том числе документирование, функциональное развитие и популяризация языков этих групп, поддерживаются на всех государственных уровнях. Анализ механизмов и инструментов государственной этноязыковой политики Германии в отношении официально признанных национальных меньшинств — лужицких сербов (лужичан), фризской и датской этнических групп, немецких цыган синти и рома и языкового меньшинства, говорящих на нижненемецком, — позволяет сделать вывод о ее эффективности. Положительный опыт может быть использован в условиях Российской Федерации — полиэтнического государства — в целях сохранения и развития этноязыкового самосознания представителей миноритарных сообществ.

Ключевые слова: этноязыковая идентичность; национальное самосознание; автохтонное этническое меньшинство; языковое меньшинство; фризская этническая группа; лужицкие сербы; датское меньшинство; синти и рома; фризские языки; серболужицкие языки; датский язык; романи; нижненемецкий язык

AUTOCHTHONOUS ETHNO-LINGUISTIC MINORITIES AS THE OBJECT OF THE FEDERAL STATE'S NATIONAL POLICY. THE EXPERIENCE OF FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Elena V. Bestaeva,

Senior lecturer of Linguodidactics department of Humanitarian Institute, Russian University of Transport,
Moscow, Russia
Elena.bestaeva.mt@gmail.com

Abstract. In the article, the author consider a systemic, largely informal, state approach to solving the problem of preserving and developing the ethno-linguistic identity of autochthonous minorities implemented by federal, regional and local authorities of the Federal Republic of Germany (FRG) in close cooperation with public organizations. It

is based on a strong legislative base, not only directly but also indirectly (for example, through electoral legislation or legal regulation of political parties activities) regulating this sphere, and including a wide range of ratified international legal enactments. This approach is characterized by the coordinated activity of the responsible state's structures of all levels, as well as the maximum involvement of civil society. The peculiarity of the language policy in this area is the official recognition of the group of individuals speaking Low German, which is the regional language of the northern lands of Germany, as not an ethnic language but a language of linguistic minority, providing also a comprehensive state assistance. Numerous research and educational projects aimed at preserving the originality of autochthonous minorities, including documenting, functional development and popularization of the languages of these groups, are supported at all state levels. The analysis of the mechanisms and instruments of the state ethno-linguistic policy of FRG concerning the officially recognized national minorities, Lusatian Serbs (Sorbs), Frisian and Danish ethnic groups, German Gypsies Sinti and Roma, and the linguistic minorities speaking Low German, creates an opportunity to draw a conclusion about their efficiency. The positive experience of FRG can be used in such multi-ethnic state as the Russian Federation, for the preservation and development of the ethno-linguistic self-consciousnesses of minority communities.

Keywords: *ethno-linguistic identity; national self-consciousnesses; autochthonous ethnic minority; linguistic minority; Frisian ethnic group; Lusatian Serbs; Danish minority' Sinti and Roma; Frisian languages; Sorbian languages; Danish; Romany; Low German*

Общественные функции языков —
результат политических решений
Петер Н. Нелде [1]

Несмотря на то что сама концепция идентичности со времен античности и по сегодняшний день — это, по сути, не желающие заканчиваться дебаты [2], интерес к данной теме не угасает. Парадоксально, но современные исследования показывают, что роль этнического самосознания в объединенной, лишенной внутренних границ Европе, не снижается (а где-то становится все весомее); этническая идентичность не растворяется в европейской, даже несколько идеализируемой в свое время [3, 4]. Все чаще эта тема становится предметом научных дискуссий. Для одной из международных научных конференций она стала собственно названием — «Европейская идентичность (–ти). Идентичности в Европе»¹. Стирание языковых и прочих границ мотивирует запрос на собственную идентификацию, отличность от других; не обособленность, но приверженность корням.

Германия исторически гомогенна только на первый взгляд. Речь не идет о процессах последних десятилетий. Палитра общества формируется сегодня вследствие миграционных процессов разного рода. К примеру, более половины населения

Франкфурта-на-Майне имеет мигрантские корни (https://www.frankfurt.de/sixcms/media.php/678/JB_2017_2_Bevölkerung.pdf), и уже некую универсальность приобретает оценка заведующей интеграционной службы С. Вебер: «Мы — город без большинства», город, состоящий из «более или менее крупных меньшинств» (<http://www.fr.de/frankfurt/frankfurt-haelfte-der-frankfurter-hat-migrationshintergrund-a-1302935>).

В статье не рассматриваются и вопросы региональной идентичности, где маркер — ощутимые языковые территориальные отличия; алеманские, франкские, швабский, тюрингский и десятки других диалектов. А уж некоторая обособленность Баварии стала просто притчей во языцах. К этому стоит с сожалением добавить, что почти три десятка лет, прошедшие со дня объединения Германии, увы, окончательно не стерли границ между жителями восточных и западных земель.

Официально в качестве национальных меньшинств в Германии признаны лужицкие сербы (лужичане), фризская и датская этнические группы, немецкие цыгане синти и рома. Статусом языков национальных меньшинств наделены северный и затерландский фризский, верхне- и нижнелужицкий, датский и романи. Тот же статус имеет и региональный язык северных земель — нижненемецкий, говорящие на нем — не этническое, а языковое меньшинство.

Для того чтобы этническая группа в Германии была наделена официальным статусом национального меньшинства, ее представители должны иметь гражданство ФРГ; этнос должен отличаться

¹ Europäische Identität(en), Identitäten in Europa. Internationale Fachkonferenz der Konrad-Adenauer-Stiftung und der Karolyi Stiftung, Fehérvársurgó, Ungarn 24. 25.03.2017.

наличием собственного языка, культуры и истории и быть заинтересован в сохранении собственной идентичности; традиционно (в течение столетий) проживать на территории Германии, на своих землях. В отношении последнего пункта есть исключение. Германские синти и рома живут на всей территории страны, не в пределах некоего исторически очерченного пространства [5].

Вопреки устоявшейся уверенности в точности немецкой статистики, количество принадлежащих к данным этническим группам (около 400 тыс. человек) приблизительно. Причиной тому — трагический исторический опыт; геноцид во времена национал-социалистического режима и во многом как дань этому наследию — один из пунктов Рамочного соглашения Совета Европы о защите национальных меньшинств, согласно которому принадлежность к таковому — личное решение каждого человека, которое не регистрируется, не проверяется и не оспаривается (<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007cdc3>).

ФРГ, будучи активным членом международного сотрудничества, в своей национальной языковой политике руководствуется как внутренними, так и международными правовыми актами. Среди последних — Постановление о регулировании языковых вопросов в рамках Европейского экономического союза (1958), Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном многообразии (2001), Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992) и другие. Особо отметить следует Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств, защищающую не этносы (!), а автохтонные миноритарные языки как находящееся под угрозой европейское культурное наследие. Выполнение условий Хартии в Германии (подписана в 1992, вступила в силу 01.01.1999) — зона ответственности федеральных земель.

Согласно Конституции в ФРГ запрещена любая форма дискриминации, в том числе по национальному и языковому признаку². Отметить следует особенности федеральной правовой системы в части выборного законодательства и законодательства в отношении деятельности

политических партий и движений — документов, казалось бы, косвенно, но в реальности напрямую способствующих проведению политики поддержки этноязыковых меньшинств:

- Федеральный закон о выборах. Правило пятипроцентного барьера, который в процессе выборов должна преодолеть любая участвующая политическая партия или необходимость завоевания (по крайней мере) в трех областях так называемого прямого мандата не распространяется на партии, представляющие национальные меньшинства (http://www.gesetze-im-internet.de/bwahlg/_6.html).

- Закон о политических партиях. Партии этнических меньшинств имеют привилегированное положение в области государственного финансирования, а также порядка оказания спонсорской помощи со стороны зарубежных спонсорских организаций (<https://www.gesetze-im-internet.de/partg/BJNR007730967.html>).

Что касается официальных органов, ответственных за проведение государственной языковой политики ФРГ в отношении языков меньшинств, и формата деятельности в данной сфере, то среди прочих следует выделить:

- Консультативные комитеты, учрежденные МИД ФРГ и функционирующие в роли контактных структур между этноязыковыми меньшинствами, федеральными парламентом и правительством. Председательствует в них Уполномоченный Федерального правительства по делам переселенцев и национальных меньшинств. Членами комитетов являются представители МВД ФРГ (вплоть до министра), депутаты федерального парламента, представители меньшинств (как правило, члены самых крупных общественных организаций и фондов), научного сообщества, руководства федеральных земель и Секретариата по делам меньшинств. В настоящий момент функционируют консультативные комитеты по вопросам датского меньшинства, фризской этнической группы, лужичан, нижненемецкой языковой группы. В последнем случае членами Комитета являются четыре представителя Федерального совета нижненемецкого языка и по одному представителю северных земель ФРГ, где диалект распространен.

- Секретариат по делам четырех автохтонных меньшинств Германии. Структура представляет интересы сообществ и обеспечивает их связь с парламентом, правительством

² Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949, Textausgabe, Stand: März 2010, Deutscher Bundestag, Berlin 2010.

и федеральным советом ФРГ, осуществляет мониторинг и контроль деятельности этих органов в своей области, ведет большую работу в сфере популяризации языков, истории, культурных традиций; освещения современных реалий, осуществляет представительство меньшинств в организациях национального и международного уровней, способствует установлению контактов между самими группами и формированию их единой позиции (<http://www.minderheitensekretariat.de/minderheitensekretariat/taetigkeit/>).

- Конференции федеральных земель. Главной задачей здесь является выработка практических рекомендаций в целях исполнения положений Рамочной конвенции по защите прав национальных меньшинств и Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств. Участниками конференций являются представители национальных и языковых меньшинств, федеральных министерств и региональных ведомств, крупных общественных организаций и исследовательских институтов.

- Дискуссионный клуб национальных меньшинств при федеральном парламенте — постоянно действующий формат с участием депутатов и представителей головных организаций миноритарных групп.

Отдельно стоит отметить сотрудничество германской стороны с профильными европейскими объединениями, такими как Европейский центр по вопросам меньшинств [European Centre for Minority Issues (ECMI)], созданный в 1996 г. по инициативе правительств Германии, Дании и правительства Шлезвиг-Гольштейна, и Федеральный союз европейских этнических групп [Föderalistische Union Europäischer Volksgruppen (FUEV)] — крупнейшей организацией автохтонных национальных меньшинств Европы, созданной в 1949 г. и объединившей представителей 32 государств.

Акцентировать внимание на мерах, предпринимаемых исключительно для сохранения и развития языков, не следует; любая деятельность в сфере поддержки этнической идентичности прямо (языковые курсы, этнический язык как предмет школьной программы, издание учебников, словарей, документирование лексических или грамматических норм и пр.) или косвенно (представительство в органах власти, организация фольклорных театральных или песенных фестивалей, издание художественной литературы

и пр.) благотворным образом сказывается на решении языковых вопросов.

Лужицкие сербы расселены в Верхней Лужице (Саксония) и Нижней Лужице (Бранденбург). И в ГДР, и после объединения Германии этот этнос — под особой защитой. Наряду с Выпиской из протокола к Договору об объединении ФРГ и ГДР (1990), гарантирующей права лужичан (в том числе, языковые) (https://stiftung.sorben.com/fileadmin/user_upload/Einigungsvertrag_1990.pdf), сегодня действуют Конституция земли Бранденбург (1992), согласно которой, этнос имеет право на культурную автономию, собственный флаг, защиту и поддержку этнической идентичности и языка, представительство в законодательных процессах (<https://bravors.brandenburg.de/de/gesetze-212792#25>); Закон о правах лужичан (вендов) в земле Бранденбург (1994) (<https://www.landtag.brandenburg.de/sixcms/media.php/5701/Sorbengesetz.pdf>); Закон Бранденбурга о выборах (2004), в соответствии с которым партии лужичан в ходе выборов не обязаны преодолевать пресловутый пятипроцентный барьер (<http://bravors.brandenburg.de/gesetze/bbgwahlglg>), что гарантирует политическое представительство малочисленного этноса; Закон о правах лужичан в свободном государстве Саксония (1999) (<https://www.revosax.sachsen.de/vorschrift/3019-Saechsisches-Sorbengesetz>) и пр.

Законодательные нормы находят свое практическое воплощение. Так, в 2002 г. Бад Мускау (Саксония) постановлением городского совета закрепил двуязычие, в том числе в официальном названии города, и сегодня в документах, указателях и пр. используется как немецкое название Bad Muskau, так и сорбское — Mužakow (https://www.badmuskau.de/fileadmin/Redaktion/Downloads/Stadtrecht/Satzung_ueber_die_Foerderung_der_sorbischen_Sprache_und_Kultur04072002.pdf). Схожие документы приняты и в других общинах, к примеру, в Хохкирхе, Радиборе, Ральбиц-Розентале и пр.

Главная политико-культурная организация лужичан — Domowina (Родина) опирается на столетнюю традицию. 13.10.1912 г. она была создана, в 1937 г. — запрещена, 10 мая (!) 1945 вновь возобновила работу. Домовина политически независима и объединяет более 30 сообществ; около 7300 членов, пять региональных и 13 надрегиональных союзов, многочисленные представительства на местах (<https://www.domowina.de/start/>). Федеральные власти, руко-

водство Саксонии и Бранденбурга принимают активное участие в инициативах Домовины, в основном — через Фонд поддержки лужицких сербов с резиденцией в Баутцене, представительством в Котбусе и тремя региональными офисами. Фонд курирует, среди прочего, Молодежный союз лужичан Rawk; национальный ансамбль, существующий с 1952; Немецко-лужицкий народный театр; Серболужицкий институт (деятельность которого посвящена лужицким языкам, истории, искусству и культуре) и Серболужицкий музей в Баутцене; Музей вендов³ в Котбусе; издательство Domowina, где издаются книги и периодика (верхнелужицкая ежедневная газета “Serbske Nowiny”, нижнелужицкая еженедельная “Casnik” и пр.) (<https://stiftung.sorben.com/deutsch/>).

Много внимания уделяется и языковым вопросам. На верхне- и нижнелужицком (он сегодня на грани вымирания) говорят всего до 30 тыс. человек. В 2016 г. основан «Лужицкий языковой Совет» (Sorbischer Sprachenrat), призванный координировать деятельность по развитию и сохранению, а главное — по популяризации лужицких языков. Основное направление — двуязычное образование. В областях с компактным проживанием лужичан функционируют школы с двуязычным преподаванием и школы, где лужицкие языки изучают как предмет. В том же направлении работают детские сады. Последние годы интерес к двуязычию в регионе растет. Лужицкий школьный союз (Sorbischer Schulverein e.V.) инициировал и развивает проект WITAJ (Sorbisch für Willkommen), популяризирующий двуязычие. Целью становится обучение детей лужицким языкам не как иностранным, а как родным в данном коммуникационном пространстве.

В рамках той же стратегии финансирование Фонда поддержки лужицких сербов в 2016 г. было увеличено на 750 тыс. евро в целях продвижения этнических языков в цифровом пространстве, а также разработки компьютерных программ для их изучения (<http://www.minderheitensekretariat.de/aktuelles/a/artikel/detail/finanzierung-der-stiftung-fuer-das-sorbische-Volk-gesichert/>).

Свою лепту в развитие культуры лужицких сербов вносят СМИ. Так, радио MDR (Mitteldeutsche Rundfunk) и RBB (Radio Berlin-Brandenburg) выпускают программы на верхне- и нижнелужиц-

ком. Последнее — еженедельно в объеме 11,5 ч. в рамках программы студии RBB в Котбусе.

Следует отметить, что взвешенный системный государственный подход к автохтонным меньшинствам, основа которого — уважение к этническому самосознанию (безусловно, без конфронтации с общенациональным), характерен как в отношении лужичан, так и в отношении остальных официально признанных меньшинств.

В самой северной Земле ФРГ, Шлезвиг-Гольштейне, живет датская этническая группа. По разным оценкам, сегодня в Германии она насчитывает от 50 тыс. (с учетом последних данных о датчанах, проживающих в более южных районах, до Гамбурга) — до 100 тыс. человек (<https://www.shz.de/regionales/schleswig-holstein/panorama/100-000-daenen-leben-in-sh-und-hamburg-id9308746.html>).

Согласно Конституции Шлезвиг-Гольштейна датское национальное меньшинство, равно как и сообщество немецких синти и рома и фризская этническая группа, имеют право на защиту и помощь со стороны субъекта (<http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/?quelle=jlink&query=Verf+SH&psml=bsshoprod.psml&max=true&aiz=true>). А в соответствии с Декларацией парламента Шлезвиг-Гольштейна от 29.09.1949, подписанной в Киле, датское и фризское меньшинства имеют право пользоваться всеми гражданскими демократическими правами, а признание принадлежности к меньшинству является сугубо добровольным (<http://www.geschichte-s-h.de/kieler-erklaerung/>). В 1955 г. премьер-министром Дании Х. К. Хансеном и канцлером Германии К. Аденауэром были подписаны соглашения, которые упорядочили отношения в вопросах этнических меньшинств (немецкого и датского) и закрепили права этносов вплоть до права выбора языка обучения в образовательных учреждениях (http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/portal/t/l4n/page/bsshoprod.psml?pid=Dokumentanzeige&showdoccase=1&js_peid=Trefferliste&fromdoctodoc=yes&doc.id=jlr-WahlGSHV7P3&doc.part=S&doc.price=0.0#focuspoint).

Политически меньшинство представлено через собственную партию «Союз избирателей Южного Шлезвига» (Südschleswigscher Wählerverband — Sydslesvigsk Vælgerforening — SSW), которая, в соответствии с федеральным и местным законодательством, освобождается от обязательности преодоления пятипроцентного барьера в ходе выборов (http://www.gesetze-rechtsprechung.sh.juris.de/jportal/portal/t/l4n/page/bsshoprod.psml?pid=Dokumentanzeige&showdoccase=1&js_peid=Trefferliste&fromdoctodoc=yes&doc.id=jlr-WahlGSHV7P3&doc.part=S&doc.price=0.0#focuspoint).

³ Венды — более древнее название серболужицкой этнической группы.

de/jportal/?quelle=jlink&query=WahlG+SH&psml=bsshoprod.psml&max=true&aiz=true). Датское меньшинство всегда представлено в парламенте земли и на местном уровне.

Свои проекты меньшинство финансирует из собственных средств, пожертвований частных лиц и фондов, средств Датского пограничного союза, бюджета Шлезвиг-Гольштейна и местных общин. Весомую поддержку оказывают правительства Германии и Дании.

Самое крупное объединение датского меньшинства — Союз Южного Шлезвига (Sydslesvigsk Forening — SSF) — насчитывает 13 500 членов.

Своя школьная образовательная система, патронируемая Датским школьным союзом (Dansk Skoleforening for Sydslesvig), располагает хорошо выстроенной системой частных школ, включая начальную и среднюю ступень, две гимназии и один интернат. В школах Датского школьного союза учатся сегодня около 5700 школьников, в их детских садах — 1900 детей [5, с. 17]. Датские школы не предполагают обучения на датском, но он изучается, а в рамках программы много внимания уделяется истории, культуре, обычаям и традициям — всему, что помогает сохранить датскую идентичность. Союз придает большое значение и образовательным программам для взрослых.

В регионе функционирует собственная библиотечная система (Dansk Centralbibliothek), издается ежедневная газета “Flensburg Avis”. Большую лепту вносит евангелистско-лютеранская Датская церковь (Dansk Kirke). Собственная медицинская организация патронирует дома престарелых и детские приюты. Датский союз молодежи Южного Шлезвига (Sydschlesvig Danske Ungdomsforening) организует работу с молодым поколением.

На западном побережье Шлезвиг-Гольштейна, на северо-западе Нижней Саксонии и в округе Клоппенбург живут представители фризской этнической группы — северные, затерландские и западные фризы. Последние — официально признанное национальное меньшинство Нидерландов.

Основной организацией, представляющей северных фризов, является Фризский Совет — Frische Råd (Friesenrat, Sektion Nord e.V.). Успешно функционирует Фризско-Шлезвигский Союз (Friisk Foriining), учрежденный в 1923 г., тесно сотрудничающий с организациями датского меньшинства. Политическое представительство

осуществляется через Союз избирателей Южного Шлезвига (Südschleswigscher Wählerverband). Связь с властными структурами гарантирует и созданная в 1988 г. Комиссия по делам фризской этнической группы в Шлезвиг-Гольштейне при земельном парламенте.

Пожалуй, основную роль в деле сохранения и продвижения языка, культуры и истории этноса играет главный научно-исследовательский центр — Северофризский институт (Nordfriisk Instituut) в Бредштедте (1948), а с 1950 г. на базе университета в Киле функционирует лексикологический центр, где издаются произведения на северофризском, словари и учебники.

К сожалению, в СМИ северофризский представлен недостаточно. Тем не менее каждое утро начинает свое вещание радио Friisik Funk. Раз в месяц в местных газетах печатается страница с фризскими и нижненемецкими текстами. Есть и журналы, полностью или частично выходящие на фризском.

Затерфризы — одна из самых малочисленных языковых групп Европы. Сохранением и развитием затерфризского языка занимается Затерландский Союз (Seelter Buund — Heimatverein Saterland). Этой организации меньшинство обязано введением местных двуязычных вывесок и указателей, а также уроков затерфризского в детских садах и школах. В результате — на нем читают и пишут. Тем не менее существование языка — под угрозой. Затерландский Союз работает совместно с организациями северных фризов в Комитете Европейского бюро малораспространенных языков в Германии и Межфризском Совете (Interfriesischer Rat e.V.).

В университете Ольденбург предлагаются семинары по затерфризскому, ведется серьезная научно-исследовательская работа. Затерландский Союз, университет Ольденбург, Союз «Ольденбургский ландшафт» (Verband Oldenburgische Landschaft) внедряют образовательный проект «Затерланд как модель региона раннего многоязычия».

Собственно фризской школьной системы в Германии нет, однако в государственных школах Шлезвиг-Гольштейна и в школах датского меньшинства преподается фризский язык.

Стоит отметить отдельно, что с 2004 г. года вступил в силу Закон Шлезвиг-Гольштейна «О поддержке фризского языка во всех сферах общественного пространства» (<http://www.gesetzesrechtsprechung.sh.juris.de/jportal/portal/page/>

bssshoprod?feed=bsssho-lr&showdoccase=1¶m fromHL=true&doc.id=jlr-FriesischGSH2004V2P1), все вывески и указатели с 1997 г. во многих общинах региона дублируются на фризском. Возобновились церковные службы на фризском, в 2000 г. была издана полная версия церковных песнопений. С 1988 г. функционирует, в том числе с целью сохранения языков и культуры фризов, частный фонд “Ferring Stiftung” в Алькерсуме.

Немецкие синти живут в Германии с XIV в., рома — с XIX. Их интересы представляют многочисленные организации. Головная организация семнадцати объединений цыган по всей стране — Центральный совет синти и рома Германии (Zentralrat Deutscher Sinti und Roma, 1982 г.) — представляет их интересы, выступает за их равноправное представительство в жизни государства, занимается поддержкой переживших холокост. Задача — реализация Рамочного соглашения о защите национальных меньшинств (в диалоге с федеральным правительством и правительствами земель).

В 1995 г. Центральный совет добился законодательного признания синти и рома Германии национальным меньшинством, а романи (Romanes) — языком с официальным статусом. На международном уровне Совет представляет интересы синти и рома Германии на конференциях Евросоюза, Совета Европы и ОБСЕ. В 1997 г. президент ФРГ Роман Херцог открыл Культурный центр синти и рома Германии в Гейдельберге, цель Центра — документирование и архивирование информации, сохранение и развитие романи, научно-исследовательская деятельность, вопросы образования всех уровней, общественная работа, социальная защита. Здесь же организована первая в мире постоянная выставка, посвященная геноциду цыган.

Отдельного упоминания заслуживает Альянс синти Германии (Sinti Allianz Deutschland e.V.). Он был основан в 1999 г. и объединяет представителей 20 семей немецких синти, проживающих практически во всех западногерманских землях, и считает своей главной целью сохранение в поколениях традиционного образа жизни этноса, культивируя в равной степени немецкий язык и культуру и язык синти.

В государственной школьной системе не предусмотрено преподавание романи. Однако немецкие синти и рома широко используют его в домашнем общении. Дети, как правило, растут

в условиях двуязычия. Романи имеет множество диалектов (пруссский, баварский, вюттенбергский, саксонский и другие). В течение столетий все эти версии возникали в силу того, что синти и рома вбирали в себя различные культуры. Геноцид привел и к тому, что многие цыгане после 1945 г. отказались от своей идентичности. Сегодня в Германии действует государственная программа интеграции синти и рома, рассчитанная на 2011–2020 гг. и включающая, в том числе, языковые вопросы⁴. Современная этноязыковая политика ФРГ призвана наряду с интеграцией этнической группы сохранить ее культурную самобытность.

Нижненемецкий язык в Германии признан региональным в соответствии с Европейской Хартией региональных языков или языков меньшинств. Его используют в Бремене, Гамбурге, Мекленбург-Передней Померании, Нижней Саксонии, Шлезвиг-Гольштейне, на севере Бранденбурга, Саксонии-Анхальт и земли Северного Рейна-Вестфалии.

Во времена Ганзейского союза нижненемецкий был языком северных областей Германии, а между Лондоном, Бергеном и Новгородом — языком торговли. Потом литературный немецкий вытеснил нижненемецкий (в разговорном языке — Platt). Язык на долгое время остался в устном варианте, значительно растеряв свой престиж.

После платт переживал недолгие подъемы и снова забвение. В последние два десятилетия вновь наблюдается интерес к нему, даже попытки внедрения в систему образования. Несколько сотен детских садов северных земель предлагают в своей программе игры, разговорные практики, песни на нижненемецком. В некоторых районах он закрепился и в школьных планах.

Множество общественных музыкальных, молодежных, литературных, искусствоведческих, исследовательских, фольклорных и пр. организаций популяризируют платт. К примеру, Quickborn e.V., (в переводе — «быстрый ручей» и в переносном смысле — источник вечной молодости), основан в 1904 г. С 1907 г. выходит его журнал с тем же названием, ежегодно — расширенное издание “Quickborn-Buch”, каждые 2 года сво-

⁴ Bericht der Bundesrepublik Deutschland an die Europäische Kommission EU-Rahmen für nationale Strategien zur Integration der Roma bis 2020 — Integrierte Maßnahmenpakete zur Integration und Teilhabe der Sinti und Roma in Deutschland. Bundesministerium der Innern, Berlin, 2011.

их победителей находит премия объединения Quickborn-Preis.

Платт представлен в театральной жизни. К примеру, гамбургский театр Ohnsorg-Theater в 2012 г. поставил на нем «Дядю Ваню» А. П. Чехова.

Язык живет и в интернет-пространстве: многочисленные сайты на платте и о платте, стихи и проза, видеоресурсы, уроки языка, тексты песен, анонсы мероприятий, встреч, семинаров, образовательных путешествий и т.д.

Политико-языковые интересы говорящих на нижненемецком на федеральном уровне представлены с 2002 г. Федеральным советом нижненемецкого языка (Bundesrat für Niederdeutsche Sprache). Восемь земель, где он распространен, а с 2008 г. и Сообщество говорящих на плаутдич (die Gruppe der Plautdietsch-Sprecher)⁵ делегируют по два депутата в Федеральный совет. Активную помощь оказывают земельные представительства Союза «Отечество и окружающая среда в Германии» [Bund Heimat und Umwelt in Deutschland e.V. (BHU)] — одной из старейших немецких организаций (1904) в сфере охраны природных и культурных памятников и Общество друзей плаутдич (Verein Plautdietsch — Frind e.V.), спектр мероприятий которого — от семинаров, концертов, выставок и дискуссий до активных контактов с говорящими на диалекте по всему миру вплоть

до Бразилии и Мексики (<http://www.plautdietschfreunde.de>).

С 2007 г. ежегодно проходят консультативные встречи представителей северных земель и федерального центра под патронатом Федерального совета нижненемецкого языка с целью обсуждения текущих задач.

Значительная роль принадлежит Институту нижненемецкого языка (Institut für niederdeutsche Sprache). Его цель — изучение, документирование, создание и развитие социальных сетей, продвижение языка.

Благодаря столь ответственному и неформальному подходу, как со стороны официальных структур, так и со стороны общественных объединений, язык, бывший когда-то родным для жителей обширных северогерманских территорий, не канул в лету. А с ним не растворились и собственное региональное самосознание, особый менталитет, литература, юмор их потомков — то, что сегодня называют культурным кодом.

В заключение представленного обзора хотелось бы особо подчеркнуть, что процесс вымирания малых языков (а с ним и ассимиляции их носителей в доминирующем обществе) объективен и, похоже, неизбежен. Однако это именно тот случай, когда скажут «к сожалению». Движение «от культурного многообразия ко всеобщему однообразию» делает наш мир беднее. И поэтому все усилия, прилагаемые к сохранению существующих сегодня миноритарных языков, не напрасны. Хотелось бы надеяться, что опыт Германии в данном вопросе не будет лишним для государств с пестрой этноязыковой палитрой, к каковым, безусловно, относится и Россия.

⁵ Западно-пруссский вариант нижненемецкого, возникший в XVI–XVII веках и до сегодняшнего дня распространенный по всему миру — от Германии и России до Канады, США, Латинской Америки и стран Карибского бассейна. Большая часть носителей — переехавшие в 90-гг. XX в. в ФРГ «русские немцы».

REFERENCES

1. Nelde P. N. Schulsprachenpolitik und Minderheiten. In P. H. Nelde, P. Weber, W. Wölck, *Mehrsprachigkeit — Voraussetzung und Chance für das Überleben kleiner Sprachgemeinschaften*. Maxroi Graphics GmbH, Görlitz; 2002. 81 p.
2. Schmitt-Egner P. Die “Identität von Räumen”: Eine methodologische Skizze zu ihrer empirischen Erforschung. In: Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung Tübingen (Hrsg.) *Jahrbuch des Föderalismus. 2012; Föderalismus, Subsidiarität und Regionen in Europa*. 1. Auflage: 50–64.
3. Prutsch M. J. Im Auftrag des CULT-Ausschusses durchgeführte Studie — Europäische Identität. Europäisches Parlament, Fachabteilung Struktur und Kohäsionspolitik. Brüssel; 2017. 49 p.
4. Scharioth C. Regionales Sprechen und Identität: Eine Studie zum Sprachgebrauch, zu Spracheinstellungen und Identitätskonstruktionen von Frauen in Schleswig-Holstein und Mecklenburg-Vorpommern. Georg Olms Verlag; 2015. 374 p.
5. Bundesministerium des Innern. Nationale Minderheiten, Minderheiten- und Regionalsprachen in Deutschland. 2. Auflage, 2014. Bundesministerium des Innern, MediaCompany — Agentur für Kommunikation GmbH. Frankfurt am Main: Zarbock GmbH & Co. KG; 2014. 82 p.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-66-76

УДК 159.923:316.6(045)

КАКИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ОПРЕДЕЛЯЮТ ГОТОВНОСТЬ РОССИЯН ИНВЕСТИРОВАТЬ В КРИПТОВАЛЮТЫ?*

Гагарина Мария Анатольевна,

канд. психол. наук, доцент, заместитель декана Факультета финансовых рынков, Финансовый университет, ассоциированный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, Москва, Россия

MGagarina@fa.ru

Власенкова Екатерина Александровна,

студентка 3-го курса, Финансовый университет, Москва, Россия

Vlasenkovaekaterina@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования готовности россиян к инвестиционному поведению обусловлена необходимостью привлечения средств граждан в экономику. При этом развитие цифровых технологий, в частности, появление криптовалют, влечет определенный риск как для самих инвесторов, так и для экономики в целом. Нами проведен теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований по данной проблеме и эмпирическое исследование с участием 356 респондентов. Методы: анкетирование, семантический дифференциал, психодиагностические тесты: «Короткий портретный опросник Большая пятерка» и опросник «Личностные факторы принятия решений». В результате установлено, что инвестиционное поведение россиян выражено слабо: большинство респондентов не готовы инвестировать ни в традиционные финансовые инструменты, ни, тем более, в криптовалюты. Образ биткойна как комплексная социально детерминированная система представлений и отношений характеризуется низким уровнем понимания и достоверно более негативным отношением по сравнению с долларом США. Позитивное отношение респондентов к биткойну связано с большей открытостью новому опыту и меньшей эмоциональной неустойчивостью и не зависит от готовности к риску. Отношение к доллару США практически не зависит от личностных черт и связано только с доброжелательностью. Полученные результаты согласуются между собой и с результатами других исследователей.

Ключевые слова: Большая пятерка личностных черт; криптовалюта; инвестиционное поведение; психология денег; семантический дифференциал; рациональность; готовность к риску; экономическая психология

WHAT PERSONALITY TRAITS DETERMINE THE WILLINGNESS OF RUSSIANS TO INVEST IN CRYPTOCURRENCIES?

Maria A. Gagarina,

Cand. Sci. in Psychology, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Financial Markets, Financial University; A researcher at the Laboratory of Social and Economic Psychology at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science

MGagarina@fa.ru

Ekaterina A. Vlasenkova,

3rd-year student, Financial University, Moscow, Russia

Vlasenkovaekaterina@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-013-01232А «Психологические факторы и механизмы инвестиционного поведения россиян с различным уровнем финансовой грамотности» / The work was supported by a grant the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) No. 18-013-01232A "Psychological factors and mechanisms of investment behaviour of Russians with different levels of financial literacy".

Abstract. *The relevance of the study of the readiness of Russians to investment behaviour is due to the need to attract funds of citizens in the economy. At the same time, the development of digital technologies, in particular, the emergence of crypto-currencies entails a certain risk, both for the investors themselves and for the economy as a whole. We conducted a theoretical analysis of domestic and foreign studies on this problem and an empirical study in which participated 356 respondents. To this end, the authors used the following methods: questioning, semantic differential, psychodiagnostic tests: "Short Portrait Big Five Questionnaire (BF-10)" and the questionnaire "Personal decision-making factors". As a result, we found that the investment behaviour of Russians is weak: the majority of respondents are not ready to invest in traditional financial instruments, or, especially, in crypto-currencies. The image of bitcoin as a complex socially determined system of impressions and relations is characterized by a low level of understanding and significantly more negative attitude as compared to the US dollar. The positive attitude of respondents to bitcoin is associated with greater openness to new experience and less emotional instability and does not depend on the willingness to risk. The attitude of the US dollar practically does not depend on personality traits and is related only to the goodwill. The results obtained are consistent with each other and with the results of other researchers.*

Keywords: "Big Five Personal Traits"; crypto-currency; investment behaviour; money psychology; semantic differential; rationality; risk readiness; economic psychology

ВВЕДЕНИЕ

Инвестиции населения в инструменты финансового рынка являются одним из условий его стабильного функционирования. В связи с этим необходимо выработать единую стратегию привлечения средств населения и активизировать процесс создания новых видов инвестиционных продуктов [1]. При этом все большее внимание уделяется информационным технологиям и применению различных платформ для эффективного развития рынков и реализации потенциала отраслей экономики, что нашло отражение в программе Правительства «Цифровая экономика»¹. Однако активное внедрение информационных технологий в нашу жизнь несет не только новые возможности для развития экономики, но и новые угрозы, а значит, требует изучения отношения людей к этим феноменам и определения степени понимания происходящих процессов. Нельзя игнорировать и воздействие СМИ на общественное сознание, и отношение к экономическим реформам [2]. Новые направления развития психологии эксперты тоже связали в первую очередь с цифровыми технологиями [3].

ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

При исследовании инвестиционного поведения национальные особенности имеют особое значение. Для большинства россиян характерна сбере-

гательная, а не инвестиционная модель поведения, что, скорее всего, обусловлено историческими обстоятельствами, особенностями экономического и политического развития нашей страны, страхом потерь и низким уровнем осведомленности в области финансовых инструментов [1]. При том, что доля активных участников финансового рынка в России не велика, среди них присутствуют как профессионалы, так и неквалифицированные инвесторы, которые, по мнению ЦБ РФ, нуждаются в защите². Сегодня развитие новых финансовых технологий, таких как социальный трейдинг (копирование стратегий наиболее успешных трейдеров клиентами социальной сети), блокчейн (появление криптовалют) открывает новые возможности для инвестирования широкому кругу интернет-пользователей, а следовательно, расширяет инвестиционные возможности граждан. Есть опасность, что приток на финансовый рынок неквалифицированных инвесторов повлечет за собой необоснованное использование ими финансовых инструментов с высоким уровнем риска, это приведет к значительным убыткам и подорвет и без того низкое доверие населения к фондовому рынку. Есть риск повторения ситуации с финансовыми пирамидами 1994–1995 гг., когда инвестиционные решения принимались с ориентацией на других людей, которые казались более рациональными и осведомленными. Многие

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы „Цифровая экономика Российской Федерации“». URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvr7M0.pdf>.

² Доклад «Совершенствование системы защиты инвесторов на финансовом рынке посредством введения регулирования категорий инвесторов и определения их инвестиционного профиля», июнь 2016. URL: http://www.cbr.ru/analytics/ppc/report_30062016.pdf.

зарубежные авторы уже сейчас видят в биткоине черты финансовой пирамиды. Так, глава Европейского центрального банка Ив Мерш и глава Всемирного банка Джим Ен Ким одновременно выступили с критикой криптовалют и сравнили их с формой финансовых пирамид, созданных Чарльзом Понци в начале XX в. В научных статьях ученых из Университета Шеффилда (Великобритания) Eng-Tuck Cheah и John Fry (2015) поднимают вопрос о фактической стоимости биткоина и признаках пузыря на криптовалютном рынке [4]. При этом авторы доказывают, что фактическая стоимость биткоина равна нулю, и ее рост во многом определяется спекуляциями. Роберт Шиллер, Нобелевский лауреат 2013 г. в области экономики, автор теории спекулятивных пузырей, тоже является сторонником того, что биткоин — это пузырь, который базируется на обещаниях, надеждах и оптимизме. Таким образом, мы подходим к проблеме взаимосвязи психологических и экономических феноменов [5].

В области психологии денег уже накоплен определенный эмпирический материал. По мнению М.Ю. Семенова, специалиста в области психологии денег из Омского государственного технического университета, отношение к деньгам и поведение, связанное с деньгами, зависит от происходящих социальных изменений и от индивидуально-психологических особенностей людей [6]. Исследование социальных установок личностно зрелых людей показало, что они более взвешенно и рационально относятся к деньгам.

Отношение к деньгам, в том числе к национальной валюте, оказывает влияние на экономическое поведение [7, 8]. Имидж государства как хозяйствующего субъекта в значительной степени отражается в статусе его денежной единицы. Например, если национальная валюта воспринимается негативно (как ненадежная, слабая, неустойчивая и т.п.), то в экономическом поведении это проявится в том, что люди будут стараться как можно быстрее потратить деньги или перевести их в другую валюту. Инвестирование и сбережение будут не развиты. Доверие денежной единице является одним из основных условий развития сберегательного и инвестиционного поведения. Отсутствие стабилизационной базы в виде соответствия цены денег и затраченного труда искажает восприятие денег, которое проявляется в различных видах акцентуированного поведения личности относительно денежной единицы, таких как гипертрофированная вера в финансовые игры,

финансовую удачу, мгновенное обогащение, избыточная потребительская активность, сниженный финансовый самоконтроль.

Что касается образа рубля, доллара и даже иен и юаней, то уже накоплен значительный материал [9], однако в отношении биткоина такой информации нет. Публикации отечественных исследователей криптовалют сосредоточены вокруг экономических и юридических аспектов [10, 11], а вот роли психологических факторов должного внимания не уделяется. Пока не известно, насколько обыватели осведомлены о том, что такое биткоин и как они к нему относятся, кто является теми инвесторами, которые осуществляют операции с криптовалютами, какова роль личностных черт при инвестировании в криптовалюты.

Зарубежные исследователи, например В. Weber (2016), вообще сомневаются, что биткоин — это деньги, ссылаясь на то, что большая часть биткоинов хранится в бездействующих счетах, и поэтому биткоин больше похож на актив, чем на валюту. Кроме того, биткоин, в качестве валюты не удовлетворяет двум основным критериям: многофункциональность денег и стабильность. Основная привлекательность биткоина, видимо, заключается в том, чтобы быть предметом спекуляций вместо того, чтобы функционировать как деньги [12].

Возвращаясь к вопросу о роли личностных черт в экономическом поведении и принятии инвестиционных решений, обратимся к имеющимся данным. Чаще всего для диагностики личностных черт используют таксономию «большой пятерки», выделяя следующие черты: экстраверсия, нейротизм, открытость новому опыту, сознательность и доброжелательность.

Экстраверсия имеет наибольшую значимую положительную взаимосвязь с размером долгов и отрицательную — с наличием активов по результатам исследования ученых из Великобритании S. Brown и K. Taylor (2014) [13]. По результатам исследования Е.К. Nyhus и Р. Webley (2001), опубликованном в *British Journal of Psychology* 2001 г., экстраверсия положительно связана с наличием долгов и отрицательно — с размером сбережений [14]. Аналогичные взаимосвязи получены и в более ранних работах с использованием компьютерных симуляций, например в работах немецкого исследователя Н. Brandstatter (1998) [15]. В качестве объяснений подобных взаимосвязей можно рассмотреть следующие. Экстравертированные личности, по сравнению с интровертами, пред-

почитают проводить время в окружении людей, а более частое взаимодействие с людьми ведет к большим тратам, следовательно, повышает вероятность долгов и снижает вероятность накоплений.

В отношении эмоциональной стабильности и сознательности мнения исследователей сходятся. Обе личностные черты положительно связаны со сбережениями и отрицательно — с долгами. По результатам исследования ученых из Университетов Шеффилда и Эксетера (Великобритания) S. Brown, K. Taylor, P. Webley и E. K. Nyhus, сознательность отрицательно взаимосвязана с необеспеченными и проблемными долгами [13, 16]. По данным P. Webley, E. K. Nyhus и H. Brandstatter, эмоциональная стабильность положительно связана со сбережениями [14, 15]. Эмоционально стабильные люди в большей степени способны к планированию своего бюджета и следованию плану. Сознательность тоже включает в себя способность к планированию, самодисциплину и способность отложить удовлетворение потребностей. Такие люди будут реже прибегать к заимствованиям и иметь способность и желание делать сбережения.

Доброжелательность положительно взаимосвязана с необеспеченными долгами (по результатам исследований S. Brown и K. Taylor) и отрицательно — с размером сбережений (по результатам исследований P. Webley и E. K. Nyhus). Доброжелательность предполагает способность сопереживать и заботиться о других, что может проявляться в щедрых подарках и пожертвованиях на благотворительность. Значимых взаимосвязей между личностными чертами и типами активов не обнаружено, за исключением того, что экстраверсия и доброжелательность отрицательно, а открытость новому опыту положительно взаимосвязана с инвестированием в акции [13].

В литературе также описана связь «большой пятерки» личностных черт с уровнем дохода. Так, в работе исследователей Дублинского Университета I. Mosca и C. McCrory (2016) исследовалось, каким образом «большая пятерка» личностных черт влияет на накопление богатства. В ходе исследования, в котором приняли участие 1172 немолодые семейные пары, выявлено, что личность является важным фактором, определяющим потребительские предпочтения и принятие финансовых решений на протяжении всей жизни [17]. Эмоциональная стабильность, экстраверсия и сознательность положительно взаимосвязаны с уровнем благосостояния. Доброжелательность и открытость новому опыту имеют обратные вза-

имосвязи с богатством, но не достигают уровня значимости. Некоторые черты оказывают не прямое влияние на накопление богатства, например сознательные индивиды оказываются более успешными в школе и университете, что ведет к более высокому заработку. В целом результаты исследования показывают, что личность является важным фактором, определяющим потребительские предпочтения и принятие финансовых решений на протяжении всей жизни.

Сходные результаты получены в лонгитюдном исследовании, проведенном совместно учеными из Национального Института Старения и Университета Колорадо (США) A. R. Sutin, P. T. Costa, R. Miech, W. W. Eaton (2009): эмоциональная стабильность и сознательность положительно взаимосвязаны с внешним (высоким доходом) и внутренним (удовлетворенностью работой) проявлениями карьерного успеха [18]. Влияние эмоциональной стабильности/нейротизма на экономическое поведение может быть объяснено тем, что эмоционально стабильные респонденты являются более успешными на рынке труда, где такие черты поощряются карьерным ростом и более высоким заработком. По мнению исследователей из департаментов психологии университетов Италии и США M. Lauriola и I. P. Levin (2001), причиной подобной взаимосвязи может быть то, что эмоционально стабильные люди принимают более взвешенные финансовые решения. Тем не менее в лабораторных экспериментах показано, что эмоционально стабильные респонденты больше склонны к риску с целью получения выгоды, а респонденты с высоким нейротизмом более склонны к избеганию потерь [19].

Возвращаясь к проблемам инвестирования в криптовалюты, можно предположить, что здесь будут обнаружены взаимосвязи как с личностными чертами «большой пятерки», так и с готовностью к риску. Кроме того, будет иметь значение отношение к криптовалютам.

Гипотеза: открытость новому опыту, низкая сознательность и готовность к риску будут связаны с положительным отношением к криптовалютам и готовностью инвестировать в них.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 359 респондентов (из них мужчин — 132) от 18 до 68 лет, средний возраст опрашиваемых 25,6 лет.

Наряду с вопросами, направленными на определение социально-демографических характе-

ристик респондентов, мы включили вопросы об отношении к инвестиционной деятельности, опыте инвестирования в различные финансовые инструменты и взаимодействия с финансовыми пирамидами в прошлом.

Нас также интересовал опыт спекуляций на криптовалютном рынке и вовлеченность в занятие майнингом. И то и другое оценивается нами как принципиальная готовность осуществлять вложения в покупку самих криптовалют или оборудование по их добыче, поскольку прибыль в обоих случаях зависит, в том числе, и от курса. При падении курса биткоина майнинг будет нецелесообразен, поскольку не позволит майнерам в разумные сроки окупить затраты на покупку оборудования, а также возможные затраты, связанные с арендой помещения, обслуживанием и ремонтом оборудования [20].

Для выявления особенностей отношения к криптовалюте был использован метод семантического дифференциала (СД). В методе СД измеряемые объекты (в нашем случае биткоин и доллар) оцениваются по ряду биполярных градуированных шкал, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов. И хотя, по мнению главы Европейского центрального банка Ива Мерша и главы Всемирного банка Джима Ен Кима, криптовалюты еще рано сравнивать с настоящими деньгами, тем не менее представляет интерес психологический аспект отношения к криптовалюте. Мы сравнили биткоин и доллар, потому что доллар, выступая в качестве мировой валюты, находит конкурента в лице биткоина, потенциал которого может быть реализован в мировом унифицировании системы расчетов.

Психологическим механизмом, объясняющим взаимосвязь и группировку шкал семантического дифференциала в факторы, является синестезия. Шкалы, коррелирующие между собой, группируются в независимые факторы ОСА (оценка — сила — активность). Метод СД позволяет измерять так называемое коннотативное значение, т.е. то состояние, которое следует за восприятием символа-раздражителя и необходимо предшествует осмысленным операциям с символами. Коннотативное значение связано с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабо структурированными и мало осознанными формами общения. Мы использовали модифицированную методику семантического дифференциала, описанную в диссертационной работе Ю.С. Николенко

[9] для того, чтобы иметь возможность сопоставить результаты, полученные для биткоина, с результатами для других мировых валют.

Для определения личностных черт респондентов нами был использован «Короткий портретный опросник Большая пятерка» (далее — «Большая пятерка»), который, как показывает исследование коллег из Московского государственного университета М.С. Егоровой и О.В. Паршиковой [21], имеет удовлетворительную для коротких опросников тест-ретестовую надежность, согласованность, конвергентную и дивергентную валидность. Он позволяет получить оценку «Большой пятерки» (нейротизм, экстраверсия, доброжелательность, сознательность и открытость опыту), но при этом содержит всего 10 пунктов. Включение опросника «Большая пятерка» связано с тем, что выявленные с его помощью шкалы являются значимыми предикторами инвестиционного поведения [13].

Мы предположили, что как отношение к криптовалютам, так и готовность инвестировать в криптовалюты связаны с личностными факторами принятия решения: рациональностью и готовностью к риску. Поэтому мы включили в исследование опросник «Личностные факторы принятия решений» (далее — «ЛФР-25») Т.В. Корниловой [22]. Готовность к риску как личностное свойство отнесено здесь к умению субъекта принимать решения в условиях неопределенности как недостаточности ориентиров. Для такой характеристики важным моментом становится соотношение с понятием рациональности принятия решения. Рациональность отражает готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации, что может характеризовать разные, в том числе и рискованные решения субъекта. Мы предполагаем, что инвестирование в криптовалюты может быть рассмотрено как ситуация неопределенности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как было сказано выше, в исследовании приняли участие 359 респондентов, среди которых работники сферы образования и науки (23%), управленцы (24%), медицинские работники (9%), IT-специалисты (13%), производства (3%), маркетинга (12%), экономики и финансов (5%) и лица, работающие в сфере услуг (11%).

Сначала рассмотрим гендерные особенности осведомленности о майнинге и спекуляциях на криптовалютном рынке, которые приведены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Готовность инвестировать в криптовалюту у мужчин и женщин / Willingness to invest in cryptocurrency for men and women

Пол	Занимаетесь ли вы майнингом? / Инвестируете ли в криптовалюты?				
	Нет, не знаю, что это такое	Нет, но знаю, в чем суть данного процесса	Да, занимаюсь, хорошо представляю механизм работы	Да, занимаюсь, но недостаточно хорошо понимаю механизм	Всего (% от общей выборки)
Женщины (% от общего числа женщин)	115 (53)	92 (42)	4 (2)	8 (3)	219 (63)
Мужчины (% от общего числа мужчин)	20 (16)	94 (74)	9 (7)	4 (3)	127 (37)
Всего (% от общей выборки)	135 (39)	186 (54)	13 (4)	12 (3)	346 (100)

Можно отметить, что большинство наших респондентов не занимается майнингом и не инвестирует в криптовалюты, при этом среди них в равной степени представлены те, кто знает, что это такое (47%), и те, кто не знает (49%). Доля тех, кто занимается майнингом и инвестированием в криптовалюты, хорошо осознавая механизм (3%), и тех, кто занимается майнингом и инвестированием в криптовалюты без должного понимания (1%), крайне мала. В целом, мужчины оказались более осведомленными, чем женщины. Последнее утверждение согласуется с тем, что мужчины, в принципе, в большей степени склонны к риску для получения денег [23].

Из табл. 2 можно видеть, что лучше осведомлены о процессе майнинга люди с высшим и двумя высшими образованиями и состоящие в браке, но различия не значимы ($\chi^2, p < 0,05$).

Далее мы обратились к опыту инвестиционной деятельности и сопоставили с инвестициями в криптовалюту, результаты приведены в табл. 3.

Анализ данных по инвестиционному поведению затруднен по причине низкой популярности среди респондентов. Только 11% наших респондентов участвуют в торгах на бирже. Количество участвовавших в финансовых пирамидах немного выше (13%), но различия не достигают уровня значимости ($\chi^2, p < 0,05$). Участники финансовых пирамид лучше других осведомлены о том, что такое майнинг. При этом нам представляется, что инвестиционное поведение в случае инвестирования в криптовалюту и в другие финансовые инструменты будет разным как по своему содер-

жанию, так и по последствиям, и для человека, и для государства. Традиционно мотивами сбережения являются следующие: создание возможности пережить финансовые трудности в будущем, приобретение товаров длительного пользования в будущем, мотив управления деньгами. Отличие инвестирования от сбережения в том, что инвестирование осуществляется с целью получения прибыли. Одним из важнейших направлений развития и обеспечения стабильности функционирования российского финансового рынка является трансформация сбережений населения в источник дополнительных инвестиций в экономику России при одновременном повышении уровня и качества жизни граждан [1]. К инвестированию в криптовалюту данное утверждение не может быть применено, поскольку эти средства не привлекаются к финансированию реального сектора и если и ведут к обогащению, то узкого круга лиц и в течение короткого периода времени.

Описав структуру нашей выборки и инвестиционный опыт наших респондентов, обратимся к их отношению к криптовалюте (на примере биткойна) и сопоставим это отношение с личностными характеристиками.

В табл. 4 приведены результаты описательной статистики и сравнения средних по t -критерию Стьюдента шкал методики «Семантический дифференциал».

По результатам методики СД мы можем видеть, что для обеих валют средние значения положительные. При этом биткойн, по сравнению с долларом, имеет достоверно более низкие значения по

Таблица 2 / Table 2

Готовность инвестировать в криптовалюту у лиц с различным семейным статусом и уровнем образования (для N = 144) / Willingness to invest in cryptocurrency for persons with different family status and educational level (for N = 144)

Занимаетесь ли вы майнингом? / Инвестируете ли в криптовалюту?					
Семейное положение	Нет, не знаю, что это такое	Нет, но знаю, в чем суть данного процесса	Да, занимаюсь, хорошо представляю механизм работы	Да, занимаюсь, но недостаточно хорошо понимаю механизм	Всего (% от общей выборки)
Холост / не замужем (% от общего числа холостых)	34 (54)	24 (38)	4 (6)	1 (2)	63 (44)
Состою в браке (% от общего числа состоящих в браке)	30 (44)	37 (54)	0 (0)	1 (1)	68 (47)
Разведен(а) (% от общего числа разведенных)	6 (46)	6 (46)	1 (8)	0 (0)	13 (9)
Всего	70 (48)	67 (46)	5 (3)	2 (1)	144 (100)
Образование					
Высшее (% от общего числа имеющих высшее образование)	30 (20,8)	36 (25,0)	0 (0)	1 (0,69)	67 (46,5)
Среднее специальное (% от общего числа имеющих среднее специальное образование)	16 (10,42)	5 (2,78)	0 (0,00)	0 (0,00)	21 (14,2%)
Среднее (% от общего числа имеющих среднее образование)	10 (6,94)	5 (3,47)	5 (3,47)	0 (0)	20(13,9)
Два высших (% от общего числа имеющих два высших образования)	13 (9)	21 (14,6)	0 (0)	1 (0,69)	35(24,31)

всем шкалам: «оценка», «сила» и «активность». То есть биткоин воспринимается менее хорошим, более слабым и менее устойчивым. Вероятно, общее негативное отношение связано с недостаточной осведомленностью о криптовалюте, неясностью ее юридического статуса, а также с сильной волатильностью. Если сопоставить эти результаты с данными других исследователей, полученными около десяти лет назад, то можно увидеть, что доллар и тогда оценивался более положительно по сравнению с юанем и йеной, но проигрывал евро

[9]. Для россиян и ранее было характерно слабое доверие денежным инновациям, преобладание желания иметь наличные деньги и недоверие к другим денежным формам [7].

Для того чтобы разобраться, с чем связано такое отношение к доллару и биткоину, нами был проведен корреляционный анализ результатов психодиагностических методик «Большая пятерка» и «ЛФР-25» и методики СД. Таким образом установлены следующие достоверные взаимосвязи между личностными особенностями и фак-

Таблица 3 / Table 3

Готовность инвестировать в криптовалюту у лиц с различным инвестиционным опытом (для $N = 350$) /
Willingness to invest in cryptocurrency by persons with different investment experience (for $N = 350$)

Занимаетесь ли вы майнингом? / Инвестируете ли в криптовалюту?					
Участие в торгах на бирже	Нет, не знаю, что это такое	Нет, но знаю в чем суть данного процесса	Да, занимаюсь, хорошо представляю механизм работы	Да, занимаюсь, но недостаточно хорошо понимаю механизм	Всего (% от общей выборки, $N = 350$)
Не участвовал (% от общего числа не участвовавших)	160 (51)	134 (43)	8 (3)	8 (3)	310 (89)
Участвовал (% от общего числа участвовавших)	27 (73)	1 (3)	5 (14)	4 (10)	37 (11)
Участие в финансовых пирамидах					
Не участвовал (% от общего числа не участвовавших)	122 (40)	164 (55)	7 (2)	9 (3)	302 (87)
Участвовал (% от общего числа участвовавших)	13 (30)	22 (50)	6 (13)	3 (7)	44 (13)

Таблица 4 / Table 4

Описательная статистика и t-критерий Стьюдента шкал методики «Семантический дифференциал» (СД)* / Descriptive statistics and Student's t-criterion of scales of "Semantic differential" technique (SD)*

Шкалы СД	Доллар ($N = 359$)				Биткоин ($N = 357$)				t	p
	Min	Max	M	SD	Min	Max	M	SD		
Оценка	-3,0	3,0	0,7	1,11	-3,0	3,0	0,4	1,21	2,2	0,027
Сила	-1,8	3,0	0,8	0,99	-3,0	3,0	0,2	1,17	5,3	0,000
Активность	-3,0	3,0	0,7	0,93	-3,0	2,4	0,2	1,03	4,6	0,000

* Min – минимальное значение, Max – максимальное значение, M – среднее, SD – стандартное отклонение, t – значение критерия Стьюдента, p – уровень значимости различий.

торами принятия решений респондентов и их оценкой указанных валют. Результаты приведены в табл. 5.

Для доллара нами получены только две положительные достоверные корреляции между «доброжелательностью» и шкалами СД «активность» и «оценка». То есть, чем больше у респондента выражена доброжелательность, тем больше он «любит» доллар и склонен оценивать его как «активный». Доброжелательность — это готовность быть щедрым, склонным к сотрудничеству и вза-

имодействию, а также к сопереживанию и сочувствию. Шкала «оценка» включает характеристику валюты как хорошей, приятной, передовой. Шкала «активность» включает такие характеристики, как «гибкость», «динамичность», «стабильность», что в целом может быть интерпретировано как включенность в деятельность. Малое количество корреляций с личностными чертами и факторами принятия решений свидетельствует о том, что отношение к доллару практически не зависит от указанных особенностей. Что касается экономи-

Таблица 5 / Table 5

Значение коэффициентов корреляции Спирмена, шкал Семантического дифференциала (СД) и методик «Большая пятерка» (Б5–10) и «ЛФР-25» / The value of Spearman's correlation coefficients, scales of Semantic differential (SD) and methods "Big Five" (B 5–10) and "LFR-25"

Шкалы опросника «Большая пятерка» и «ЛФР-25»	СД шкалы, Доллар (N = 359)			СД шкалы, Биткоин (N = 357)		
	оценка	сила	активность	оценка	сила	активность
Экстраверсия	–0,03	0,01	–0,01	0,03	0,01	–0,01
Нейротизм	–0,02	–0,04	–0,03	–0,2*	–0,1	–0,1
Открытость новому опыту	–0,1	–0,1	–0,01	0,2*	0,2*	0,1
Сознательность	–0,1	–0,01	0,02	–0,1	–0,1	–0,1
Доброжелательность	0,2*	0,1	0,2*	0,1	0,03	–0,00
Рациональность	–0,02	–0,02	0,1	0,05	–0,03	–0,1
Готовность к риску	0,03	0,03	–0,1	0,1	0,1	0,1

* $p < 0,05$.

ческого поведения, то, согласно зарубежным исследованиям, доброжелательность действительно положительно взаимосвязана с необеспеченными долгами, которые являются проявлением «активности» на долговом рынке [13].

Для биткоина получены достоверные положительные корреляции между открытостью новому опыту и шкалами «оценка» и «сила» и отрицательная корреляция между «нейротизмом» и «оценкой». То есть, чем выше у респондента открытость новому опыту, тем более положительным и сильным воспринимает он биткоин; чем ниже у респондента уровень нейротизма (выше эмоциональная устойчивость), тем позитивнее он воспринимает биткоин.

Указанные корреляции личностных черт и отношения к валютам кажутся нам вполне закономерными. Открытость новому опыту — готовность воспринимать все новое, креативность и быстрая обучаемость. Чем больше выражена эта характеристика, тем позитивнее респондент относится к биткоину, который представляет собой новый финансовый инструмент, и воспринимает его как более сильный. Более высокая оценка связана еще и с неуверенностью в себе, тревожностью и подверженностью стрессу.

Значимых взаимосвязей личностных факторов принятия решений с отношением к валютам не выявлено. То есть отношение к мировой валюте и криптовалюте не зависит ни от степени рациональности, определяемой как готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно

полной ориентировке в ситуации, ни от готовности к риску, которая определяется как личностное свойство саморегуляции, позволяющее человеку принимать решения и действовать в ситуациях неопределенности.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Подводя итог проведенного теоретического анализа и эмпирического исследования, можно сделать следующие выводы. Уровень инвестиционного поведения россиян остается низким. Россияне по-прежнему не готовы инвестировать ни в традиционные финансовые инструменты, ни, тем более, в криптовалюты. Наша гипотеза о взаимосвязи открытости новому опыту, сознательности и готовности к риску с отношением к криптовалюте и готовности к инвестиционному поведению подтвердилась лишь частично. Нам не удалось сравнить инвесторов и не инвесторов по личностным чертам и факторам принятия решений по причине малочисленности группы инвесторов, но были получены взаимосвязи образа денег в сознании россиян с личностными чертами. Образ биткоина характеризуется низким уровнем понимания и достоверно более негативным отношением к нему по сравнению с отношением к доллару США. Позитивное отношение к биткоину связано с большей открытостью новому опыту и меньшей эмоциональной неустойчивостью и не зависит от готовности к риску. Отношение к доллару США практически не зависит от личностных черт и сходно с оценками, полученными

другими исследователями в более ранний период [7, 9]. Несмотря на противоречивое отношение к биткоину, неопределенность его статуса и незащищенность инвесторов, приходится признать, что он представляет собой инновацию, способную стать альтернативой существующей денежной

и платежной системам. Количество компаний, работающих с криптовалютой, будет увеличиваться, поэтому в качестве перспектив можно выделить повышение уровня финансовой и цифровой грамотности населения, информирование населения о возможностях инвестирования и рисках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безсмертная Е. Р. Инвестиции населения в инструменты финансового рынка: текущее состояние и перспективы развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2016;(6):17–25.
2. Пряхников Н. С., Полевая М. В., Камнева Е. В. Роль СМИ в преодолении сопротивления разных групп населения экономическим реформам. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;5(29):63–68.
3. Юревич А. В., Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2018;1(9):6–19.
4. Fry J., Cheah E.-T. Speculative bubbles in Bitcoin markets? An empirical investigation into the fundamental value of Bitcoin. *Economics Letters*. 2015;130:32–36.
5. Shiller R. J. Speculative asset prices. *American Economic Review*. 2014;104:1486–1517.
6. Семенов М. Ю. Отношение личностно зрелых людей к деньгам. *Психологический журнал*. 2012;(1):66–72.
7. Дейнека О. С. Образ денег: макроэкономический аспект. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения*. 1999;(4):68.
8. Дейнека О. С. Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании. *Психологический журнал*. 2002;(2):36–46.
9. Николенко Ю. С. Семантическая структура и содержание образа российского рубля и конкретных мировых валют. *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. URL: <http://jurnal.org/articles/2007/psih16.html>.
10. Степанова Д. И., Николаева Т. Е., Иволгина Н. В. Особенности организации и направления развития криптовалютных платежных систем. *Финансы и кредит*. 2016;10(682):33–45.
11. Пещеров А. И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств. *Юридическая мысль*. 2016;(3):130–138.
12. Weber B. Bitcoin and the legitimacy crisis of money. *Cambridge Journal of Economics*. 2016;40(1):17–41.
13. Brown S., Taylor K. Household finances and the “Big five” personality traits. *Journal of Economic Psychology*. 2014;45:197–212.
14. Nyhus E. K., Webley P. The Role of Personality in Household Saving and Borrowing Behaviour. *European Journal of Personality*. 2001;15:85–103.
15. Brandstatter H., Guth W. A psychological approach to individual differences in intertemporal consumption patterns. Humboldt-university of Berlin discussion paper 57. 1998. URL: <https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/4399/57.pdf?sequence=1> (accessed 29.03.2018).
16. Webley P., Nyhus E. K. Life-cycle and dispositional routes into problem debt. *British Journal of Psychology*. 2001;92(3):423–446.
17. Mosca I., McCrory, C. Personality and wealth accumulation among older couples: Do dispositional characteristics pay dividends? *Journal of Economic Psychology*. 2016;56:1–19.
18. Sutin A. R., Costa P. T., Miech R., Eaton W. W. Personality and career success: Concurrent and longitudinal relations. *European Journal of Personality*. 2009;23(2):71–84.
19. Lauriola M., Levin I. P. Personality traits and risky decision-making in a controlled experimental task: An exploratory study. *Personality and Individual Differences*. 2001;31(2):215–226.
20. Латыш А. Р., Кропин Ю. А. Феномен биткоина, влияние криптовалюты на международный валютно-финансовый рынок. *Наука, техника и образование*. 2017;9(39):46–50.
21. Егорова М. С., Паршикова О. В. Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятёрки (Б5–10). *Психологические исследования*. 2016;(45):9.
22. Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений. *Вопросы психологии*. 1994;(6):99–109.
23. Стребков Д. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России. *Вопросы экономики*. 2004;(2):109–128.

REFERENCES

1. Bezsmertnaya E. R. Public investments into financial market tools: the current state and prospects of development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2016;6:17–25. (In Russ.).
2. Pryazhnikov N. S., Polevaya M. V., Kamneva E. V. The role of the media in overcoming the resistance of different population groups economic reforms. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017;7(5):63–68. (In Russ.).
3. Yurevich A. V., Zhuravlev A. L., Nestik T. A. The future of psychology and digital revolution: forecasting the development of psychological science and practice. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*. 2018;3(1). (In Russ.).
4. Fry J., Cheah, E-T. Speculative bubbles in Bitcoin markets? An empirical investigation into the fundamental value of Bitcoin. *Economics Letters*. 2015;130:32–36.
5. Shiller R. J. Speculative asset prices. *American Economic Review*. 2014;104:1486–1517.
6. Semenov M. Yu. The attitude of mature people to money. *Psihologicheskij zhurnal*. 2012;33(1):66–72. (In Russ.).
7. Dejneka O. S. Image of money, macro economical aspect. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sociologiya, psihologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*. 1999;4:68. (In Russ.).
8. Dejneka O. S. The dynamic of a macroeconomic component of money image in public consciousness. *Psihologicheskij zhurnal*. 2002;23(2):36–46. (In Russ.).
9. Nikolenko Yu. S. Semantic structure and contents of the image of the Russian ruble and other world currencies. *Zhurnal nauchnyh publikacij aspirantov i doktorantov*. 2007;9. URL: <http://jurnal.org/articles/2007/psih16.html> (accessed 20.09.2016). (In Russ.).
10. Stepanova D. I., Nikolaeva T. E., Ivolgina N. V. Peculiarities of organization and direction of development of cryptocurrency payment systems. *Finansy i kredit*. 2016;10(682):33–45. (In Russ.).
11. Peshcherov A. I. Concept and place of cryptocurrency money system. *Yuridicheskaya mys'*. 2016;95(3):130–138. (In Russ.).
12. Weber B. Bitcoin and the legitimacy crisis of money. *Cambridge Journal of Economics*. 2016;40(1):17–41.
13. Brown S., Taylor K. Household finances and the “Big Five” personality traits. *Journal of Economic Psychology*. 2014;45:197–212.
14. Nyhus E. K., Webley P. The Role of Personality in Household Saving and Borrowing Behaviour. *European Journal of Personality*. 2001;15:85–103.
15. Brandstatter H., Guth W. A psychological approach to individual differences in intertemporal consumption patterns. *Humboldt-university of Berlin discussion paper 57*. 1998. URL: <https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/4399/57.pdf?sequence=1> (accessed 29.03.2018).
16. Webley P., Nyhus E. K. Life-cycle and dispositional routes into problem debt. *British Journal of Psychology*. 2001;92(3):423–446.
17. Mosca I., McCrory, C. Personality and wealth accumulation among older couples: Do dispositional characteristics pay dividends? *Journal of Economic Psychology*. 2016;56:1–19.
18. Sutin A. R., Costa P. T., Miech R., Eaton W. W. Personality and career success: Concurrent and longitudinal relations. *European Journal of Personality*. 2009;23(2):71–84.
19. Lauriola M., Levin I. P. Personality traits and risky decision-making in a controlled experimental task: An exploratory study. *Personality and Individual Differences*. 2001;31(2):215–226.
20. Latysh A. R., Kropin Yu. A. The phenomenon of bitcoin, influence of cryptocurrency on international financial market. *Nauka, tekhnika i obrazovanie*. 2017;9(39):46–50. (In Russ.).
21. Egorova M. S., Parshikova O. V. Validation of the short portrait big five questionnaire (BF-10). *Psihologicheskie issledovaniya*. 2016;9(45):9. URL: <http://psystudy.ru> (accessed 21.02.2018). (In Russ.).
22. Kornilova T. V. Diagnostics of personality factors in decision-making. *Voprosy psihologii*. 1994;6:99–109. (In Russ.).
23. Strebkov D. Basic types and factors of credit behavior of citizens of modern Russia. *Voprosy ekonomiki*. 2004;2:109–128. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-77-83
УДК 33.021(045)

ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЫТА ПЕРЕДОВЫХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРАН ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ*

Морева Евгения Львовна,

канд. экон. наук, заместитель директора Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
ELMoreva@fa.ru

Абдикеев Нияз Мустякимович,

д-р техн. наук, профессор, директор Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия NAbdikееv@fa.ru

Аннотация. Накопленный в передовых индустриальных странах опыт постановки перспективных целей развития промышленности и ее стимулирования представляет особый интерес для нашей страны с учетом стоящих сегодня перед Российской Федерацией задач создания конкурентоспособной, устойчивой, структурно сбалансированной промышленности, особенно – ее обрабатывающего сектора. Это послужило основанием для проведения в рамках настоящей статьи критического анализа опыта передовых индустриальных стран по стимулированию промышленного развития, выявления проблем, с которыми они при этом столкнулись, а также возможностей использования зарубежной практики при разработке и осуществлении курса на промышленное развитие в России.

Такое исследование проводилось на основе опыта стран, устойчиво занимающих первые строки международных рейтингов состояния и перспектив развития промышленности, которые предпринимают сегодня немалые усилия по стимулированию этого сектора, особенно в части обрабатывающей промышленности: США, Германии и Японии. При этом использовались международные статистические источники и базы данных международных организаций ООН, Всемирного банка и др. Для работы с ними применялись общенаучные методы, а также специфические экономические инструменты сравнительной компаративистики. С их помощью были сделаны выводы о целесообразности обращения к ряду средств и методов стимулирования промышленного развития за рубежом при разработке и осуществлении отечественной промышленной политики. К ним, среди прочих, относятся: соблюдение принципов комплексного и сбалансированного воздействия на сектор с учетом его связей со всей общественно-экономической системой; принятие во внимание временных ограничений действия эффектов стимулирования отдельных областей промышленности, особенностей восприятия обществом целесообразности и эффективности такого воздействия и некоторые другие. Все это позволило бы существенно повысить эффективность национальной политики развития отечественной промышленности.

Ключевые слова: промышленная политика; сетевые промышленные структуры; промышленные кластеры; промышленные анклавы; национальная нанотехнологическая инициатива; Индустрия 4.0; Абэномикс; региональные программы инновационного развития промышленности.

* Статья подготовлена по результатам НИР по Госзаданию Финансового университета 2017 года на тему «Совершенствование механизмов государственного регулирования промышленного развития, направленного на повышение конкурентоспособности отечественной продукции».

THE STUDY OF THE EXPERIENCE OF ADVANCED INDUSTRIAL COUNTRIES IN STIMULATION OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT**

Moreva E.L.,

*Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director of Institute of Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
elmoreva@fa.ru*

Abdikeev N.M.,

*Dr. Sci. (Engin.), Professor, Director of the Institute of Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
NAbdikeev@fa.ru*

Abstract. *The experience gained in advanced industrial countries in setting long-term goals for the development of industry and its stimulation is of particular interest for our country, taking into account the challenges facing the Russian Federation today – that is the creation of a competitive, sustainable, structurally balanced industry, especially its manufacturing sector. This served as the basis for the critical analysis of the experience of advanced industrial countries in stimulating industrial development and identifying the problems they faced, as well as the possibility of using foreign practice in the development and implementation of the course for industrial development in Russia. We conducted our study on the basis of the experience of countries consistently occupying the first line of the international ratings as concerns the state and prospects of industry development. Today, the United States, Germany and Japan are making considerable efforts to stimulate this sector, especially in the manufacturing industry. We used international statistical sources and databases of international organizations, UN, the World Bank, etc. General scientific methods, as well as specific economic tools of comparative studies, were used to work with them. On this basis, we drew conclusions about the feasibility of applying a variety of means and methods of stimulation of the industrial development abroad, during the development and implementation of domestic industrial policy. These include, among others: compliance with the principles of integrated and balanced impact on the sector; taking into account its links with the entire socio-economic system; taking into account the time constraints of the effects of stimulation of certain areas of industry, the peculiarities of the society's perception of the expediency and effectiveness of such impact, and some others. All this would significantly improve the effectiveness of the national policy for the development of domestic industry.*

Keywords: *industrial policy; network industrial structures; industrial clusters; industrial enclaves; National Nanotechnology Initiative; Industry 4.0; Abenomics; regional programs of innovations industrial development*

Необходимость создания в Российской Федерации конкурентоспособной, устойчивой, структурно сбалансированной промышленности заставляет обратиться к опыту передовых индустриальных стран по стимулированию развития отраслей, представляющих особый интерес для развития нашей страны. К ним в первую очередь относится обрабатывающая промышленность.

Среди наиболее важных игроков мирового рынка обрабатывающей индустрии в числе передовых индустриальных стран в настоящее время фигурируют США, Япония и Германия¹.

¹ United Nations Industrial Development Organization, 2015. Industrial Development Report 2016. The Role of Technology and Innovation in Inclusive and Sustainable Industrial Development. Vienna.

** The article is based on the results of research on the state task of the Financial University in 2017 on the theme "Improving the mechanisms of state regulation of industrial development aimed at improving the competitiveness of domestic products".

Важность критического анализа такого опыта и выборочного использования его отдельных элементов в рамках собственного курса связана с общей слабостью рыночных отношений и инновационной активности в экономике, анклавным характером обрабатывающих производств, основанных на передовых технологиях, что проявлялось, например, в низкой производительности труда в секторе: –8% от уровня США (<http://www.cittadellascienza.it/cina/wp-content/uploads/2017/02/IoT-ONE-Made-in-China-2025.pdf>) [1, 2].

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ В США (НА ПРИМЕРЕ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

1. Основные направления государственного воздействия на обрабатывающую промышленность конца XX — начала XXI в.

В США при администрации Б. Обамы воздействие на отрасль касалось не только поддержки фундаментальных исследований, но и решения проблемы координации усилий разных стейкхолдеров по созданию новшеств. Основные направления были сформулированы в Рамочной программе оживления американской обрабатывающей промышленности (<https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/microsites/20091216-manufacturing-framework.pdf>):

1. Предоставление занятым на обрабатывающих производствах возможности приобретать навыки, необходимые для высокопроизводительной работы, обеспечивающей конкурентоспособность производимой продукции. Это предполагало совершенствование образовательной системы, дополнительные инвестиции в государственные колледжи (community colleges), в том числе для создания разного рода партнерств с бизнесом и другими образовательными учреждениями, улучшения их оборудования и разработки качественных онлайн-курсов.

2. Инвестиции в разработку новых технологий и управленческих стандартов. Особое внимание при этом уделялось передовым исследованиям с перспективой скорейшего практического освоения. Среди главных направлений господдержки новых технологий выделяли их разработку и внедрение, для чего удваивали бюджеты главных научных учреждений страны; усовершенствовали координацию исследовательских центров, систему налогообложения; усиливали поддержку малого и среднего бизнеса отрасли и т.д.

3. Обеспечение для коммерческих инвестиций стабильных и эффективных рынков капитала и доступа к ним для вновь создаваемых бизнесов; действенный контроль за ними со стороны регулирующих финансовых органов. В целях снижения зависимости от поставок нефти — реализация эффективных решений в рамках Программы кредитования передового машиностроения (Advanced Vehicle Manufacturing Loan Program).

4. Поддержка развития районов расположения обрабатывающей промышленности и проживающих там работников этих производств: смягчение процедуры закрытия предприятий (удлинение уведомительного периода с 60 до 90 дней; согласование решения с местной администрацией; определение возможностей альтернатив решений о закрытии и другие). На основе имеющихся государственных финансово-правовых институтов — оказание поддержки формированию в районах закрывающихся

предприятий (особенно обрабатывающих) новых инновационных кластеров, в том числе в части тренингов и подготовки работников, страхования оплаты труда и сохранения здоровья, поисков работы и др.

5. Развитие передовой транспортной инфраструктуры: капиталовложения в строительство дорог, мостов и иные инфраструктурные объекты; создание специального Банка национальной инфраструктуры для осуществления целевого финансирования; предоставление поддержки производству электрических батарей и иных компонентов для транспортировки электроэнергии; вложение инвестиций в создание специальной инфраструктуры для чистых городов (Clean City Infrastructure), где используется газ, электричество, биотопливо и т.п.

2. Реализация рамочной программы «Сделай это в Америке»

В продолжение и развитие рамочной программы «Сделай это в Америке» администрация предприняла ряд шагов по прямой поддержке роста в обрабатывающей промышленности, увеличению размеров финансирования инноваций и патентования в секторе, обеспечения увеличения занятости в нем, а также стимулирования экспорта:

1. С принятием Акта развития обрабатывающей отрасли в 2010 г. (Manufacturing Enhancement Act) были снижены тарифы на сырье и материалы предприятий сектора, увеличено субсидирование НИОКР, осуществлены инфраструктурные работы.

2. Ориентируясь на принцип «покупай американское», администрация упростила доступ национальных компаний к государственным закупкам.

3. К числу специальных экономико-политических мер относились гранты на разработку батарей следующего поколения, программы кредитования производств передовых движущих средств, развитие нанообработки (Nano manufacturing), финансируемое из средств нанотехнологической инициативы (National Nanotechnology Initiative).

4. В рамках проводимого с 2011 г. стратегического курса и на основании принятого в 2013 г. специального акта (Revitalize American Manufacturing and Innovation Act) было предусмотрено формирование специальной национальной сети институтов для распространения инноваций в обрабатывающем секторе и повышения, таким образом, конкурентоспособности США на глобальных рынках.

Такие институты выступали в качестве региональных хабов, обеспечивающих доконкурентные этапы производства перспективных технологий.

К концу 2015 г., по официальным данным, в стране насчитывалось 7 действующих институтов и еще 2 находились на стадии формирования.

5. Особые инициативы по ускорению освоения новшеств проводили министерство энергетики, Национальный научный фонд и др.

В целом эти меры способствовали развитию сектора и повышению его конкурентоспособности. Судя по опросам мировой бизнес-элиты, к 2020 г. американские предприятия могли стать мировыми лидерами отрасли².

Вместе с тем аналитики указывали и на наличие тревожных сигналов.

По данным института Гэллапа, американские обрабатывающие производства находились в числе индустрий, испытывающих наиболее острые проблемы с квалифицированными кадрами, способными работать с новыми технологиями, что существенно сказывалось на их конкурентоспособности [3].

Исследователи указывали также на непоследовательность государственных усилий в отношении обрабатывающих производств, отсутствие целостного подхода к стимулированию инноваций в нем, необходимость разработки стратегических подходов по меньшей мере на 10-летнюю перспективу.

Под сомнение ставилась сбалансированность государственных усилий и действий бизнеса. Его расходы в связи с исполнением порядка 600 государственных актов в размере 743 млрд долл. считали неэффективными. [4].

Требовалось, по мнению экспертов, изменять методологические подходы к построению государственного курса: дополнять отраслевую политику мерами по развитию всей национальной бизнес-среды, сочетать макро- и микроэкономический инструментарий [5].

С приходом новой администрации в 2017 г. внимание к обрабатывающей промышленности сохранилось. Ее признали стратегически значимой сферой, в которой требовалось продолжать стимулировать инновации в рамках общего экономико-политического курса³ [6].

Президент Трамп заявил о новых планах в отношении обрабатывающих производств:

- необходимости активизации перевода расположенных за рубежом предприятий американских компаний в США;

- о создании на этой основе новых рабочих мест в стране;

- о снижении административного бремени на сектор;

- о поддержке сектора и упрочении его положения в рамках цепочек создания стоимости;

- о поддержке малых и средних предприятий обрабатывающей промышленности;

- об укреплении производственной базы обрабатывающей промышленности и обеспечении ее развития с привлечением к такого рода действиям разных министерств и ведомств.

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО КУРСА ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ

1. Основные институты стимулирования развития обрабатывающей промышленности

К числу наиболее заметных экономико-политических инициатив нынешнего столетия, в том числе и в отношении обрабатывающей промышленности, относится принятая в 2006 г. Стратегия в области высоких технологий (<http://www.bmbf.de>).

Первоначально она фокусировалась на приоритетном развитии образования и науки как главных факторах стимулирования инноваций и дальнейшего укрепления позиций немецкого бизнеса на международных рынках. К числу приоритетных направлений новой политики относилось развитие современных технологий, микро- и нанoeлектроники, оптических и микросистемных технологий (microsystems technology), ИКТ и других.

Обращаясь при этом в первую очередь к обрабатывающим производствам, власти инициировали формирование там стартапов и сетевых структур межотраслевого характера с участием своих представителей, привлекая к участию в них малый и средний бизнес.

Впоследствии, по мере совершенствования и развития стратегии (2010 и 2014 гг.) к перспективным проектам High-Tech стратегии стали относить все новые проекты в сфере высоких технологий. Среди них выделялась платформа Industry 4.0 с участием 250 стейкхолдеров из более чем 100 организаций из разных сфер, а также другие инициативы, нацеленные на стимулирование национальной промышленности к переходу к Индустрии 4.0; промышленному освоению возможностей современных цифровых

² The 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index Deloit, USA.

³ Ensuring Long-Term U.S. Leadership in Semiconductors. REPORT TO THE PRESIDENT. Executive Office of the President President's Council of Advisors on Science and Technology January 2017.

технологий (приложений Big Data и других), в том числе и в отношении малого и среднего бизнеса, а также подготовку для этого новых кадров [7].

Стратегию органично дополняли другие проекты и программы:

1. На активизацию университетских исследований были нацелены исследовательские проекты (The Pact for Research and Innovation), в финансировании которых участвовало государство, а также комплексные меры с участием академических структур по адаптации рабочих процессов к механизации, автоматизации и переводу производств в цифровую оболочку с объемом финансирования до 1 млрд евро к 2020 г.

2. На поддержку и стимулирование инноваций малого и среднего бизнеса была нацелена Главная программа инноваций Федерального министерства экономики и технологий и другие специальные программы, в рамках которых малый бизнес получал доступ к научным исследованиям.

3. На поддержку стартапов нацеливались программные проекты специальных венчурных фондов с участием государства. Они также предполагали формирование на их основе сетей и кластеров, их дальнейшую регионализацию и интернационализацию.

4. На стимулирование экспорта и развитие других внешнеэкономических связей были направлены проекты поддержки немецкого бизнеса на быстрорастущих рынках за рубежом в виде сетевых структур, с участием торговых палат.

Весомый вклад в повышение национальной конкурентоспособности связывали с программами ЕС, среди которых выделялась программа *Horizon 2020* (2014–2020 гг.), а также связанные с ней платформы для финансирования новых проектов. Порядка 86% их средств шли в обрабатывающую промышленность.

2. Результативность принятых мер государственного стимулирования обрабатывающей промышленности

Несмотря на предпринимаемые меры, повышение конкурентоспособности бизнеса сталкивалось с серьезными проблемами:

1. Перспективы укрепления на других зарубежных рынках осложнял сохраняющийся в стране структурный разрыв между товарными производствами и сферой услуг.

2. Патентная активность в обрабатывающей и других знаниеемких отраслях промышленности снижалась (https://www.bmbf.de/pub/BuFi_2016_Short_Version_eng.pdf).

3. Расходы бизнеса на НИОКР, хотя и достигли в 2014 г. рекордных показателей с 2008 г., не сопровождались ростом инноваций (продуктовых и процессных).

Основания для благоприятного положения немецкого бизнеса в международных рейтингах, таким образом, не были прочны. Перед государством стояла задача продолжать поиски новых способов стимулирования развития обрабатывающих производств.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСИЛИЯ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЯПОНИИ

Япония традиционно относится к числу лидеров мировой обрабатывающей промышленности, обеспечивая до 14% всей добавленной стоимости сектора в мире. При этом задачи укрепления его конкурентоспособности, обусловленные проблемами бизнеса адаптироваться к новым условиям хозяйствования из-за развития инновационной экономики и перехода к новым технологическим укладам, в нынешнем столетии все меньше связывали с проведением специальной отраслевой политики и все больше — с поисками эффективного сочетания шагов макро- и микроэкономического характера [8, 9].

1. Условия формирования комплексной политики активизации экономической деятельности

Этому способствовали следующие обстоятельства:

- трудности с результативным преодолением финансового кризиса конца 90-х гг. XX в. и спада производства;
- снижение численности экономически активного населения;
- новые вызовы международной конкуренции.

С 3-го места глобального рейтинга по показателю ВВП на душу населения в 2000 г. Япония переместилась на 23-е в 2008 г., что сопровождалось уменьшением ее доли в мировом производстве с более чем 15% в начале 90-х гг. до менее чем 9% в 2008 г. (<http://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial.html>). Стало необходимо проводить широкие реформы общеэкономического характера.

Взамен отдельных программ продвинутого энергосбережения, специальных мер по активизации промышленности, создания инновационных сетей для стимулирования перехода бизнеса к открытым

инновациям, формирования совместных центров НИОКР с участием бизнеса, академических структур и правительства (с перспективой роста частных инвестиций в НИОКР и доведения уровня совокупных расходов на них к 2020 г. до уровня 4% ВВП) и др., в 2010 г. была объявлена комплексная стратегия экономического роста ("Rebirth of Japan").

Она предполагала:

- налоговую реформу в направлении уравнивания ставок налогообложения с международными уровнями;
- формирование у компаний нового функционала, способного обеспечить им рост добавленной стоимости;
- увеличение доли услуг в продукции обрабатывающей промышленности;
- инвестиции в инфраструктуру;
- распространение высоких технологий;
- обеспечение стране устойчивых поставок энергетических ресурсов из-за рубежа, включая реализацию различных международных инфраструктурных проектов с участием японского бизнеса.

Также планировалось расширить международные операции бизнеса, в том числе малого и среднего. Для этого была разработана специальная программа, увеличено страхование международных операций, предоставлены консультационные услуги.

2. Абеномикс и его влияние на обрабатывающую промышленность

Низкая результативность предпринимаемых усилий обернулась принятием в 2013 г. новой стратегии стимулирования экономического роста и упрочения конкурентоспособности. Известная как курс Абеномикса⁴, она претендовала на эффективное сочетание фискальных и монетарных действий со структурными реформами. Стратегией предусматривалось осуществление разного рода инфраструктурных проектов, наполнение ликвидностью экономики, либерализация рынка труда, изменение норм и условий корпоративного регулирования (налогообложения и других) (http://www.meti.go.jp/english/policy/economy/industrial_competitiveness_act/). Это, в свою очередь, должно было оживить бизнес и помочь обрабатывающему сектору укрепить свои конкурентные позиции.

Однако до настоящего времени принятые меры на дали заметного положительного результата:

- эффект от государственных инвестиций признан незначительным;
- проведенная девальвация йены не привела к существенному росту экспорта, — его более связывали с оживлением американской экономики и стабилизацией китайских рынков;
- крупный бизнес слабо реагировал на низкие ставки банковского сектора, так как обладал собственными свободными ресурсами;
- рост оплаты труда в корпоративном секторе не разогревал потребительские рынки;
- против ожидаемого, государственные расходы продолжали серьезно превышать налоговые поступления, вызывая бюджетные проблемы и трудности продолжения реформирования экономики.

В итоге, на 2017 г. ОЭСР продолжала прогнозировать слабый рост национальной экономики и изменение производительности, которая отставала от средних показателей по ОЭСР⁵.

Скромные результаты Стратегии аналитики связывали с действием различных факторов. В экономико-политическом плане среди них выделяли рассогласованность между осуществлением фискальных и денежных мер, с одной стороны, и структурными преобразованиями — с другой. Отставание с реализацией последних оборачивалось существенным ограничением возможностей правительства для маневра. Кроме того, аналитики указывали на несогласованность текущих и стратегических действий правительства (<http://www.dw.com/en/abes-reform-plan-could-revive-japans-competitiveness/a-17734313>).

Эти проблемы управленческого характера дополняли культурно-экономические особенности японских производств, которые не способствовали быстрым изменениям в поведении корпоративных структур, позволившим бы им по-новому взглянуть на рынки и увидеть в них новые возможности для роста и инновационного развития. Прежние подходы к тому же усугубляли крупные размеры корпоративных организаций, которые тем более затрудняли их мобильность.

Не учитывающая это нынешняя экономическая политика не достигала поставленной цели структурной эмансипации экономики и бизнеса, а вместе с тем оставляла незавершенными и изменения в секторе обрабатывающих производств.

⁴ Словосочетание от фамилии премьер-министра Абе и абеномикс.

⁵ Economic Policy Reforms 2017: Going For Growth, Reform Agenda For 2017. Overview and Country Notes Japan, OECD, 2017, 344 p.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ

С учетом трендов развития мировой экономики в развитых странах совершенствуются механизмы формирования и реализации промышленной политики. Ее приоритеты связаны с развитием перспективных производственных прорывных технологий, поскольку они обладают потенциалом качественного обновления производственных процессов, методов их организации и вовлечения трудовых ресурсов.

Во многих странах разработаны меры поддержки новых производственных технологий. При этом они направлены на развитие конкурентных преимуществ национальных экономик на глобальных рынках [10]. В государственной поддержке сделан акцент не на создании новых структур, а на совершенствовании механизмов и нормативно-правового регулирования. Реализуются два интеграционных подхода: горизонтальный — через сети и вертикальный — посредством связанных производственных систем.

Важными точками приложения усилий становятся:

- 1) соблюдение принципа системности;
- 2) сетевые формы развития, кластеризации и инноваций в целях повышения конкурентоспособности;
- 3) создание консорциумов как одной из наиболее распространенных форм поддержки новых производственных технологий. В их состав входят

компании, университеты, региональные органы власти, сервисные и консалтинговые организации. К особенностям этого типа объединений относятся:

- расширение производства;
 - сетевой тип взаимодействия;
 - партнерство с малым бизнесом, научными и образовательными организациями;
- 4) комбинирование различных инструментов за счет гибкости и многообразия управленческих решений и комплексного характера государственных усилий;

5) мониторинг и диагностический контроль хода реализации инициатив с целью выявления затруднений в их осуществлении и выработки мер корректировки. Диагностический мониторинг отличается от более популярных методов измерения результативности действия мер, исходящих из оценки степени достижения ранее сформулированных целей.

Изложенные выше направления совершенствования промышленной политики в развитых странах при формировании механизмов государственного регулирования для повышения конкурентоспособности отечественной продукции являются, на наш взгляд, перспективными.

Современные усилия этих государств по преодолению актуальных для обрабатывающих производств проблем выявляют ряд принципиальных подходов к формированию и реализации механизмов эффективного государственного регулирования развития отрасли, которые важно учесть и использовать при проведении национальной промышленной политики в России.

REFERENCES

1. Отраслевые инструменты инновационной политики. Иванова Н.И., ред. М.: ИМЭМО РАН; 2016. 161 с.
The sectoral instruments of the Innovation policy. Ivanova N., ed. MOSCOW: IMEMO RAS; 2016.
2. Kennedy S. The Fat Tech Dragon Benchmarking China's Innovation Drive. Center for Strategic & International Studies; 2017.
3. Rothwell J. No Recovery. An Analysis of Long-Term U.S. Productivity Decline. Gallup Gallup, Inc. 2016.
4. Foroohar R. More co-operation between private and public sectors would reshape the economy. URL: <https://www.ft.com/content/9b6ed79a-318c-11e7-9555-23ef563ecf9a>.
5. Di Tommaso M., Tassinari M., Bonnini S., Marozzi M. Industrial policy and manufacturing targeting in the US: new methodological tools for strategic policy-making. *International Review of Applied Economics*. 2017;31(5):681–703.
6. Wade R. The American paradox: the ideology of free markets and the hidden practice of directional thrust. *Cambridge Journal of Economics*. 2017;41:859–880.
7. Pfeiffer S. The Vision of "Industrie 4.0" in the Making — a Case of Future Told, Tamed and Traded. *Nanoethics*. 2017;11(1):107–121.
8. Okazaki T. Industrial Policy in Japan: 70-Year History since World War II Japan. *SPOTLIGHT*. 2017; March/April:57–61.
9. Nishijima S. Japanese industrial policy. *Perspective of the World*. 2012;4(3):73–93.
10. O'Sullivan E., Andreoni A., López-Gómez C., Gregory M. What is new in the new industrial policy? A manufacturing systems perspective. *Oxford Review of Economic Policy*. 2013;29(2):432–462.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-84-92

УДК 327(045)

МЕКСИКА И РЕФОРМА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН: ТРАДИЦИИ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Косевич Екатерина Юрьевна,

научный сотрудник Центра политических исследований, Институт Латинской Америки РАН (ИЛА РАН),
Москва, Россия

ekaterina.kosevich@gmail.com

Аннотация. Мексика является одной из влиятельных региональных держав, авторитет которой незыблем в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. Активным и заметным было участие этого государства в процессе развития Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности ООН как системы баланса политического веса великих держав. В статье автор доказывает, что традиции и преемственность, всегда имеющие приоритет во внешнеполитическом курсе Мексики, обеспечивают стабильность деятельности в рамках ООН. Значимость данного исследования обусловлена проведенным анализом научных трудов зарубежных ученых, посвященных изучению определенных проблем, различных аспектов участия Мексики в системе ООН. В статье дается характеристика членства Мексики в Совете Безопасности ООН и основных достигнутых результатов за периоды ее деятельности в этом политическом органе. Рассматривается современная позиция Мексики по вопросу модернизации Совета Безопасности ООН, включающая в себя ряд пунктов. На примерах конфликтов в Косово, Ираке и войны в Сирии доказываем, что Мексика неизменно отстаивала свою позицию в отношении абсолютной защиты принципов невмешательства и транспарентности. Неизменность занятой позиции и уважение к международному праву прослеживаются в ряде направлений участия Мексики в работе Организации Объединенных Наций, подтверждая, тем самым, что эта страна при любых изменениях политической конъюнктуры не будет подчиняться сиюминутным интересам.

Ключевые слова: Мексика; Организация Объединенных Наций; Совет Безопасности ООН; международные организации; Латинская Америка; безопасность; политика; модернизация

MEXICO AND REFORM OF THE UNITED NATIONS SECURITY COUNCIL: TRADITIONS, CONTINUITY AND PERSPECTIVES

Ekaterina Yu. Kosevich,

A researcher at the Center for Political Studies of the Latin American Institute of RAS, Russia, Moscow

Ekaterina.kosevich@gmail.com

Abstract. Mexico is one of the most influential regional powers, whose authority is unshakable in Central America and the Caribbean. Active and visible was the participation of this state in the development of the United Nations and the UN Security Council, as a system of balance of political weight of the great powers. In this article, the author proves that traditions and continuity, which always have priority in the foreign policy of Mexico, ensure the stability of its activity within the UN. The significance of this study is due to the analysis of scientific works of foreign

scientists devoted to the study of certain problems, various aspects of Mexico's participation in the UN system. The author describes Mexico's membership in the UN Security Council and the main results achieved during the period of its activity in this political body. Further, I considered the current position of Mexico on the modernization of the UN Security Council, which includes a number of issues. The conflicts in Kosovo, Iraq and the war in Syria demonstrate that Mexico has consistently defended its position on the absolute protection of the principles of non-intervention and transparency. The permanence of the position taken and the respect for international law can be seen in a number of areas of Mexico's participation in the work of the United Nations, thus confirming that the country will not be subject to immediate interests in any changes in the political environment.

Keywords: Mexico; United Nations; UN Security Council; international cooperation; international organizations; Latin America; security; politics; modernization

Более семи десятилетий участия Мексики в Организации Объединенных Наций (как несущей конструкции системы глобальной безопасности в современном мире) характеризуются строгим следованием основным принципам международного права с момента создания этой организации (<http://www.onu.org.mx/>). Именно соблюдение норм международного права ставилось Мексикой во главу, а следование этому негласному правилу гарантировалось всеми без исключения мексиканскими администрациями. Как и десятилетия назад, сегодня Мексика продолжает оставаться одним из государств — лидеров Латинской Америки, одновременно вынуждая прислушаться к своему мнению и другие влиятельные державы вне своего региона. Россия также стремится последовательно развивать сотрудничество с Мексикой в самых различных областях, успешно выстраивая политический диалог и совершенствуя договорно-правовую базу отношений.

На сегодняшний день ряд специалистов в области международных организаций отмечают падение интереса к ООН, что вызвано развитием процессов регионализации и интеграции. Позиция же Мексики касательно реформы Совбеза вообще мало изучена, несмотря на ее актуальность. А вследствие политики Трампа в ближайшее время со стороны Мексики предвидится основательная работа над упрочением своих международных позиций.

ООН, занимающая центральное место в системе международных организаций межправительственного типа, изначально была призвана решать международные проблемы, а в XXI в. сама столкнулась с трудностями, ставящими под сомнение ее существование в будущем. Это достаточно закономерно, ведь с момента ее создания прошло уже более 70 лет. Международные отношения после Второй мировой войны претерпели разносторонние преобразования, что, в свою оче-

редь, вынуждает измениться и саму ООН, чтобы соответствовать современным международным реалиям. Реформирование ООН включает в себя сразу несколько направлений, первостепенным из которых является именно реформа Совета Безопасности. Такие страны, как Китай, Южная Корея, Индия, Чили, ЮАР, Бразилия, а также Мексика начиная с 1970-х гг. стали оказывать возрастающее влияние на мировую экономику и политику, все настойчивее говоря о необходимости большей представительности развивающихся государств в Совете Безопасности.

Мексика стала одной из 50 стран — учредителей ООН. Ее делегация, представленная Эзекелем Палильа, Мануэлем Тельо и Франсиско Кастильо Нахера, подписала 26 июня 1945 г. Устав Организации Объединенных Наций. До этого Мексика вместе с другими латиноамериканскими странами участвовала в обсуждении всесторонних инициатив на Чапультепекской Конференции 1945 г. [1]

Еще на стадии формирования организации Мексика разработала свой собственный проект Устава ООН, некоторые положения которого впоследствии были предложены в качестве поправок на конференции в Сан-Франциско, где она стала частью специальной группы из десяти стран, разработавших структуру и полномочия главных органов организации (<http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>). Проект, предложенный Мексикой (в отличие от представленного позже на конференции в Думбартон-Оксе), закреплял возможность Генеральной Ассамблеи накладывать карательные санкции за нападения, совершенные крупными державами; исключал отказ от признания юрисдикции Международного Суда ООН; требовал включения норм международного права в конституции всех стран-участниц, а также отказа от механизма вето. Примечательно, что именно призыв к изменению п. 3 ст. 27 Устава ООН исключить право вето, прозвучавший со стороны Кубы

на первой сессии Генеральной Ассамблеи в 1946 г., стал первоначальной попыткой к реформированию ООН [2].

Участие Мексики в формировании непосредственно ООН было достаточно скромным, чего нельзя сказать об ее весомом содействии в создании Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL*) как регионального подразделения ООН. Экономический и Социальный Совет ООН в 1948 г. создал пять региональных экономических комиссий для оказания помощи и сотрудничества с правительствами стран региона в области исследований и анализа региональных и национальных экономических проблем [3]. Целевыми регионами указанных пяти комиссий стали Европа, Африка, Азия и Тихий океан, Западная Азия (Ближний Восток) и Латинская Америка, подразделение которой, CEPAL, в итоге оказалось самым активным и достигло наиболее высокого влияния на мировом уровне¹.

Кроме того, Мексика принимала активное участие в формировании ЮНЕСКО, став первым латиноамериканским государством, подписавшим его устав в ноябре 1946 г. За 70 лет участие Мексики в этой организации стало стратегическим. Цели и принципы ЮНЕСКО (а именно укрепление мира и прогресса посредством образования, науки, культуры и коммуникаций) совпадают с пятью целями Национального плана развития Мексики на период 2013–2018 гг. В 2015 г. Мексика предложила создание Международной группы экспертов по проблемам водных ресурсов в рамках Международной гидрологической программы ЮНЕСКО, а также активно участвовала в деятельности Международного координационного совета программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера».

Традиционно строгое соблюдение принципов невмешательства во внутренние дела других государств, мирного разрешения конфликтов и самоопределения народов выделяет Мексику из всего списка стран — членов ООН. Ее убеждения были воплощены в рожденной мексиканской диплома-

тией еще в 30-х гг. XX в. Доктрине Эстрады², по сей день безоговорочно соблюдаемой мексиканскими администрациями. Доктрина неформального признания правительств, выдвинутая министром иностранных дел Мексики Хенаром Фэдиксом Эстрадой, закрепила идею о том, что признание правительства данной страны не требует особого акта иностранных государств. А возникновение нового правительства ставит перед участниками международного общения лишь вопрос о том, вступать ли с ним в дипломатические отношения.

Доктрина Эстрада, отвечающая общепризнанным принципам декларативной концепции признания, применительно к ООН впоследствии получила воплощение в форме Доктрины Тельо. В соответствии с ней присутствие Мексики в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН неизбежно должно было повлечь за собой втягивание ее в международные конфликты, а занятие мексиканскими дипломатами определенных позиций по конкретным вопросам — привести к возникновению разногласий и спорных моментов в отношениях с Соединенными Штатами. Инициатор данной доктрины Мануэль Тельо, бывший постоянный представитель Мексики при ООН, не только резко возражал против участия страны в Совете Безопасности ООН, но и решительно не принимал выдвигаемые в 90-гг. XX в. аргументы Германии и Японии за увеличение числа постоянных членов этого органа [4, 5].

Тем не менее в итоге Мексика уже четыре раза была выбрана непостоянным членом Совбеза ООН: в 1946 г. — при президенте Мигеле Алемане Вальдесе, с 1980 по 1981 г. — при Хосе Лопесе Портильо, с 2002 по 2003 г. — при Висенте Фоксе, а также с 2009 и по 2010 г. — при Фелипе Кальдероне. Первое членство Мексики в 1946 г. было представлено Рафаэлем де ла Колина, который активно поддерживал процесс деколонизации, особенно в Африке, а также принятие в эту организацию новых членов. Однако проходившая на тот момент эволюция самого ООН, как и работа Совбеза, вскоре разочаровала Мексику. Напряженность между Востоком и Западом и развязывание холодной войны не позволили, чтобы Совет в полной мере реализовал полномочия, возложенные на него

¹ CEPAL в Мехико стал центром, который консультирует правительства в регионе в области проектирования, разработки, мониторинга и оценки государственной политики, а также обеспечивает повышение квалификации государственных служащих. В Мексике субрегиональная штаб-квартира этого органа была создана еще в 1951 г., и ее деятельность охватывала десять латиноамериканских стран: Коста-Рику, Кубу, Сальвадор, Гватемалу, Гаити, Гондурас, Никарагуа, Панаму, саму Мексику и Доминиканскую Республику.

² Доктрина Эстрада в основном была направлена против использования института признания правительств для вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран со стороны США и ряда других государств. Впоследствии она нашла свое закрепление в ст. 12 Устава Организации американских государств.

Уставом ООН, такие как предотвращение войн, создание условий для мирных отношений между государствами и международного сотрудничества (<http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>). На тот момент в деятельности Совбеза полностью отсутствовала практика взаимных уступок и компромиссов ввиду нарастающей холодной войны.

В 1947 г. Мексика настояла на том, чтобы споры между крупными державами, угрожающие миру и безопасности на планете, подпадали под рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, объясняя это тем, что подобное смогло бы стать единственным способом, позволяющим Организации Объединенных Наций эффективно содействовать мирному урегулированию споров, особенно тех, куда вмешались крупные мировые державы [2, 6]. Пользуясь своим положением непостоянного члена Совета, Мексика проголосовала против закрепления процедуры наложения вето, впоследствии все же одобренной. В итоге признание послевоенных реалий и сокращение свободы действия малых и средних государств, стремящихся привнести свой вклад в дело сохранения мира, привели к тому, что Мексика решила воздержаться на более чем три десятилетия от участия в работе Совета Безопасности³.

Второе председательство Мексики в Совбезе пришлось на период с 1980 по 1981 г., и его возглавлял Порфирио Муньос Ледо. Решение об участии в Совете стало одним из самых значимых для Мексики за это десятилетие ввиду нового витка развития мексиканской внешней политики, начавшегося с конца 70-х гг. В тот период глубокой нестабильности на Ближнем Востоке Мексике был присвоен статус «заявляющей о себе державы» с обширной нефтяной картой. В этой связи мексиканский президент Хосе Лопес Портальо в 1979 г. выступил на 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложением о реализации Всемирного энергетического плана, краеугольным камнем которого стало подписание между

Мексикой и Венесуэлой в 1980 г. Соглашения Сан-Хосе на поставку нефти по привилегированным ценам в страны Центральной Америки и Карибского бассейна. Однако этот период непостоянного членства Мексики в Совете Безопасности вновь совпал с критической фазой мировой политики, вызванной ростом политического противостояния между США и СССР и характеризовавшейся полным отсутствием диалога и разрастающейся конфронтацией. В течение своего представительства Мексика осуждала действия правительств и Соединенных Штатов, и Советского Союза. Мексиканцы проголосовали против вооруженной интервенции СССР в Афганистане (посчитав подобные действия нарушающими нормы международного права и способствующими созданию атмосферы биполярной конфронтации), а также против развертывания США своих ракет в странах Западной Европы.

Давая характеристику непостоянному членству Мексики в Совбезе в течение периодов с 2002 по 2003 г. и с 2009 по 2010 г. после ее почти двадцатилетнего неучастия, можно отметить, что эта страна вновь попыталась заявить о себе как о государстве, активно способствующем предотвращению конфликтов и мирному урегулированию угроз миропорядку. Мексиканское правительство не поддержало предложенный США проект резолюции по вторжению в Ирак в 2003 г., что в итоге привело к ссоре с администрацией Джорджа Буша (<https://www.gob.mx/sre>). Мексика совместно с Чили выступила против принятия предложенной США и Британией «второй резолюции», угрожающей «серьезными последствиями», если Ирак не подчинится режиму работы новых инспекций вооружения. Мексика, будучи ближайшим соседом США среди всех стран Латинской Америки и в значительной степени зависимая от него экономически, безапелляционно продемонстрировала свое нежелание обеспечить политическое прикрытие всеобщей капитуляции перед Вашингтоном в иракском вопросе в отличие от других членов Совета. Вместо того чтобы «подстроиться» под Соединенные Штаты с целью получения еще больших дивидендов, Мексика наглядно показала, что при однополюсном миропорядке можно и не заискивать перед США, поддерживая его преступления против других стран, а соблюдение моральных принципов может быть совместимо с большой политикой [7, 8].

В течение своего последнего участия в Совбезе, в период с 2009 по 2010 г., Мексика продолжила

³ Совет Безопасности состоит из 5 постоянных членов и 10 непостоянных. Постоянные — Россия, США, Великобритания, Франция и Китай. Непостоянные члены назначаются в порядке ротации по процедуре ст. 23 Устава. Генеральная Ассамблея избирает непостоянных членов, обращая внимание в первую очередь на степень участия кандидата в делах организации по поддержанию мира и безопасности и в реализации других целей ООН. Потом учитывают справедливое географическое представление. Количество членов Совета увеличилось с 11 до 15 вследствие реформы 1964 г.

активную политику, призывающую к разрешению международных споров мирными средствами, следуя нормам международного права. За этот двухлетний период Мексика стремилась привлечь внимание международного сообщества к проблеме стабилизации ситуации в Гаити, положения детей при вооруженных столкновениях, а также указывала на важность переговоров в деле предотвращения и разрешения конфликтов.

На протяжении десятилетий ООН играла важную роль как в укреплении имиджа Мексики на мировой арене, так и в повышении ее международного авторитета. А руководители Мексики неизменно демонстрировали свою поддержку данной организации в вопросе соблюдения норм и принципов международного права [9]. В подтверждение вышесказанного можно привести признание Мексикой еще в октябре 1947 г. обязательной юрисдикции Международного Суда ООН. А в 1983 г. администрация Мексики в лице министра иностранных дел Бернардо Сепульведа Амора (впоследствии с 2012 по 2015 г. занимавшего пост вице-президента Международного Суда) приняла активное участие в Контадорской группе, где правительства Мексики, Колумбии, Панамы и Венесуэлы объединили свои дипломатические усилия в достижении мира путем переговоров между пятью странами Центральной Америки, что привело к разблокированию конфликтной ситуации.

На региональном уровне мексиканцы активно участвовали в мирных процессах в рамках «Группы друзей», созданной Генеральным секретарем ООН, в целях поиска мирных путей разрешения политических конфликтов. Мексика внесла свой вклад в переговоры между правительством Сальвадора и Фронтом национального освобождения имени Фарабундо Марти (от. исп. Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional, FMLN), результатом которых стало подписание Соглашения о мире замка Чапультепек (от. исп. Acuerdo de Paz del Castillo Chapultepec) в 1992 г., а также в переговоры между правительством Гватемалы и Гватемальским национальным революционным объединением (от. исп. Unidad Revolucionaria Nacional Guatemalteca, URNG), которые закончились подписанием в Мексике в 1995 г. Глобального соглашения о мире. Кроме того, в 1994 г. Мексика стала членом «Группы друзей» по Никарагуа, а также участвовала в урегулировании многолетнего конфликта между правительством Колумбии и Революционными вооруженными силами Колум-

бии (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC), конец которому был положен в 2016 г.

Как уже говорилось, с момента создания ООН стала действовать новая система международной безопасности, центральное место в которой было отведено Совету Безопасности [10]. Тем не менее за всю историю деятельности ООН был накоплен целый комплекс проблем, который позволяет говорить о наступившем кризисе организации и необходимости ее реформирования. Инициативы о реформе Совбеза высказывались еще с момента создания ООН, но после завершения биполярного противостояния они зазвучали более уверенно. Характерно, что в группу развивающихся стран, выступившую еще в 1979 г. с инициативой о включении в повестку дня 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН пункта о справедливом представительстве в Совете Безопасности и расширении его членского состава, входили Аргентина и Гайана.

Впервые в задокументированной форме вопрос о реформе Совета Безопасности был поднят в резолюции Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1993 г., где говорилось о необходимости его большей представительности и подотчетности (<http://www.un.org/documents/ga/res/48/a48r026.htm>). Также там впервые прозвучали идеи о расширении членского состава Совета Безопасности, в частности, самая острая и наиболее критикуемая — о расширении категории постоянных членов Совбеза. Этот документ постановил начать процесс консультаций с тем, чтобы прийти к справедливой географической представленности всех регионов в этом органе, что должно было обеспечить повышение его эффективности [11].

Именно с начала 90-х гг. резко возросло количество разного рода инициатив и предложений по реформе ООН, большинство из которых заостряли внимание на теме управляемости глобальными процессами [12]. Вопрос реформирования оставался одной из центральных задач международной повестки дня Мексики в течение последних десятилетий. Несмотря на принятые ранее нововведения (такие как увеличение числа членов Совета Безопасности с 11 до 15 за счет роста числа непостоянных членов с 6 до 10 с сохранением неприкосновенности права вето 5 постоянных членов Совета Безопасности), они так и не изменили положения большинства государств, входящих в ООН. И это вызывало обоснованную критику со стороны развивающихся стран. Заметную роль в призыве к реформе Совбеза ООН сыграли именно латиноамериканские страны.

Важно отметить, что в рамках обсуждения «Группой Рио» на саммите в г. Асунсьон в 1997 г. вариантов возможного реформирования Совбеза, латиноамериканские государства приняли решение самим определить кандидатуру от своего региона на место нового постоянного члена Совбеза. В качестве претендентов от Латино-Карибской Америки рассматривались Мексика, Аргентина и Бразилия. Однако Группе так и не удалось прийти к общему знаменателю в этом вопросе, тем самым она подтвердила свою разобщенность на уровне региона (http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/177282/A_C.3_52_SR.38-RU.pdf?sequence=5&isAllowed=y). Подходы латиноамериканских государств к преобразованию Совета Безопасности окончательно назрели лишь к 2000 г. и были озвучены на Саммите тысячелетий, главная идея которого заключалась в корректном отражении реалий нового времени (<http://tass.ru/politika/2254950>). В сентябре 2003 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан выступил с предложением о создании Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам для выработки идей реформирования Организации в XXI в., которая в своем докладе изложила новый взгляд на систему коллективной безопасности в XXI в. (http://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml_resume.shtml). В этом документе впервые была закреплена острая необходимость реформирования Совета Безопасности ввиду того, что мир сталкивается с новыми угрозами, которые даже невозможно было предвидеть в 1945 г. А главная причиной кризиса ООН заключается именно в неспособности своевременно реагировать на новые и еще формирующиеся угрозы.

Тем не менее до сих пор к единому знаменателю по этому вопросу государства прийти не смогли из-за непримиримых противоречий между двумя группами стран, отстаивающих две противоположные позиции по реорганизации.

Первая группа стран придерживается мнения о том, что число постоянных членов Совета следует увеличить. Идею создания новых постоянных мест в Совете Безопасности поддерживает «группа четырех», в которую с 2004 г. вошли Германия, Япония, Индия и Бразилия. Эти четыре государства предлагают увеличить состав Совета Безопасности до 25 членов, а именно, число постоянных членов увеличить с 5 до 11, а непостоянных с 10 до 14. Соответственно, 4 из 6 новых постоянных мест будут распределены между самой «группой четырех» посредством квотно-континентального

принципа: два места — Африке, два — Азии (для Японии и Индии), одно — Европе (для Германии), одно — Латинской Америке (для Бразилии). Стоит отметить, что Мексика наряду с Аргентиной, которая во многом разделяет мексиканскую позицию по реформе Совбеза, болезненно реагирует на претензии Бразилии в ее намерении стать постоянным членом Совбеза, противопоставляя этому свое предложение об альтернативном членстве государств Латиноамериканского региона в этой организации. Это обосновывается тем, что Бразилия является единственной португалоязычной страной в Латинской Америке, что не позволяет ей полноценно представлять интересы испаноязычного региона [13, 14]. Существенную роль в возникшем противостоянии мнений играет соперничество между Мексикой и Бразилией за лидерство в регионе, заставляющее эти государства занимать противоположные позиции.

Вторая же группа выступает за увеличение численного состава только за счет непостоянных членов. В число стран организации под названием «Объединившиеся ради консенсуса» (ранее — Coffee Club) наряду с Италией, скандинавскими странами, Испанией, целым рядом азиатских стран (включая Пакистан и Малайзию) входит и Мексика. «Объединившиеся» выступают за ограничение, а в лучшем случае за отмену права вето — позицию, особенно активно поддерживаемую Мексикой еще со времен формирования данной организации, а также за расширение общего числа членов с 15 до 25 путем выделения еще 10 мест для непостоянных членов. Преимуществом этой системы является то, что новые члены будут выдвигаться регионами, исходя из справедливого географического распределения мест. Реформирование группы постоянных членов Совбеза расширит влияние непостоянной группы, предоставив ей возможность дольше участвовать в деятельности этого органа (тем самым укрепляя доверие), что способно привести к улучшению его работы на региональном и глобальном уровнях.

Предлагаемый Мексикой подход предусматривает повышение транспарентности решений Совбеза, придание им большей легитимности, изучение практики применения права вето, а также обеспечение скоординированности действий Совета с другими органами ООН, и в особенности с Генеральной Ассамблеей [15, 16]. Увеличение же числа постоянных членов Совбеза, по мнению Мексики, может ограничить доступ в него других государств, а также обострить противоречия

между его членами. «Наша страна выступает за появление в составе организации новых членов, которые могли бы участвовать в деятельности Совета Безопасности на протяжении более длительного времени с возможностью немедленного переизбрания. Это позволит некоторым государствам заручиться более длительным присутствием в составе Совета, сохраняя принцип подотчетности через очередные выборы», — отмечает мексиканский МИД (www.sre.gob.mx/onu/).

Сама же Мексика предлагает расширить Совет с 15 государств до 26, чтобы в него вошли, помимо пяти постоянных членов, 6 стран — от Африки, 5 — от Азии, 4 — от Латинской Америки и Карибского бассейна, 3 — от Западной Европы, 2 страны — от Восточной, а также один представитель малых развивающихся государств. Современная позиция Мексики по вопросу модернизации Совета Безопасности ООН, сформировавшаяся за сроки правления предыдущих администраций, преемственность которой сохранилась и при Пенья Ньето, включает в себя ряд следующих пунктов [17, 18].

Во-первых, введение принципа немедленного переизбрания непостоянных членов, что будет гарантировать более частое и более продолжительное участие тех государств, которые готовы играть активную роль в решении важнейших вопросов повестки, и в особенности, в поддержании международного мира и безопасности. По мнению МИД Мексики, расширение Совбеза более объективно отразит новые глобальные геополитические реалии и произошедший рост числа членов ООН с 51 государства-члена в 1945 г. до 193 стран в настоящее время (<http://www.un.org/ru/sections/member-states/growth-united-nations-membership-1945-present/index.html#2000-Present>).

Во-вторых, Мексика продолжает занимать активную позицию по регламентированию права вето и анализу методов работы, которым должна подвергаться деятельность 5 постоянных членов Совета Безопасности. В своем выступлении в рамках 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Энрике Пенья Ньето вновь заявил о неприемлемости использования права вето исключительно для национальных целей, продемонстрировав следование своей страны традициям в этом вопросе [19].

И, в-третьих, необходимость отчетности непостоянных членов, стремящихся к переизбранию, о своей деятельности в Совбезе [20, 21].

Вопрос о транспарентности работы Совета Безопасности применительно к проблеме леги-

тимности ряда его решений уже стал одним из первостепенных для некоторых латиноамериканских государств, в частности для Мексики. Мексиканцы неизменно выступали за повышение транспарентности Совбеза касательно обнародования результатов консультаций и приглашения к участию в обсуждениях представителей других региональных организаций и гражданского общества в целом. На 54-й сессии Генассамблеи ООН в отношении косовского кризиса представитель Мексики выразил беспокойство в связи с незнанием мировым сообществом причин, которые привели к «маргинализации Совбеза» в улаживании конфликта в Косове, так как рассмотрение вопроса проходило не только за закрытыми дверями, но и велось в обстановке полной секретности в узком кругу постоянных членов [22].

А в 2016 г. правительство Мексики выступило с поддержкой принятия резолюции 2328 Совета Безопасности ООН (2016), выдвинутой Францией, в которой гарантируется немедленный и неограниченный доступ к оборудованию для мониторинга со стороны ООН за процессом эвакуации гражданского населения из г. Алеппо, а также за соблюдением принципов международного гуманитарного права. Важно отметить, что начиная с 2011 г. Совбез наложил вето на шесть проектов резолюций по сирийскому конфликту. И в этой связи начиная с 2014 г. Мексика совместно с Францией продвигает инициативу об ограничении использования постоянными членами Совбеза ООН права вето в отношении преступлений против человечности или военных преступлений. А к 2017 г. ее стали поддерживать уже более 110 стран (<https://www.gob.mx/sre/prensa/mexico-celebra-la-adopcion-de-medidas-por-el-consejo-de-seguridad-de-la-onu-para-hacer-frente-a-la-crisis-humanitaria-en-alepo-siria?idiom=es>).

За последние годы Мексика стала инициатором проведения пяти публичных дебатов по вопросам укрепления примирительных процедур. Мексиканцы организовали интерактивные диалоги, которые способствовали стабилизации кризисных ситуаций на Шри-Ланке и в Кыргызстане. Страна председательствовала в Комитете по санкциям по Сомали и Эритрее, а также в Комитете 1540, выступающем против распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и их компонентов, а также в Рабочей группе по проблеме участия детей в вооруженных конфликтах. В рамках этой Рабочей группы Мексике удалось согласовать Резолюцию 1882 (2009), которая рас-

ширила круг вопросов, подлежащих разбирательству, включив в них случаи убийства и нанесения увечий детям в условиях вооруженного конфликта, изнасилования и другие методы, используемые для принуждения детей к участию в военных действиях, либо в качестве формы коллективного наказания ([http://www.refworld.org.ru/type, RESOLUTION,,,4aa1293a2,0.html](http://www.refworld.org.ru/type,RESOLUTION,,,4aa1293a2,0.html)).

Традиционно Мексика активно и решительно участвовала в процессе развития ООН, из поколения в поколение неизменно отдавая дань уважения принципам международного права. И в качестве наиболее полной характеристики этих отношений стоит привести цитату, произнесенную 24 октября 2000 г. тогдашним министром иностранных дел Мексики Росарио Грин на церемонии празднования 55-й годовщины вступления в силу в 1945 г. Устава Организации Объединенных Наций: «Мексика всегда стремилась к укреплению ООН, особенно потому, что считала, что эта организация смогла добиться более справедливого международного порядка, выполняя роль форума, где путем консультаций

и диалога находятся совместные пути разрешения глобальных проблем. И именно в рамках этой организации Мексика нашла благоприятную среду для своего влияния на построение современного мирового порядка» (<http://www.unesco.org/new/es/mexico/communities/united-nations-system-in-mexico/mexico-to-the-united-nations/>).

Мексиканская международная политика продолжает базироваться на принципах справедливости, равенства и соблюдения норм международного права, стремясь навести мосты при поиске ответов на новые вызовы времени между развитыми и развивающимися государствами [23]. Как на современном этапе, так и в прошлом эта страна активно выступала и, несомненно, будет выступать за преимущественную силу международно-правовых норм и принятых государствами международных обязательств перед их национальными интересами. Можно с уверенностью сказать, что Мексика при любых изменениях политической конъюнктуры не будет подчиняться мимолетным интересам, что характеризует ее как стабильного партнера для сотрудничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисов К.Г. Международные организации. История создания, структура и деятельность Организации Объединенных Наций. М.: Изд-во УДН; 1967. 127 с.
2. Морозов Г.И. Организация Объединенных Наций. Основные международно-правовые аспекты структуры и деятельности. М.: Изд-во ИМО; 1962.
3. Farer T. Political and economic coercion in contemporary international law. *American Journal of International Law*. 1985;(2):403–428.
4. Barnett M., Finnemore M. Rules for the World. International Organizations in Global Politics. London: Cornell University Press; 2004. 41 p.
5. David M. Malone. Unilateralism and U.S. Foreign Policy: International Perspectives. Boulder, Colo.: Lynne Rienner; 2003.
6. Броунли Ян. Международное право. Тункина Г.И., ред. М.: Прогресс; 1977. 132 с.
7. Joseph E. Nye Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. New York: Oxford University Press; 2002.
8. Ziring Lawrence, Robert E. Riggs, Jack C. Plano. The United Nations: International Organization and World Politics, 3rd ed. Orlando, Fl., Harcourt College Publishers; 2000.
9. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут; 2015. 1004 с.
10. Заемский В.Ф. Новейшая история реформы ООН. М.: МГИМО-Университет; 2008, 84 с.
11. Thomas G. Weiss. The Illusion of UN Security Council Reform. *The Washington Quarterly*. 2003;(2):147–161.
12. Rotfeld A.D. New political act for the United Nations for the 21st century: proposals and concepts. Warsaw: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs; 2004.
13. Сударев В.П. Латинская Америка: новые геополитические вызовы. М.: МГИМО-Университет; 2015.
14. Groom A.J.R. Theories of international organizations; some note on the literature. *International organization. A conceptual approach*. New York; 1978:347–356.
15. Кривчикова Э.С. Некоторые теоретические аспекты проблемы ответственности международных организаций. *Ученые записки МГИМО*. 1972;(3):4–22.
16. Haas E.B. Types of Collective Security: An Examination of Operational Concepts. *American Political Science Review*. 1995;(1):40–62.

17. Padilla E. Secretaría de Relaciones Exteriores. Discursodel Secretario de Relaciones Exteriores de México durante los debates de la Conferencia de San Francisco. Política Exterior de México, 175 años de historia. Archivo Histórico Diplomático Mexicano. México; 1985;(III).
18. Preston J. The politics of world federation, United Nations, UN reform, atomic control. Westport, Praeger; 2004.
19. Косевич Е.Ю. Кризис президентского срока Энрике Пеньи Ньето. Причины превращения в «хромую утку» раньше времени. *Латинская Америка*. 2017;(4):45–58.
20. Smith C. Politics and Process at the United Nations. The Global Dance. Boulder, London; 2006.
21. Bhagwati J. Why International Assistance Does Not Alleviate Poverty. *Foreign Affairs*. 2010;(89):120–125.
22. Regueiro Dubra R. Diferencias y similitudes entre los casos de Kosovo y Osetiadel Sur según el Derecho internacional. Defensa y Globalización. *Granada*. 2012;(2).
23. Косевич Е.Ю. Мексика: Стратегия безопасности и борьбы с организованной преступностью. *Iberamerica*. 2017(1):74–95.

REFERENCES

1. Borisov K. G. International organizations. History of the creation, structure and activities of the United Nations. Moscow: UDN Publ.; 1967, 127 p. (In Russ.).
2. Morozov G. I. United Nations. Basic international legal aspects of structure and activity. Moscow: IMO Publ.; 1962. (In Russ.).
3. Farer T. Political and economic coercion in contemporary international law. *American Journal of International Law*. 1985;80(2):403.
4. Barnett M., Finnemore M. Rules for the World. International Organizations in Global Politics. London: Cornell University Press; 2004:41.
5. Malone D. M. Unilateralism and U.S. Foreign Policy: International Perspectives. Boulder: Colo; 2003.
6. Brounli Yan. International law. G. I. Tunkina Ed. Moscow: ProgressPubl.; 1977. 32 p. (In Russ.).
7. Nye Jr. Joseph E. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. New York: Oxford University Press; 2002.
8. Ziring Lawrence, Riggs Robert E., Plano Jack C. The United Nations: International Organization and World Politics. 3rd ed. Orlando, Fl.: Harcourt College Publishers; 2000.
9. Velyaminov G. M. International Law: Experiences. Moscow: Statut Publ.; 2015. 1004 p. (In Russ.).
10. Zaemskiy V. F. The latest history of the UN reform. Moscow: MGIMO Publ; 2008. 84 p. (In Russ.).
11. Weiss Thomas G. The Illusion of UN Security Council Reform. *The Washington Quarterly*. 2003;26:147–161.
12. Rotfeld A. D. New political act for the United Nations for the 21st century: proposals and concepts. Warsaw: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs; 2004.
13. Sudarev V. P. Latin America: New geopolitical challenges. Moscow: MGIMO-University; 2015. (In Russ.).
14. Groom A. J. R. *Theories of international organizations; some note on the literature*. International organization. A conceptual approach. N.Y.; 1978:347–356.
15. Krivchikova E. S. Some Theoretical Aspects of the Problem of the Responsibility of International Organizations. *Uchenyie zapiski MGIMO*. 1972;3:4–22. (In Russ.).
16. Haas E. B. Types of Collective Security: An Examination of Operational Concepts. *American Political Science Review*. 1995;49(1):40–62.
17. Padilla E. *Discurso del Secretario de Relaciones Exteriores de México durante los debates de la Conferencia de San Francisco*. Política Exterior de México, 175 años de historia. Archivo Histórico Diplomático Mexicano. México; 1985;(III).
18. Preston J. The politics of world federation, United Nations, UN reform, atomic control. Westport: Praeger; 2004.
19. Kosevich E. Yu. The crisis of the presidential term Enrique Peña Nieto. The reasons for turning into a “lame morning” ahead of time. *Latinskaya Amerika*. 2017;4:45–58. (In Russ.).
20. Smith C. Politics and Process at the United Nations. The Global Dance. Boulder, London: Lynne Rienner; 2006.
21. Bhagwati J. Why International Assistance Does Not Alleviate Poverty. *Foreign Affairs*. 2010;89:120–125.
22. Regueiro Dubra R. Diferencias y similitudes entre los casos de Kosovo y Osetiadel Sur según el Derecho internacional. Defensa y Globalización. Granada: Universidad de Granada; 2012.
23. Kosevich E. Yu. Mexico: Strategy for Security and Combating Organized Crime. *Iberamerica*. 2017;1:74–95. (In Spanish).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-5-93-96

УДК 323.3(045)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ КАК КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ ДЛЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: МЕХАНИЗМЫ И ПРИНЦИПЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ

Булатов Александр Геннадьевич,

аспирант Департамента политологии, Финансовый университет,
старший специалист дежурной группы, ФГУП «ГРЧЦ», Москва, Россия
aleks40k@mail.ru

Аннотация. Интерес различных исследователей к политическим элитам обусловлен их ролью в обществе — они управляют процессами в важнейших сферах общественного развития. В контексте развития российского общества не последнее место занимает вопрос о рекрутировании региональных политических элит на федеральный уровень. В связи с этим также поднимается вопрос интеграции федерального и регионального уровней управления в лице политических элит, обособленности федерального Центра от руководящего состава российских субъектов.

В данной статье рассматриваются особенности региональных систем рекрутирования политических элит с точки зрения их открытости либо закрытости для новых кадров и взаимодействия с федеральным Центром. Рассматриваются основные механизмы продвижения региональных лидеров на федеральный уровень. В результате делается вывод, что Центр не заинтересован в создании механизмов для рекрутирования региональных политических элит на федеральный уровень, поэтому формальных механизмов сравнительно немного, нововведения носят ситуативный характер, в то время как продвижения представителей региональных элит по личным каналам немногочисленны. Отмечается, что Центром предпринимаются меры не для формирования каналов продвижения региональных лидеров, а для создания новых рычагов влияния и центров силы для контроля ситуации на региональном уровне в обход местных элит. Помимо этого, подчеркивается закрытость региональных элит, медленное обновление их состава и преобладание принципа личной лояльности как основного условия рекрутирования новых кадров.

Ключевые слова: политическая элита; рекрутирование элиты; кадровый резерв; механизмы рекрутирования; региональная элита; федеральная элита

THE REGIONAL ELITE AS A TALENT POOL FOR THE FEDERAL AUTHORITIES: MECHANISMS AND PRINCIPLES OF RECRUITMENT

Aleksandr G. Bulatov,

Post-graduate Student, Department of Political Science, Financial University,
senior specialist of the duty group, FGUP "GRChTs", Moscow, Russia
aleks40k@mail.ru

Abstract. *The interest of various researchers in political elites is due to their role in society – they manage the processes in the most important areas of social development. In the context of the development of Russian society, the issue of recruiting regional political elites to the Federal level is not the last one. In this regard, it is raised the issue of integration of the Federal and regional levels of government in the face of political elites, and also the isolation of the Federal Center from the leadership of Russian subjects. In this article, I discuss the features of regional systems of recruitment of political elites in terms of their openness or closeness to new staff and interaction with the Federal authorities. Also, I consider the main mechanisms of promotion of regional leaders at the Federal level. As a result, it is concluded that the Federal authorities are not interested in creating mechanisms for recruiting regional political elites to the Federal level, so there are relatively few formal mechanisms, innovations are situational, while the promotion of representatives of regional elites through personal channels are few. It is noted that the Federal authorities are taking measures not to form channels of promotion of regional leaders, but to create new levers of influence and centres of power to control the situation at the regional level, bypassing local elites. In addition, I emphasize the closeness of regional elites, slow renewal of their composition and the predominance of the principle of personal loyalty as the main condition for recruiting new personnel.*

Keywords: *political elite; elite recruitment; personnel reserve; recruitment mechanisms; regional elite; Federal elite*

Вопрос роли элиты в системе управления обществом, источников ее формирования и эффективности традиционно занимал видное место в трудах отечественных и зарубежных исследователей, изучающих данный вопрос. В связи с этим сохраняет актуальность проблема формирования российских элит в современных социальных, политических и экономических условиях, которые многие исследователи до сих пор рассматривают как переходные после распада СССР и принятия Россией рыночной экономики и демократического курса.

Одним из важных аспектов остается вопрос рекрутирования региональных элит. Несмотря на усиление власти федерального Центра и в целом преобладание центристских тенденций над центробежными после 2000 г., а также вытеснение регионов из политической повестки федерального уровня эффективность работы региональных элит на местах, их компетентность и понимание запросов населения определяют положение дел в российских субъектах.

Недавним примером некорректной реакции на общественные настроения в регионе стало выступление бывшего губернатора Кемеровской области А. Тулеева, обвинившего граждан, протестующих в связи с пожаром в ТЦ «Зимняя вишня», в дестабилизации политической обстановки, что, среди прочего, привело к его отставке. Тем более данный пример релевантен в связи с тем, что А. Тулеев является одним из немногих губернаторов, сохранивших пост с 90-х гг., что определило довольно консервативный состав элит в Кемеровской области.

Механизмы и принципы рекрутирования элит в регионах определяют личные и профессиональ-

ные качества местного политического руководства. Нынешние особенности рекрутирования элит, по мнению ряда исследователей, зачастую не способствуют выдвижению на руководящие должности управленцев, отличающихся наибольшей компетентностью. В частности, отмечается, что для региональных политических элит характерен высокий уровень централизации власти. Выстраиваемая в субъектах вертикаль власти, как правило, замыкается на ее центральном элементе — губернаторе, который в то же время оставляет за собой функцию взаимодействия с федеральным центром. Подобная иерархия может нарушаться в условиях прямых выборов, когда местные элитные группы имеют возможность взаимодействовать с Центром в обход губернатора.

Большинство исследователей при рассмотрении процесса рекрутирования элит в регионах отмечают принцип личной лояльности как основной критерий отбора новых членов политической элиты [1, 2]. Формирование элиты по принципу патрон-клиентских отношений приводит к тому, что при смене главы региона в отставку уходит и большая часть правящей элиты. Доминирование данного принципа рекрутирования приводило к тому, что в период отмены прямых выборов и назначения губернаторов с 2008 по 2012 г. «назначенцы» зачастую функционировали как автономный элемент политической системы, так как не были интегрированы в местные элиты и не обладали собственной клиентелой, что приводило как к внутриэлитным, так и открытым (посредством СМИ) конфликтам между губернатором и местным истеблишментом [3].

Среди ведущих способов рекрутирования политической элиты традиционно выделяются органы государственной власти, бизнес-структуры и «партия власти», причем вступление в «Единую Россию» зачастую служит каналом взаимодействия с федеральной властью для решения собственных проблем. В отличие от федеральной, региональная элита отличается большей консервативностью в плане ротации состава, а также более сильными внутриэлитными связями, что способствует ее большей закрытости и общей корпоративной замкнутости, стимулируемой прочными связями ее членов, превращение ее в «клуб» со специфическим самосознанием и системой отбора новых членов [4]. Среди моделей рекрутирования выделяют «парашютирование», когда новые лица приходят в систему извне по инициативе более высоких чинов в иерархии управления, «постепенное выращивание», при котором элита позволяет осуществлять приток на низовые должности извне, и «постепенный кадровый рост», который отличается максимальной закрытостью элиты и стремлением ее членов к сохранению своих позиций [5].

Формирование элиты вокруг губернатора и в целом важность его фигуры в политической системе регионов является признаком характерной для российской политики персонализации политических институтов как в плане их восприятия населением, так и с точки зрения особенностей их функционирования в зависимости от личных качеств губернатора. В свою очередь, ведущая роль упомянутого выше принципа личной лояльности при рекрутировании новых членов региональной элиты является наследием от СССР принципа приоритета политических качеств работника.

Медленное обновление руководящего состава субъектов создает проблему несформированности кадрового резерва политической элиты. Так, отставка, например, министра в отдельно взятом регионе может привести к обширным перестановкам в связи с отсутствием подготовленного кандидата, особенно с учетом того, что новый назначенец не обязательно обладает необходимыми профессиональными и личными качествами и может быть позднее заменен. Меньшая прозрачность процесса отбора кандидатов на руководящие должности на региональном уровне, нежели на федеральном, в сочетании с отбором кадров по принципу личной лояльности сокращает количество предъявляемых к ним требований, что снижает уровень их профессионализма.

Рассматривая вопрос рекрутирования региональных элит на федеральный уровень, исследователями подчеркивается в целом недоверие федерального центра к регионам и, как следствие, отсутствие вертикальных лифтов на федеральный уровень для региональной элиты. Один из наиболее очевидных способов «возвышения» региональных лидеров — назначение в Федеральное собрание РФ — характеризуется как в большей степени формальный, «политическая ссылка» либо «политический отдых» при отсутствии реальной деятельности [5].

С учетом преобладания неформального фактора при рекрутировании российских элит, в качестве обстоятельств, влияющих на вероятность выхода с регионального на федеральный уровень, отмечается значимость наличия прямых контактов с первыми лицами государства, опыт совместной работы с политиками федерального уровня. Отдельным примером выхода на межрегиональный уровень стал период назначения губернаторов, когда корпус «назначенцев» зачастую формировался из представителей элит других регионов, что делало их, по сути, кадровым резервом Центра, который использовался для исправления ситуации в отдельных неблагоприятных регионах [3].

Одним из традиционных каналов продвижения региональных элит на федеральный уровень остаются региональные отделения государственных органов, бизнес-структур, в меньшей степени политических движений и организаций. Как и при назначении губернаторов, формирование каналов для продвижения региональных элит на федеральный уровень происходит, как правило, в случае реализации Центром новой инициативы по контролю ситуации в тех или иных регионах.

Примером такой инициативы стало привлечение в политическую сферу ранее незадействованных в ней активистов и публичных фигур в ходе прямых линий Президента РФ В.В. Путина и мероприятий, организуемых преимущественно перед президентскими выборами. Так, ярким примером стал «токарь из Перми» В.В. Трапезников, выступивший в качестве одного из организаторов комитета в поддержку В.В. Путина на «Уралвагонзаводе» в ходе президентской кампании, после чего в 2012 г. он был назначен полномочным представителем Президента в Уральском федеральном округе.

Также в политическую сферу привлекались ранее незадействованные в политике активисты из социальных отраслей, представители науки, искусства, спорта. По тому же принципу формировался список доверенных лиц Президента в ходе выборов, а также

региональные штабы поддержки. Стоит отметить, что после выборов «рекруты» были использованы для попытки формирования альтернативных центров власти в регионах «в обход» глав субъектов и их управленческого аппарата, в том числе в рамках региональных отделений Общероссийского народного фронта, несмотря на неоднозначную эффективность привлеченных активистов для поддержки президентской кампании в ходе выборов.

Таким образом, подобные альтернативные центры силы должны были выполнять мобилизующую роль в ходе региональных и федеральных выборов и дать возможность Центру при необходимости действовать без привлечения местных элит [6].

Многие из привлеченных активистов демонстрировали политическую пассивность и очень немногие смогли «взлететь» до федерального уровня, как В.В. Трапезников. На примере подобного отбора кандидатов «из народа» мы видим, что федеральная власть сохраняет недоверие к местным элитам и предпочитает искать альтернативные источники влияния и рекрутирования региональных кадров

для федерального уровня, желательно подчиняющихся напрямую Центру и способных оказывать влияние на настроения в своих субъектах.

Подводя итог, можно сказать, что, независимо от формального либо неформального характера рекрутирования сохраняется основной принцип, используемый при формировании элит и федерального, и регионального уровня — лояльность. Перемещение региональных элит на федеральный уровень происходит при наличии у них (как упоминалось выше) личных контактов с теми или иными представителями федеральной элиты либо при наработке политического капитала через региональные отделения государственных органов, бизнес-структуры, «партию власти». В целом, это не носит распространенный характер, а примеры формального подхода в виде привлечения активистов разных сфер в рамках выборов пока осуществляются с целью формирования Центром новых рычагов влияния на настроения в российских регионах, а не создания постоянного кадрового резерва.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ветренко И.А., Жуков И.К. Региональная политическая элита: основные тенденции в системе рекрутирования. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2013;9(3):62–73.
2. Попова О.В. Социология экспертных оценок формирования региональных политико-административных структур Российской Федерации. *Наукові студії — XXI (культура, освіта — антропоцентричні парадигми і сучасний світ). Філософія. Філологія. Педагогіка. Економіка*. 2013;2(2):667–692.
3. Подвинцев О.Б. Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.). *Власть и элиты*. 2015;(2):171–189.
4. Подвинцев О.Б. Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2009;5(2):56–71.
5. Кучумов В.И. Особенности формирования региональных элит в современной России. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007;18(44):144–150.
6. Нигматуллина Т.А. Клиентелизм как политический тренд регионального элитообразования. *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2017;3(36):7–16.

REFERENCES

1. Vetrenko I.A., Zhukov I.K. Regional political elite: The main trends in the recruitment system. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2013;9(3):62–73. (In Russ.).
2. Popova O.V. Sociology of expert assessments of the formation of regional political and administrative structures of the Russian Federation. *Наукові студії — XXI (культура, освіта — антропоцентричні парадигми і сучасний світ). Філософія. Філологія. Педагогіка. Економіка*. 2013;2(2):667–692. (In Russ.).
3. Podvintsev O.B. An attempt to form new political elites in the regions of the Russian Federation: Goals, mechanisms, results (2012–2014) *Vlast' i elity*. 2015;(2):171–189. (In Russ.).
4. Podvintsev O.B. The governors-“Vikings” and the regional political elite in modern Russia: Conditions and tendencies of interaction. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2009;5(2):56–71. (In Russ.).
5. Kuchumov V.I. Features of formation of regional elites in modern Russia. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2007;18(44):144–150. (In Russ.).
6. Nigmatullina T.A. Clientelism as a political trend of the regional elite formation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii)*. 2017;3(36):7–16. (In Russ.).